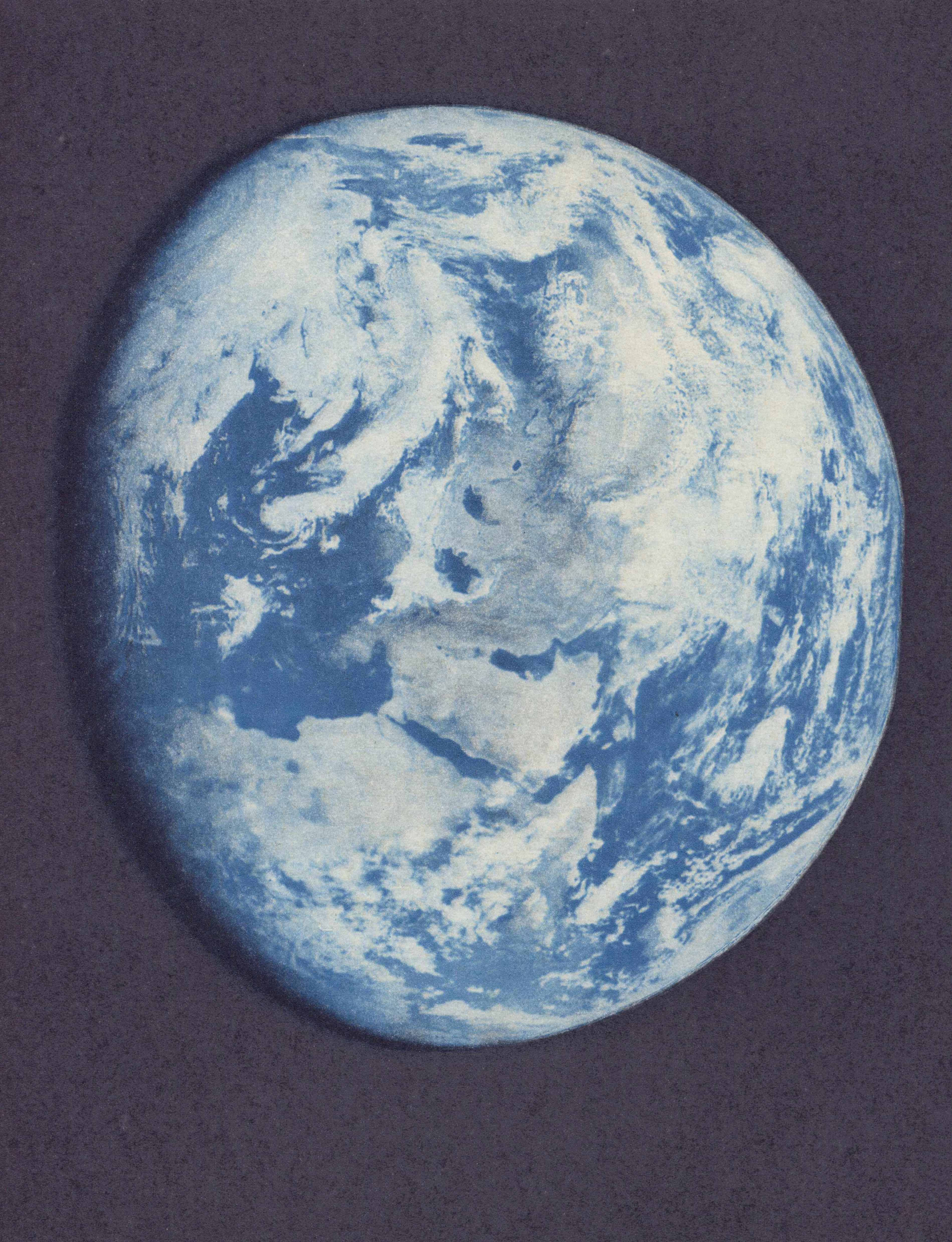

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

8 августа к Луне отправился в полет советский космический аппарат «Зонд-7». В обширную программу научных исследований и технических отработок было включено проведение сеансов фотографирования как Луны, так и Земли. При первом сеансе, проведенном 8 августа в момент, когда космическая станция находилась на расстоянии примерно 70 тысяч километров от Земли, фотографировалась наша планета. Благоприятное для съемки состояние облачности позволило получить фотоснимки, на которых хорошо видны многие черты земной поверхности: большая часть Африки, русло реки Нил, Красное, Средиземное, Черное, Азовское, Каспийское моря, горные хребты Памира, Тянь-Шаня, физические очертания территории Ирана, Афганистана, Малой Азии, Аравийского полуострова...

В следующем сеансе 11 августа выполнялось фотографирование Луны — в точке траектории, находящейся на расстоянии 10 тысяч километров от лунной поверхности.

Третий сеанс начался в момент, когда в кадр вместе с Землей попадала и Луна. Затем автоматическая станция зашла за Луну, и было проведено фотографирование поверхности с обратной стороны. При этом станция находилась на расстоянии около 2 тысяч километров от Луны.

Полученные фотографии очень высокого качества. Большая часть снимков выполнялась в цвете. Человеческий глаз способен дифференцировать более 10 тысяч цветовых оттенков. И, естественно, новые цветные фотографии позволяют более детально анализировать физические черты поверхности Луны.

Запуск «Зонда-7» — закономерное продолжение исследований нашей спутницы, начавшихся много лет назад.

...4 октября 1959 года. В этот день стартовала советская автоматическая станция «Луна-3». Долетев до Луны, станция обогнула ее и впервые в мире провела сеанс фотографирования невидимой с Земли стороны. Вскоре после этого Земля по радиоканалу получила с борта станции выполненные фотоснимки. Их изучение дало возможность составить карту-схему, охватывающую примерно 60% невидимого полушария и создать Атлас обратной стороны Луны. Ученые с удивлением увидели, что на обратной стороне, в отличие от «нашей», очень мало морей, и большую часть поверхности представляет усеянная кратерами возвышенность.

Значительный вклад в освоение Луны стали вносить автоматические станции типа «Зонд». В июле 1965 года станция «Зонд-3» фотографирует большую часть поверхности, не отснятой «Луной-3».

3 февраля 1966 года происходит первая в истории мягкая посадка космического аппарата на Луну. Советская автоматическая станция «Луна-9» ведет телевизионные передачи с поверхности нашего спутника.

Ученые понимали, что передача фотоснимков по радиотелевизионному каналу — не лучший способ их получения, так как всегда возникают помехи, сильно влияющие на качество изображения. Ясно было, что отснятые материалы нужно на Землю возвращать.

Выведенная в октябре 1966 года на орбиту вокруг Луны автоматическая станция «Луна-12» выполнила новые фотографии поверхности, которые дополнили и уточнили данные предшествующих полетов. Большой объем работ по фотографированию Луны был проведен американскими космическими аппаратами «Рейнджер» и «Лунар Орбитер». Таким образом, практически был завершен первый глобальный обзор Луны. В руках ученых была теперь полная карта ее поверхности. Однако все же это была карта «в первом приближении». Предстояло более детальное картографирование. Впереди были новые полеты, новые методы.

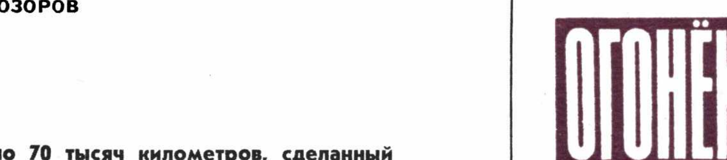
В ноябре 1968 года происходит запуск советской автоматической станции «Зонд-6», которая вслед за «Зондом-5», впервые в истории вернувшимся на Землю с лунной трассы, демонстрирует более совершенную схему спуска в земной атмосфере — управляемого спуска с использованием аэродинамической подъемной силы. При этом фотопленка, на которую снималась Луна, была доставлена на Землю.

Прошел еще год. И вот новая победа — перед учеными легли снимки «Зонда-7», космического исследователя и фоторепортера.

Борис ПРОЗОРОВ

Снимок Луны, сделанный с автоматической станции «Зонд-7» 11 августа 1969 года. Расстояние до Луны 10 тысяч километров. Цифрами обозначены цирки и кратеры: 1 — Рессел, 2 — Струве, 3 — Эддингтон, 4 — Бригс, 5 — Кардан, 6 — Кавальери, 7 — Гевелий, 8 — Риччиоли, 9 — Шлютер, 10 — Хартвиг, 11 — Васко-да-Гама, 12 — Эйнштейн, 13 — Мосли, 14 — Бальбоа.

«ЗОНД-7» — КОСМИЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ

Снимок Земли с расстояния около 70 тысяч километров, сделанный 8 августа 1969 года автоматической станцией «Зонд-7». В центре снимка — Каспийское море. К востоку от него — территория среднеазиатских советских республик. Видна также северо-восточная часть Африки и юго-запад Азии.

Фото АПН.

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 35 (2200)
Основан 1 апреля 1923 года
30 АВГУСТА 1969

ЧТО НЕ ДОСТРОИЛИ НАШИ ОТЦЫ...

Макар ШЛЯХТИЧ,
редактор газеты
«Молдова сочиалистэ»

В минувшие субботу и воскресенье Молдавия торжественно отметила 25-летие освобождения Кишинева от немецко-фашистских захватчиков. Для нас, молдаван, это большой и радостный праздник. Незадолго до этого праздника в республике было много волнующих встреч с бывшими воинами, с людьми героических подвигов. Одна из таких встреч оставила в моем сердце глубокий след. В едином искреннем порыве юноши и девушки дали слово своим отцам и старшим братьям продолжать их дело, быть верными революционным традициям лучших сынов народа — Григория Котовского, Сергея Лазо, Михаила Фрунзе; революционера-подпольщика Павла Ткаченко, героя Великой Отечественной войны Иона Солтыса, молодогвардейца Бориса Главана и многих других.

«Что не достроили наши отцы, достроим мы...» — слова из реквиема, прозвучавшего на встрече. Слова эти сейчас мысленно повторяют многие молодые люди. И строят! Строят фабрики и заводы, институты и жилые дома; строят заново и перестраивают старое, строят жизнь, делая это добротно, надолго. Строят по гениальным предначертаниям Ильича.

...Много у нас в республике уже возведено. Но нужно еще больше. Ведь прежде, до Советской власти, в нашем крае не было ни одного крупного завода, ни одного высшего учебного заведения, ни одного театра.

С гордостью за достигнутое хочу назвать то, что появилось сравнительно недавно: заводы «Микропровод», «Электроточприбор», «Электромашина», обувное объединение «Зориле», швейная фабрика «40 лет ВЛКСМ». Их более пятисот, новостроек, продукцию которых знают во многих странах мира. В одну строку с этими промышленными предприятиями хочу поставить Молдавскую Академию наук, университет, политехнический и сельскохозяйственный институты, многие другие вузы, научно-исследовательские институты, театры, дворцы культуры.

Это в городах. Коснулись ли перемены села? Побывайте в Гырбове Дондюшанского или в Ларге Бричанского районов. По инициативе жителей этих сел в республике идет соревнование за новый облик деревень, за повышение культуры жизни колхозников. Ларгу я знаю с 1945 года. Не было тогда в селе ни клуба, ни библиотеки. Школа ютилась в нескольких ветхих хатах. Было достаточно посмотреть на дома, чтобы определить: живут тут бедняки. Сейчас в Ларге отличный Дворец культуры, школа, административные здания, комфортабельные жилые дома. Все делается по плану, разработанному видными молдавскими архитекторами. Гырбово тоже не отстает. Здесь стало традицией украшать фасады домов художественной росписью, репродукциями с картин. Идешь по селу, как по музею. Недавно в этих деревнях состоялись республиканские семинары по сельскому строительству. Добрый пример подхвачен во всех районах республики.

...Сейчас у нас горячая пора. Подоспел урожай — надо его убрать и сохранить. Завершается косовица хлебов. Совхоз «Победа», Вулканештского района, борется за получение 40 центнеров зерна с гектара. Комбайнеры А. Лаврушин, Д. Сырбу, И. Шеремет убирали даже по 45—50 центнеров с гектара. По 30—40 центнеров отличного зерна получали и мастера колхоза имени Мичурина, Чимишлийского района. Убрали хлеб и тут же на освобождающихся площадях посеяли кукурузу. Второй урожай позволит создать в каждом хозяйстве солидный запас кормов. Радуют нас хорошие виды на урожай в садах и на виноградниках. Ведь слава Молдавии — в немалой степени слава ее виноградарей. Миллион тонн винограда обещает дать в этом году стране Молдавия. И даст его, этот миллион!

Строит новую жизнь молдавский народ. С братской помощью народов нашей страны он обрел свою государственность, успешно развивает свою экономику и культуру.

Кишинев. Площадь Освобождения. На торжественном митинге комсомольцев и молодежи.

Фото А. Награльяна.

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

Материалы этих страниц подготовлены кишиневскими журналистами.

СЛОВО ИМЕЕТ МОЛДАВИЯ

ТРАКТОРУ — ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

Первый трактор вышел из ворот этого завода лишь семь лет назад. А сейчас машины кишиневского завода уже отправляются во все концы нашей страны, работают на плантациях братских стран. На международной выставке сельскохозяйственной техники в Москве молдавский трактор был отмечен Большой золотой медалью.

Недавно с главного конвейера сошел двадцатипятитысячный трактор. Это за семь лет. А в ближайшем будущем завод — после реконструкции — сможет выпускать двадцать тысяч машин в год.

Молдавский трактор для виноградников очень понравился нашим зарубежным друзьям. В Болгарии по чертежам кишиневских конструкторов изготовлены первые триста таких машин. Молдавские тракторостроители помогают своим коллегам в Болгарии советом, передают опыт, на первых порах обеспечивают необходимыми деталями.

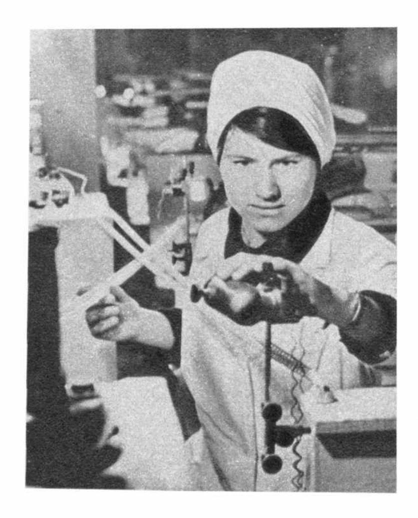
А. СВОБОДИН.

ГРАММ МЕТАЛЛА — ТРИ КИЛОМЕТРА ПРОВОДА

Если положить километр такого сверхтонкого провода на ладонь, вряд ли ощутишь его вес. Небольшой же кусочек его вообще незаметен. Разве что блеснет изоляцией. Нелегко сделать такой провод. Он отливается в особой «печи» — это кольцо генератора, образующее высокочастотное электромагнитное поле, которое дает температуру более тысячи градусов. Не просто отлить такой провод; а те, кто делает из него детали для счетно-вычислительных машин, — специалисты совсем уж особой квалификации.

На кишиневском заводе «Микропровод» создаются уникальные, очень точные электроизмерительные приборы. Несколько таких приборов размещается на обычном письменном столе. А если бы в любом из них десятки километров тончайшего литого микропровода заменить обычным, вес прибора сразу подскочил бы в десять раз, а точность измерений при этом снизилась. На традиционной Лейпцигской ярмарке продукция этого предприятия удостоена четырех золотых медалей.

Кишиневский завод, первым в стране начавший промышленный выпуск литого сверхтонкого провода и приборов из него, сейчас расширяется. Для него строятся новые корпуса. Все сырье для их годовой программы можно будет привезти на одной автомашине — из грамма металла тут льют до трех километров провода.

На новом предприятии цеха будут скорее напоминать лаборатории. Прежде чем попасть в такой цех, рабочие должны пройти через специальную камеру обеспыливания.

Б. ГИССЕР

Мария Чебан, депутат Верховного Совета Молдавской ССР, работает на кишиневском заводе «Микропровод».

Фото С. Гальперина.

РОЗЫ ДРУЖБЫ

Кинотеатр, построенный кишиневцами на бывшем Скановом поле, назван «Шипка». Неподалеку от него, в старой часовне, сейчас создается музей. Он тоже напоминает о Болгарии. Каждый экспонат — свидетель памятных дней зарождения и развития дружбы молдавского и болгарского народов. А все Скановое поле ныне окаймляет живая цветочная изгородь: на клумбах и газонах — цветы из Болгарии. У них своя история.

...Нынешней весной почти сто тысяч кишиневцев вышли на воскресник. Болгарские туристы — в этот день прибыли две большие группы гостей из Софии — увидели людей с лопатами, граблями, тачками, узнали, что в городе воскресник. И попросили разрешения участвовать в нем. Целый день болгарские гости трудились рядом с кишиневцами. А когда софийцы уезжали, то предложили посадить на улицах Кишинева казанлыкские розы: «Мы пришлем вам их...»

И вот уже две автомашины, груженные черенками, примчались в Кишинев. Розы привез большой друг советских людей Герой Социалистического Труда Болгарии генерал-лейтенант Иван Винаров. Бережно высадили эти цветы. И теперь растут в Кишиневе прелестные болгарские розы.

У нашего братства вообще много добрых примет. Болгарский город Пловдив — побратим Кишинева. Когда пловдивцы обсуждали проект реконструкции своего города, они пригласили друзей из Кишинева. В Кишиневе строится новая улица, которой присвоено имя города Пловдива.

А. КОТОВСКИЙ

СТАТИСТИКИ СООБЩАЮТ...

Центральное статистическое управление при Совете Министров Молдавской ССР сообщает, что за первое полугодие 1969 года произведено:

... ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — 3 526 миллионов киловатт-часов,
... АВТОПРИЦЕПОВ — 12,8 тысячи штук,
... ШВЕЙНЫХ ИЗДЕЛИЙ — на 91,9 миллиона рублей,
... КОНСЕРВОВ — 143 миллиона банок,
... ХОЛОДИЛЬНИКОВ — 67,1 тысячи штук,
... ВИНА ВИНОГРАДНОГО — 12,1 миллиона декалитров, а также много иной продукции.

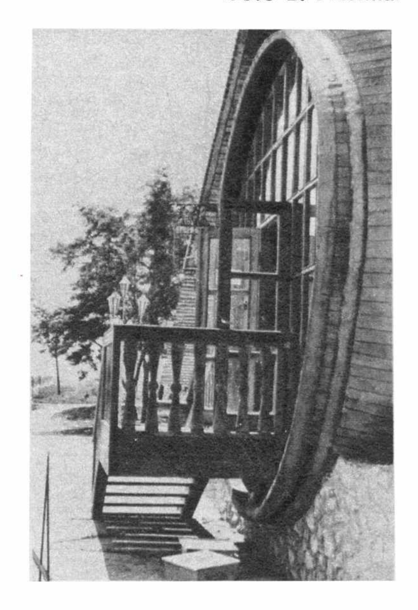
В РЕСПУБЛИКЕ РЕАЛИЗОВАНО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРЕДУСМАТРИВАЛОСЬ ПОЛУГОДОВЫМ ПЛАНОМ, НА 36 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

КОРЧМА ПРИ ДОРОГЕ

Наверное, это пока единственное такое кафе. Построено оно в Молдавии, неподалеку от Кишинева, близ дороги, ведущей на Бельцы. Молдавия славится своими садами, виноградниками, виноделием, может, этим и продиктована необычная форма кафе: в виде огромной бочки, внутри которой расставлены столы и стулья. Возле — терраса под пологой крышей. Это винарня совхоза «Романешты», подавшего хороший пример.

Молдавская корчма, которая так и называется «Бочка», или, если по-молдавски, «Полобок», недавно поселилась близ столицы. Она станет столь же гостеприимной, как и другие кафе и рестораны республики. Тут можно отведать малосольных помидоров, вкусной костицы, выпить квасу.

В. МАЙОРОВ
Фото В. Рыбина.

В Молдавии, около села Леушены, Котовского района, состоялось торжественное открытие памятника советским воинам. Он поставлен на месте соединения двух фронтов Ясско-Кишиневской операции 1944 года.

Фото Н. Спивака.

ВОЗРОЖДЕННОЕ ВИНО

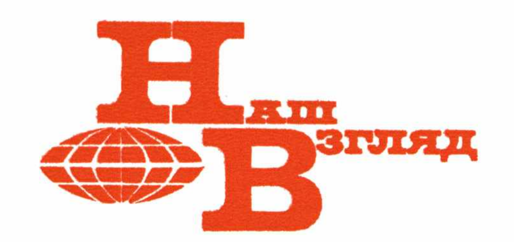
Пять напитков молдавских виноделов впервые удостоены «Знака качества». Среди них «Негру де Пуркарь». Восемь золотых и серебряных медалей получило за одиннадцать лет своей второй жизни это чудесное вино. Его история — это история о потерянном и найденном спустя много лет благородном напитке, давшем известность молдавскому селу Пуркары.

Винами замечательной доброты называли прежде пуркарские напитки. Их очень высоко ценили на международном рынке. Но случилось несчастье — в конце прошлого века виноградники поразила филлоксера. И «пуркарское» исчезло. Рецептура его считалась утерянной.

В годы войны на пуркарских землях шли тяжелые бои. Сохранившиеся тут после нашествия филоксеры остатки виноградников были уничтожены. И специалистам созданного в этих местах совхоза-завода пришлось начинать с азов. Неудачи следовали одна за другой. Они отодвигали второе рождение вина, но в то же время и приближали его: упорство и мастерство всегда вознаграждаются.

...Из местного сорта винограда «рара нягрэ», из завезенного французского «каберне» и из грузинского «саперави» в совхозе-заводе «Пуркары» сейчас выпускают «Негру де Пуркарь» — темно-рубиновый напиток с бархатистым вкусом и ароматом черной смородины.

И. ИЛЬИН.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Владимир **МИХАЙЛОВ**

...Длинный туннель заканчивается черной пробкой тьмы. Наш провожатый изредка останавливался, давал короткое пояснение, и опять мы еле поспевали за ним.

— Над нами улица,— указывал он вверх.— Налево выход к зданию, где располагалось партийное казначейство.

Нас же он повел вправо. Внезапно перед нами распахнулась дверь. Залитая светом комната. Посредине пульт со множеством рычажков и кнопок. Против каждой — таблички. Наш гид торжествующе указал на них, как на нечто сверхдрагоценное.

Под пожелтевшим целлулоидом надписи: «Центральный зал», «Кабинет фюрера», «Покои фюрера». Это был пульт управления теплоцентралью главной резиденции Гитлера в Мюнхене. Здесь, под землей, все осталось по-прежнему.

Затем нас привели в Центральный зал. Справа камин в зеленом с прожилками мраморе. «Вот только решетка не та — настоящую увезли американцы». Здесь, у этого камина, Чемберлен и Даладье подписали с Гитлером и Муссолини **зловещий Мюнхенский пакт**...

Эту экскурсию в прошлое я совершил в канун 30-летия сговора «миротворцев». И сейчас, год спустя, уже в канун 30-летия начала второй мировой войны, мне хочется обратиться именно к этой дате. Если анализировать преступления не только для справедливого приговора, но и для предотвращения рецидива — а это главное! — важно помнить, кто же вложил оружие в руки убийц. Убийцы осуждены историей, хотя кара еще многих из них не настигла. Но те, кто расчищал путь фашистской Германии к агрессии, — они или их духовные наследники здравствуют и поныне. Разве воинствующий антикоммунизм, что привел западные державы к заговору в Мюнхене, не является теперь основой НАТО и политики перевооружения Западной Германии?

«Это—величайшее несчастье!»—воскликнул один французский парламентарий, когда под напором глашатаев нового «крестового похода против коммунизма» западные державы повторили ошибку прошлого и вернули оружие вчерашним убийцам. В июне этого года горноегерские дивизии бундесвера проводили на юге страны, у границ ГДР и Чехословакии, маневры по схеме: «Политическое напряжение между НАТО и красными усилилось. Красные требуют запретить праворадикальную партию в Федеративной Республике и особенно запретить ее съезд в одном из городов Нижней Баварии». На вопрос, чем объяснить столь трогательную заботу о неофашистской партии, пресс-офицер 1-й горноегерской дивизии майор Ниц объявил: «Мы лишь немного предвосхищаем развитие в Федеративной Республике. В оценке положения мы исходим из того, что НДП войдет в бундестаг с сильной, если не с самой сильной фракцией». Западногерманская армия уже сейчас становится горой за неофашистскую партию. А ведь за четыре года до начала второй мировой войны генерал вермахта Вальтер фон Райхенау от имени своих коллег тоже заявлял: «Мы являемся национал-социалистами и без партийной книжки, самыми лучшими, самыми серьезными, самыми верными». Бундесвер идет по стопам вермахта, а канцлер Кизингер называет его «школой нации»!

Так что же, неужели жертвы этой ужаснейшей из войн были напрасными? Но разве Европа жила когда-нибудь раньше так долго без войны, так долго в мире! Европа показала себя самым стабильным континентом мира. В чем причина? Нигде в ином месте земного шара социализм не занимает таких сильных, сдерживающих агрессию позиций. И в этом главное завоевание и счастье европейских народов. Мне хорошо запомнились слова одного из бывших гитлеровских генералов, играющего сейчас важную роль в армии. В ответ на мой вопрос, как он сейчас смотрит на проблему войны и мира, экс-генерал нагло ответил: «...Если бы было возможно, я первый взялся бы за винтовку». Тогда я физически ощутил, как важно крепить могущество социализма, чтобы вот таким никогда и в голову не пришла бы мысль о возможности «взяться за винтовку».

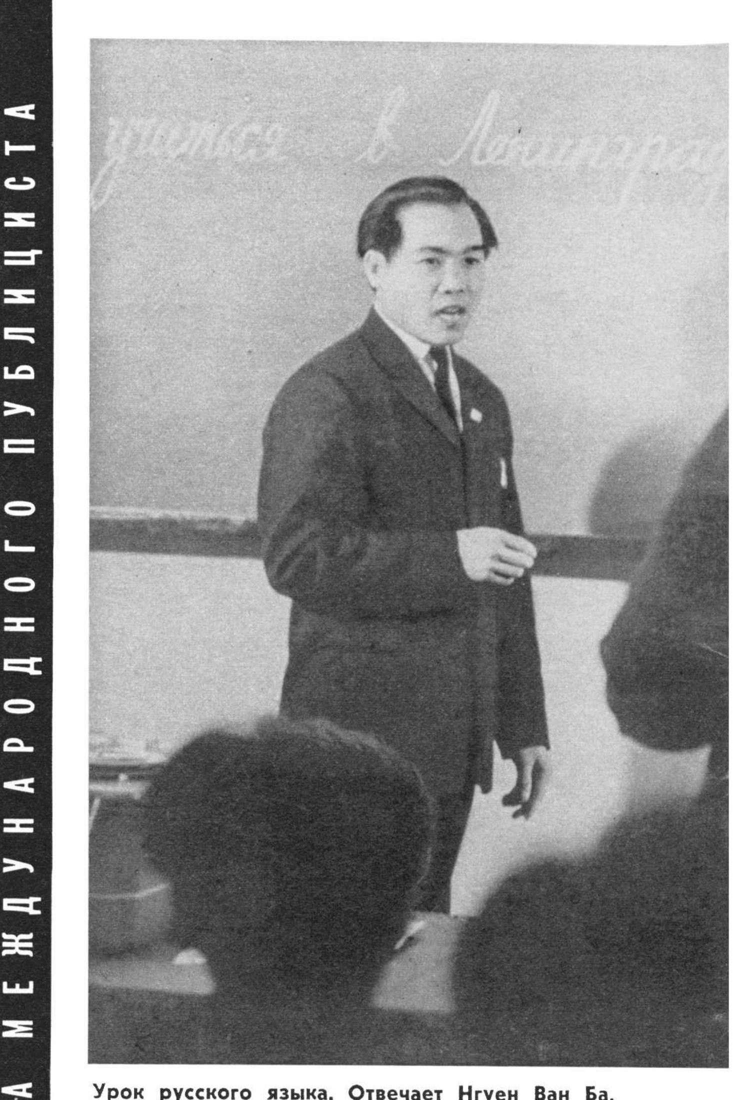
...Как-то недалеко от Саарбрюккена мне довелось встретиться с мужественной женщиной. Друзья звали ее «тетушка Эмма». Все годы фашистского террора она прятала у себя красное знамя, подаренное немецким рабочим, когда они приезжали на 10-летие Октября в Советский Союз. Тетушка Эмма рассказывала о своем сыне — коммунисте, сражавшемся в Интернациональной бригаде в Испании. В те годы для меня и моих сверстников сражающаяся Испания была страной, куда мы все время рвались. Каждый день мы отмечали в школе на карте линию фронта, но не отдавали себе, конечно, отчета, что там разыгрывается репетиция грядущей войны, а линия фронта скоро придет к нам, перешагнет границы нашей Родины.

Но враги социализма получили урок, который им следует запомнить навсегда: для того, кто поднял руку на первое социалистическое государство, пощады быть не может.

ВЪЕ
В ГОР

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

Урок русского языка. Отвечает Нгуен Ван Ба.

Первое знакомство со шлифовальным станком.

ТНАМ
ОДЕ ЛЕНИНА

2 сентября исполняется 24 года со дня провозглашения Демократической Республики Вьетнам. Мужественный вьетнамский народ героически отстаивает свои великие завоевания. Советские люди, верные интернациональному долгу, оказывают всестороннюю помощь братскому народу в его справедливой борьбе с американскими агрессорами. Наши корреспонденты рассказывают о вьетнамских юношах и девушках, которые приехали учиться в Ленинград.

В одном из залов профессионально-технического училища № 92 в Ленинграде мы увидели лозунг: «Каждое выученное русское слово — пуля по врагу». Здесь занимаются вьетнамские юноши и девушки. Через три года они вернутся на родину квалифицированными металлистами, монтажниками, термистами.

Гуляют ли по коридору, сидят ли в креслах перед окнами или за столиками в читальне, вьетнамцы учат русские слова.

У педагогов и воспитателей, технических работников свой маленький разговорник. Все — от директора до медиков — занимаются на курсах вьетнамского языка.

Лучшие мастерские, оснащенные новейшими приборами, станками, испытательными стендами, закреплены за воспитанниками ПТУ-92. В последний год обучения юные вьетнамцы придут на прославленные заводы: монтажники генераторов — на «Электросилу» имени Кирова, машинисты гидротурбин — на Металлический завод имени XXII съезда КПСС, будущие термисты — на Невский машиностроительный имени Ленина, кузнецы-штамповщики — на «Русский дизель».

Из трехсот вьетнамцев нет ни одного, кто бы не пострадал от американских варваров. Фам Тхи Туэт — дочь крестьянина. Ей 18 лет. У нее на войне погиб брат, осколки вражеских бомб сразили мать и отца. Два других брата Туэт ушли в армию. Туэт хотела отправиться с ними, но комсомол посоветовал ей изучить фрезерный станок, стать работницей.

У молодой воспитательницы Нины Фроловны Огаликовой, кроме Туэт, еще 24 девушки — будущие фрезеровщицы. Все знают ее имя, а называют мамой. Среди преподавателей и воспитателей мало таких, кого прямо или косвенно не задела война. У директора Анатолия Георгиевича Ипполитова отец погиб на фронте, а сам он тринадцатилетним мальчишкой встал к станку. Ненависть к войне, к агрессору—вот что, пожалуй, так быстро объединило русских и вьетнамцев и сцементировало крепкую дружбу в доме на Очаковской.

Первым делом Нина Фроловна показала своим питомцам Смольный, он рядом с училищем. Рассказала о Ленине. На второй день увидела своих девочек, мастеривших макет штаба Революции. Пошли на «Аврору». К Зимнему. На берега Невы. Съездили в Петродворец, побывали в Эрмитаже.

Давно юные вьетнамцы не слышат сигналов воздушной тревоги. Над ними мирное ленинградское небо. По Неве, весело покрикивая гудками, плывут корабли. И все же бывали дни, которые напоминали о войне. Дни, когда приходили письма с родины.

«Дорогой Хай! Пишет твой друг Дин. Я счастлив, что ты в Советской стране учишься. А у нас попрежнему не прекращаются бомбежки. Более ста бомб сбросил враг на наш район. Сгорело 72 дома. 60 человек погибло в нашей деревне. Твои родители остались живы, их не было в этот час дома. А своих я похоронил. Мне трудно писать об этом. Но с тобой, самым близким другом, я должен поделиться своим горем... Бомба упала на школу, где мы учились с тобой. Погиб наш старый учитель и все дети, которые были в этот час на занятиях... Я думаю, что в СССР ты так же уважаешь товарищей и помогаешь им, как умел это делать всегда у себя дома. Крепко обнимаю тебя».

«Здравствуй, Тханг! Сегодня мне принесли твое письмо, и я с радостью узнал, что все вы здоровы и довольны учебой в Советской стране. Теперь несколько слов о том, что произошло в нашей деревне... Открыто несколько школ для взрослых, где мы учимся в свободное от работы время и когда нет налетов и кончается бой. И еще о самом главном — я вступил в армию, так что теперь я солдат. Пиши мне. Дьев Леау».

В училище есть книга, в которой записаны впечатления, пожелания гостей. Вот что написал Первый секретарь посольства ДРВ в СССР товарищ Ле Нуой: «...Нам очень нравится вся работа, проводимая здесь Вами. Она отличается глубокой продуманностью. За те несколько дней, которые я провел в училище — интернате ПТУ-92, я лично убедился в большой братской дружбе и великом пролетарском интернационализме, которые связывают наши народы...»

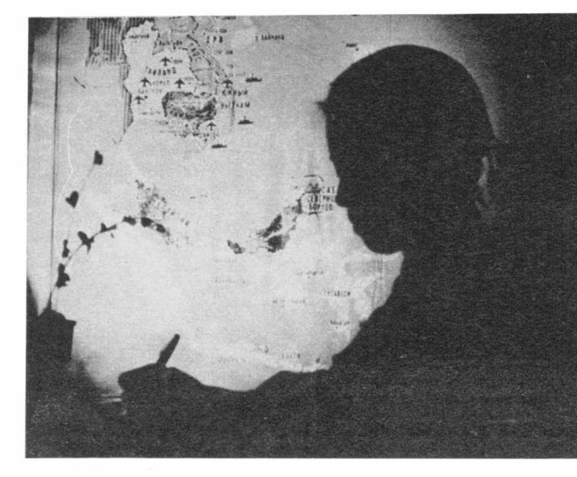
У Фан Ван Фиэта день рождения. Воспитатель В. А. Курбатов вручает подарок.

Нгуен Данг Нинь будет электромонтером.

Нгуен Тхи Дык нравится русский сарафан.

Письмо на родину.

Густав ГУСАК

О НАЦИОНА

Публикуемые страницы взяты из книги Первого секретаря ЦК КПЧ Густава Гусака «О Словацком национальном восстании», которая в июле 1969 года издана на словацком языке в Братиславе идеологическим отделом ЦК Компартии Словакии и Институтом истории КПС. Книга представляет собой сборник статей Г. Гусака, одного из организаторов вооруженной борьбы словацкого народа с немецким фашизмом, написанных и опубликованных в 1963—1968 годах. В этом интересном историко-мемуарном труде подняты основные проблемы истории словацкого антифашистского движения и прежде всего Словацкого национального восстания, 25-летие которого братские народы Чехословацкой Социалистической Республики отмечают в эти дни. Как подчеркивается в предисловии к книге, годовщина восстания — лучший повод «для раздумий о политическом значении его опыта для наших дней». В ходе подготовки и проведения всенародного вооруженного выступления в Словакии коммунистическая партия творчески претворяла в жизнь идеи марксизма-ленинизма и создала основные предпосылки для организации нового общественного строя, для победы социализма в стране.

Отрывки из книги Г. Гусака публикуются здесь со значительными сокращениями. В более полном виде они напечатаны на страницах издаваемого агентством печати «Новости» еженедельника «Тыденик актуалит».

С. МОКШИН,
главный редактор еженедельника «Тыденик актуалит».

...Словацкое национальное восстание было не только одной из крупнейших антифашистских акций народов Чехословакии и средней Европы, но и с точки зрения решающего влияния коммунистической партии в этих революционных событиях оно стало началом народно-демократической революции у нас и оказало решающее влияние на направление и развитие будущей Чехословацкой республики.

Большая часть словацкого народа приняла разгром Чехословацкой республики и ликвидацию ее демократического устройства с чувством горечи и сопротивления. Сразу же после Мюнхена, уже в октябре 1938 года, в Словакии была запрещена коммунистическая партия, революционные профсоюзы и все прогрессивные организации. Эти силы с самого начала составили ядро сопротивления ставленнику фашистов Тисо. Все буржуазные партии объединились с партией Глинки и сотрудничали с ней. Вместе с этой фашизированной партией они скомпрометировали себя в глазах словацкого народа.

В результате международного и внутреннего развития, нелегальной работы коммунистической партии и других антифашистов летом 1943 года в Словакии сложилась такая ситуация, что можно было подумать о большом, общенародном вооруженном антифашистском выступлении. В тот период — после ареста четырех нелегальных Центральных Комитетов Компартии Словакии — из Москвы в Словакию приезжает К. Шмидке и организует новое руководство партии — пятый нелегальный Центральный Комитет. На долю этого Центрального Комитета выпала задача организации и проведения Словацкого национального восстания.

Очень важно было определить цели подготавливаемой вооруженной борьбы словацкого народа. Все группы движения сопротивления приняли наконец точку зрения словацких коммунистов. В Рождественском договоре, подписанном в 1943 году всеми антифашистскими группами, говорится: «Мы хотим, чтобы словацкий и чешский народы, как самые близкие славянские народы, решали свои дальнейшие судьбы в чехословацкой республике, т. е. в общем государстве чехов и словаков, на основе принципа равноправия».

Двурушнической внешней политике правительства Бенеша Словацкий национальный совет противопоставил требование ориентации на Советский Союз. В Рождественском договоре говорится: «Мы хотим тесного сотрудничества со всеми славянскими государствами и народами, особенно с СССР, в котором мы видим гарантию свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и особенно славянских. Будущая Чехословацкая республика должна вести свою внешнюю политику в духе этих принципов и в области внешнеполитической и военной должна опираться на Советский Союз». Подготовка к восстанию и само восстание проводились в духе этих принципов. Советская ориентация вооруженной борьбы в Словакии, основанная на участии трудящихся масс и руководящей роли коммунистической партии, обеспечивала прогрессивный характер и перспективу этой борьбы, делала невозможным использование результатов победы буржуазными кругами в своих интересах. Подобным образом были решены и вопросы о направлениях внешнеполитического развития после освобождения.

Восстанию были нужны свои вооруженные силы. Мы готовили их по двум направлениям: создавая партизанские отряды и организации антифашистов в словацкой армии. Коммунистическая партия создавала партизанское движение как вооруженную народную силу под своим руководством. Сложнее обстояло дело в словацкой армии. Руководство КПС и Словацкого национального совета стремилось вовлечь антифашистские силы словацкой армии в единую общенациональную борьбу и рассчитывало на максимальное участие армии в восстании. Долгие переговоры с различными антифашистскими группами в армии в марте 1944 года закончились договором между Словацким национальным советом и военными группами. Армия признала политическое руководство СНС и выразила согласие с его программой.

Словацкое национальное восстание с самого начала подготавливалось таким образом, чтобы оно могло проходить координированно с действиями Красной Армии. Мы имели реальную возможность не только ускорить таким путем свержение фашистского режима и получить свободу, но и предоставить Красной Армии словацкую территорию для выхода на Моравию, к Вене и на Венгерскую низменность.

Напуганные успешными действиями партизан в центральной Словакии, немцы и представители режима Тисо начинают конкретную подготовку к вступлению немецких частей на территорию Словакии. Руководство КПС сообщает своим организациям о последних мерах подготовки общенациональной вооруженной борьбы. СНС и военное руководство также ведут последние приготовления к борьбе с нацизмом. Было решено, что вступление немецких войск послужит приказом к началу вооруженного сопротивления и политического переворота в Словакии, к началу восстания.

29 августа 1944 года передовые части гитлеровских войск вступили в Словакию. Тисо дал согласие. В ответ на это руководитель военного центра в соответствии с решением Словацкого национального совета в 20 часов отдал приказ частям словацкой армии оказать сопротивление наступающим немецким войскам. В тот же день национальные комитеты, руководимые коммунистами, произвели переворот на местах и взяли власть в свои руки. Словацкое национальное восстание началось.

В результате многих причин, одной из которых была недостаточная подготовленность антифашистов в армии, гитлеровским войскам в первые же дни удалось оккупировать западные и восточные районы Словакии. Часть повстанческих сил и армии отступила в центральную Словакию, которая стала ядром вооруженной борьбы словацкого народа с нацистами, свободным островом в тылу гитлеровской армии.

1 сентября 1944 года Словацкий национальный совет был провозглашен руководящим органом восстания, верховным органом власти словацкого народа. СНС обратился с призывом к гражданам взяться за оружие и выступить на борьбу с нацистами. Словацкий национальный совет пользовался авторитетом не только среди населения свободной Словакии, но и среди антифашистов оккупированных территорий.

Главной политической силой восстания, единственной организованной политической партией была коммунистическая. Она имела решающее влияние в национальных комитетах, в Словацком национальном совете и в партизанских отрядах, которые в период восстания насчитывали около 20 тысяч людей. На освобожденной территории коммунистическая партия перешла на легальное положение. Ее влияние среди масс проявилось в первые же дни восстания. 2 сентября руководство КПС обратилось к рабочим, крестьянам, трудящейся интеллигенции с призывом мобилизовать свои силы на борьбу с нацизмом. Позиции коммунистической партии еще более укрепились после объединения коммунистической и социал-демократической партий на объединенном съезде, который состоялся 17 сентября 1944 года.

Каждая революция решает вопрос власти. Это хорошо знал Бенеш и его люди. Знали это и коммунисты. Бенеш и его правительство в этот период все действия направляли на то, чтобы перенести свою позицию «легального президента» и «легального правительства» из сферы международных отношений на национальную почву. Все это делалось для того, чтобы захватить власть в свои руки у себя на родине, чтобы оказывать решающее воздействие на решение внутренних проблем, в том числе и вопроса о положении словаков в республике. Назревал серьезный конфликт. Когда лондонское правительство в телеграммах от 23 и 24 сентября 1944 года довольно открыто высказало свое желание взять власть в свои руки, провести в жизнь свою концепцию, а также

СЛОВАЦКОМ
ЛЬНОМ ВОССТАНИИ

нежелание признать словаков равноправным народом, Словацкий национальный совет принял ряд решительных мер. Бенеш и его правительство вынуждены были капитулировать. Они были вынуждены признать существование самостоятельного словацкого народа. Словацкий национальный совет, решающую роль в котором играли коммунисты, стал органом, определяющим развитие свободной Словакии в области законодательной и исполнительной власти.

Так с началом Словацкого национального восстания началась народно-демократическая революция нашего народа.

Помощь восстанию, обещанная лондонским правительством, практически равнялась нулю. Лондонские буржуазные политиканы, увидев, что Словацкое восстание борется не за их идеи, не за их классовые интересы, бросили его на произвол судьбы.

Только Советский Союз регулярно оказывал помощь восстанию. Эта братская помощь была многосторонней. Партизанские командиры и организаторы партизанского движения сражались бок о бок со словацким народом. Каждую ночь, если погода благоприятствовала, гудели над территорией восстания советские самолеты, доставляя оружие и боеприпасы. С советского фронта на территорию восстания был переброшен целый авиационный полк. Советская авиация переправила на территорию восстания вторую чехословацкую парашютную бригаду. 3 сентября Советское Верховное командование согласилось с предложением командующего I Украинским фронтом Конева оказать помощь восстанию путем проведения Карпатско-Дуклинской операции с целью объединения с вооруженными силами повстанцев.

19 сентября 1944 года началось наступление нацистских дивизий на территорию восстания со всех сторон. Словацкий национальный совет принимает решение о постепенном переходе на партизанский способ ведения войны.

Коммунистическая партия вновь уходит в подполье. Она направила своих членов на работу в партизанские отряды во все области Словакии. Никому в голову не приходила мысль о капитуляции.

28 октября 1944 года Шмидке, Шверма, Асмолов, я и другие руководители восстания покидали Доновалы и уходили высоко в горы Низкие Татры. Ушло и военное руководство, члены президиума СНС. Территория восстания была полностью оккупирована и разгромлена фашистами. Немцы жгли словацкие деревни, строили виселицы. Тюрьмы и лагеря были переполнены пленными. Месть нацистов за два месяца борьбы была особенно жестокой.

Политическая и вооруженная борьба словацкого народа продолжалась и после того, как повстанцы вынуждены были уйти в горы, правда, в гораздо более тяжелых условиях. В горы ушли десятки тысяч солдат, партизан и гражданского населения, принимавшего участие в восстании.

Партизанский штаб I Украинского фронта подсчитал, что к 1 декабря 1944 года количество сражающихся в горах партизан увеличилось до 17 тысяч. Но эта цифра неточна, так как часть отрядов не имела связи со штабом и постоянно шло формирование отрядов на местах. Немецкий тыл в Словакии был под угрозой. Партизанские отряды разрушали коммуникации, нападали на немецкие части и с приближением Красной Армии приняли участие в освобождении нашей территории.

Коммунистическая партия продолжала свою работу по всей Словакии. В западной и восточной Словакии в основном сохранилась сеть партийных организаций. Их главной задачей в то время была активизация партизанской деятельности, помощь сражающимся отрядам, мобилизация народных масс на борьбу с фашизмом. В центральной Словакии партия вновь ушла в подполье, и новая сеть партийных организаций создавалась через партизанский центр. Перешли на нелегальное положение и продолжали свою работу национальные комитеты. Продолжение вооруженной борьбы имело огромное военное и политическое значение. Немцам не удалось уничтожить вооруженные силы восстания, а потери, которые они понесли в Словакии, были немалые. Они вынуждены были сосредоточить здесь значительные силы, которые были необходимы им на фронтах. В этот период еще более проявилась руководящая роль коммунистической партии. Партизаны, хотя среди них было много и некоммунистов, считались коммунистической армией и находились под политическим влиянием партии. КПС осталась единой общесловацкой организованной политической силой. Колебаний среди некоммунистических антифашистских групп стало меньше. В течение восьмимесячной борьбы с нацистскими частями в результате политического развития после восстания, в результате работы коммунистической партии рабочие массы приобрели опыт политической и классовой борьбы. Они осознали свою роль в национально-освободительной борьбе, объединили ее задачи со своими классовыми и политическими целями. Такое развитие было очень важно в момент, когда Советская Армия постепенно, с востока на запад, освобождала территорию Словакии. Те, кто мечтал о новом «28 октября» после этой войны, о восстановлении буржуазных порядков, с ужасом смотрели на заросших и завшивевших бойцов, которые сходили с гор, на подпольных работников, которые взяли власть в свои руки на освобожденной территории и начали строить новую жизнь. Словацкий народ прошел в этих тяжелых боях хорошую политическую школу, активную школу революционного и боевого опыта. Эту революционную школу прошла вся Коммунистическая партия Словакии — авангард опытных и преданных бойцов за свободу и счастье трудящихся. Так развивалась политическая ситуация в Словакии, когда в конце ноября 1944 года Советская Армия начала освобождать восточнословацкие области.

Жизнь на освобожденной территории организовывали те силы, которые стояли во главе Словацкого национального восстания: прежде всего Словацкий национальный совет и Коммунистическая партия Словакии. Меры народно-демократической революции, которые начали осуществляться еще в период восстания, еще более углубились. Национальные комитеты всюду действовали как органы власти народа. Заводские комитеты руководили жизнью промышленных предприятий. Постановлением СНС от 27 февраля 1945 года была узаконена земельная реформа, и сразу же началась раздача земли мелким крестьянам. Старый аппарат государственной безопасности (жандармерия и полиция) был распущен, и начал создаваться новый, народный аппарат. Коммунисты были основной политической силой на освобожденной территории.

Такое положение оказало решающее влияние на образование первого правительства на свободной территории, его программу, его политическую линию, тем более что взгляды чешских и словацких коммунистов полностью совпадали. Бенеш и его приспешники в Лондоне, если они хотели вернуться на родину, должны были принять во внимание это положение, должны были договориться с коммунистами и Словацким национальным советом. Большое значение имело то, что территорию Чехословакии освободила Советская Армия. Политические переговоры лондонской и московской эмиграции и делегации Словацкого национального совета, которые проходили в марте 1945 года в Москве, должны были опираться на все вышеупомянутые факты. Было подписано политическое соглашение, которое вошло в историю под названием «Кошицкой правительственной программы»,— договор о создании первого национального правительства. По всем основным пунктам была принята программа коммунистической партии. Бенеш и его правительство вынуждены были подать в отставку. Это произошло в Кошице.

Борьба словацкого народа в период восстания и после него оказала влияние не только на антифашистскую борьбу и борьбу за свободу наших народов, но и на решение основных проблем в новой Чехословацкой республике. Положение трудящегося народа, его политических сил и прежде всего коммунистической партии в органах власти обновленного государства (в национальных комитетах, Словацком национальном совете, правительстве и т. д.) давало гарантию того, что на этот раз интересы народных масс будут учтены, что трудящиеся массы не будут обмануты хитростью буржуазных политиков. Был решен вопрос о положении словацкого народа в республике, было положено начало братским отношениям с чешским народом. Так по мере того, как Красная Армия освобождала наше государство (от восточнословацких районов до Праги), расширялось и укреплялось народно-демократическое управление, развивалась национальная и демократическая революция наших народов.

Вторая мировая война окончилась полной победой над фашизмом. Окончилась и борьба нашего народа за национальную и государственную свободу. Весна 1945 года — весна надежд нашего народа, начало его новой жизни. Словацкий народ внес большой вклад в дело нашей свободы, в решение послевоенных проблем. Поэтому мы с гордостью отмечаем во всей нашей стране годовщину Словацкого национального восстания как самый важный этап борьбы за свободу, как начало национальной и демократической революции наших народов.

Перевела со словацкого Л. ЖИТЕНЕВА.

Петр Васильевич Васильев.

Встречи, воспоминания

Ему семьдесят лет. Он ни разу в жизни не видел и не слышал Ленина. И тем не менее он может рассказывать о Владимире Ильиче с такими подробностями, так проникновенно, тепло, словно много раз встречался с Лениным.

Человек, о котором идет речь,— известный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии Петр Васильевич Васильев. За сорок шесть лет художник создал сотни графических и живописных портретов, композиций, серий рисунков, плакатов, посвященных вождю пролетарской революции. И все эти годы он неустанно, кропотливо изучал труды, биографию В. И. Ленина, воспоминания его современников, встречался со многими людьми, близко знавшими вождя.

Вот рассказы художника о некоторых встречах.

МАРСЕЛЬ КАШЕН

3 марта 1933 года теплоход «Аджаристан» взял курс из Батуми на Одессу. Как только мы вышли в море, я поднялся на верхнюю палубу со своим неизменным спутником — альбомом. Я долго выбирал объекты для путевых зарисовок, потом, решив начать их с капитана теплохода, направился к его каюте.

В каюте, кроме капитана, сидел высокий, худощавый мужчина с пышными усами. Я представился и, извинившись за вторжение, хотел уже было уйти обратно, но капитан задержал меня и пригласил сесть. Потом представил:

— Марсель Кашен...

Вот уж кого не ожидал встретить здесь. Я много был наслышан об этом мужественном человеке, одном из основателей Французской компартии, большом друге нашей страны.

— Вы художник? — спросил Кашен.

— Да.

Я рассказал, что пытаюсь в своих картинах и рисунках показать В. И. Ленина и героев гражданской войны. При имени Ленина Кашен встрепенулся.

— Это очень хорошо!..

Мы недолго беседовали и условились встретиться еще раз, чтобы я мог показать некоторые свои работы.

Обедать я пошел в ресторан. Только сел за стол, как увидел входящего в зал вместе с переводчицей Марселя Кашена. Он заметил меня, приветливо улыбнулся и присел рядом.

За обедом мы говорили о разном. Кашен очень интересовался нашим искусством, расспрашивал, над какими произведениями работают советские художники, какие выставки откроются в ближайшее время. Папка с фотографиями моих рисунков была при мне. Я протянул ее гостю из Франции. Мне очень хотелось услышать его мнение. Марсель Кашен, видимо, стараясь не обидеть меня, деликатно стал высказывать свои суждения. Но разговор повел издалека.

— Я был в двадцатых годах в Москве и виделся с Лениным. Владимир Ильич поразил меня прежде всего своим необычайным обаянием. Я не помню другого такого приятного собеседника. Но особенно запомнился мне его проницательный взгляд и еще — заразительный смех. Это был смех великого человека, уверенного в своих силах и идеях.— Кашен сделал небольшую паузу и совсем уже мягко продолжил:

— Ваши рисунки обладают многими достоинствами, но необходим еще длительный, кропотливый труд художника. Ленин у вас похож, но мне кажется, что вы его упрощаете, а Владимир Ильич был сложен и многогранен, как сама жизнь. Советую вам обязательно показать эти рисунки товарищам, которые близко знали Ленина. Вы никогда не должны забывать, что работы художников, посвященные Ленину, очень нужны не только вашему народу, но и всему мировому пролетариату.

...За два дня, что шел теплоход, мы встречались с Марселем Кашеном еще не раз. Как-то, преодолев робость, я попросил его позировать мне. Он охотно согласился. Когда я закончил рисунок, Кашен посмотрел, улыбнулся и написал на рисунке несколько слов: «Отдаю должное таланту художника Васильева, который смог столь живо набросать этот портрет».

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

20 сентября 1933 года в Москве, в Коммунистической академии, состоялся вечер, посвященный открытию Беломоро-Балтийского канала. Предполагалось выступление Алексея Максимовича Горького. Редакция газеты «Водный транспорт» поручила мне сделать зарисовки. Горький сидел за столом президиума. Потом выступил с речью. Я сделал несколько набросков и в перерыве показал их писателю. Горький стоял в коридоре, в тесном кругу людей. Не стану описывать всех моих треволнений в те мгновения, когда Горький, улыбаясь, разглядывал каждый свой портрет.

— Весьма неплохо. И очень похож на самого себя,— пробасил Алексей Максимович.

Превозмогая застенчивость, я попросил его поставить свою подпись под рисунком, который он сочтет наиболее удачным. Писатель посмотрел по сторонам, ища, на что бы положить рисунок. Тогда я предложил свою папку. Горький взял ее и, взглянув на лежавшую сверху зарисовку тушью, воскликнул: «Это у вас Владимир Ильич? Право же, неплохо нарисовали, товарищ художник». В папке было несколько рисунков, на которых был запечатлен Ильич. Горький с интересом рассматривал их сам, показывал окружающим, повторяя:

П. Васильев. В. И. ЛЕНИН ПО ДОРОГЕ В ПЕТРОГРАД. 1917 ГОД.

П. Васильев. В. И. ЛЕНИН.

— Ведь неплохо у него получается Ленин, право же... Непременно покажите рисунки Надежде Константиновне,— советовал он мне.— Сошлитесь на меня. Горький, мол, видел, одобрил и направил. А сейчас давайте подпишу свой рисунок.

Писатель отобрал один из сделанных мною рисунков и поставил на нем свою подпись «М. Горький». Возвращая его мне, Алексей Максимович вновь порекомендовал побывать у Крупской.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ

Помня совет Горького, я искал случая встретиться с Надеждой Константиновной. Проявить инициативу сам не решался. И все-таки случай такой вскоре представился.

В ноябре 1933 года в Наркомпросе проводилась конференция библиотекарей, на которой председательствовала Н. К. Крупская. Мне удалось передать ей свои рисунки на ленинские темы. Через некоторое время я встретился с Надеждой Константиновной. Она внимательно рассмотрела рисунки, некоторые одобрила, иные советовала заново переделать, а были такие, которые она категорически отвергла. В заключение Надежда Константиновна сказала:

— Вы пользуетесь фотографиями, а этого недостаточно. Поинтересуйтесь кинохроникой, воспоминаниями, почитайте ленинские труды. Это поможет вам найти правильный путь к образу Владимира Ильича.

Я поблагодарил и обещал учесть все замечания и пожелания.

Ушел я расстроенный. Думал, что вообще не смогу дальше работать над образом В. И. Ленина. Но, к счастью, этого не случилось. Критика подхлестнула меня. Буквально через несколько дней я с еще большей увлеченностью набросился на все, что могло мне помочь.

Спустя три года я попросил в Изогизе показать Н. К. Крупской мои новые работы, которые выпускались отдельным альбомом, посвященным В. И. Ленину. Сам я не решился сделать это. Долго и мучительно ждал ответа. Надежда Константиновна познакомилась с моими рисунками и картинами и просила передать, что я на верном пути. По ее мнению, есть удачные произведения, но трудностей преодолеть предстоит еще немало.

И вот последняя и самая памятная моя встреча с Крупской.

21 февраля 1939 года я позвонил Надежде Константиновне. Поздравив ее с наступающим 70-летием, сообщил, что по заданию газеты «Правда» написал ее портрет и хотел бы его показать. Крупская была недовольна и возразила: «Очень прошу вас, если можно, не печатать моего портрета». Я все же настойчиво просил принять меня. «Хорошо, я вас приму,— сказала она.— Только прошу вас привезти как можно больше фотографий ваших работ, которые демонстрируются в ЦДКА на выставке. По состоянию здоровья я не могла побывать на этой выставке».

И вот 22 февраля мы встретились. Крупская приняла меня исключительно тепло, дружелюбно. Протянула навстречу обе руки и, улыбаясь, сказала:

— Давайте побеседуем. Очень люблю живопись. Когда смотрю на хорошие картины, получаю громадное удовольствие.

Она говорила, а я смотрел на нее и с тревогой отмечал в ее лице признаки надвигающейся катастрофы: Надежда Константиновна выглядела очень больной, усталой.

Крупская рассказывала о том, как в юности вместе с учителем рисования посещала ателье художника Ге, как бывала на выставках в Швейцарии.

— Ну, а теперь давайте посмотрим, что вы принесли.

И стала рассматривать каждую фотографию. Из 110 работ отобрала лишь четыре: «Ленин по дороге в Петроград», «Ленин на квартире рабочего», «Выступление Ленина», «Портрет Ленина в 1918 году» (по фотографии Наппельбаума) и несколько эскизных набросков.

— Обязательно посмотрите в музее хроникальный фильм об Ильиче,— посоветовала Надежда Константиновна.— Но имейте в виду одну деталь: в киноленте Ленин суетится. Это все из-за тогдашней кинотехники. Ленин никогда не был суетлив.

Я, естественно, задавал много вопросов. В частности, помнится, спрашивал:

— Какой костюм обычно носил Владимир Ильич?

— Темно-серый и темный.

— Всегда ли Владимир Ильич щурил глаза?

— Нет, не всегда. Тут художники часто грешат. Ленин стал щурить глаза в последние годы, когда у него ослабло зрение, но вместе с тем он это делал и тогда, когда хотел что-то лучше понять или хотел поближе узнать своего собеседника. Это был взгляд, проникающий в душу человека.

Надежда Константиновна упрекала художников за то, что они изображали Ильича статичным, равнодушным и с несвойственными ему жестами. К примеру, изображать Ленина потрясающим поднятыми руками нехарактерно. Во время выступлений Ильич любил одну руку прятать в карман, а другой жестикулировал или чаще держал ее за спиной. Нередко Ленин подходил очень близко к слушателям и обращался к ним наклонившись, с жестом обращения. Очень подвижным и выразительным было у Владимира Ильича лицо.

— Надежда Константиновна, в каких работах деятелей искусств образ Владимира Ильича передан с наибольшей достоверностью?

— В некоторых работах скульптора Андреева, которые были сделаны с натуры.

Надежда Константиновна помолчала.

— Тут как-то меня упрекнули, что я слишком придирчива,— сказала она.— Я дала себе слово не давать советов. А вот не удержалась,— и лукаво улыбнулась.— Художники иногда искажают историческую правду. Например, в суровые дни Октября суровой была и обстановка. А иные художники изображают Ленина на фоне роскошных люстр, ковров, картин, зеркал и красной мебели. В Смольном ничего этого не было в те дни. Помещения часто были без мебели, в лучшем случае стояли стол, шкаф, стулья. Люди садились на подоконники и даже на пол. Надо показывать правду тех дней.

Я продолжал расспрашивать Надежду Константиновну, хотя и видел, что утомил ее: мы уже два часа беседовали.

— Вы хотите получить ответы сразу на все вопросы. Но это невозможно. К тому же я нездорова. Мы еще встретимся с вами. Позвоните мне...

27 февраля я позвонил в Наркомпрос и услышал роковую весть: Н. К. Крупская умерла.

ЕМЕЛЬЯН МИХАЙЛОВИЧ ЯРОСЛАВСКИЙ

Первым, с кем я поделился впечатлениями о последней встрече с Н. К. Крупской, был Емельян Михайлович Ярославский. Я рассказал ему, что Надежда Константиновна отобрала четыре рисунка и семь набросков.

— Вам повезло, Надежда Константиновна — строгий критик. Видимо, она к вам была милостива.

С Емельяном Михайловичем у нас завязались искренние, дружеские отношения. Началась эта дружба 7 октября 1939 года. Я тогда приехал к Ярославскому в «Правду» и попросил разрешения написать его портрет.

— Позировать я вам не буду,— ответил он.— Меня замучил Грабарь. Рисуйте, не возражаю. Только я буду заниматься делами.

И я рисовал. Когда рисунок был готов, он одобрительно хмыкнул и расписался.

Мы заговорили о Ленине.

— Очень досадно,— сказал он,— что еще нет хорошего портрета Владимира Ильича. Ленина надо изображать так, чтобы народ его чувствовал и воспринимал как живого. Ленин велик, а потому труден. Мы, старики, с охотой будем помогать вам, только работайте.

Ярославский дал ряд ценных советов практического характера. Он сам был художником, и, должен сказать, незаурядным. Писал отличные натюрморты.

Емельян Михайлович помог мне увидеть и почувствовать в Ленине пламенного трибуна, оратора. В 1940 году я был у Ярославского на даче. Снова зашел разговор о работе художников над образом Ленина.

— У кого хорошо получается образ Ильича, так это у Герасимова.— Ярославский имел в виду известный портрет выступающего Ленина.

НИКОЛАЙ ИЛЬИЧ ПОДВОЙСКИЙ

Я познакомился с Николаем Ильичом Подвойским 21 января 1939 года в Союзе художников Москвы на вечере памяти В. И. Ленина. Оба мы сидели в президиуме.

Я должен был выступать с рассказом о своей выставке, только что открывшейся в ЦДКА,— она была посвящена Ленину. Но получилось так, что вниманием аудитории почти на весь вечер овладел мой друг, скульптор И. Шадр. Он говорил об Ильиче настолько взволнованно, что у многих выступали слезы. Особенно потряс всех рассказ о ночи, проведенной им у гроба Ленина.

Подвойский слушал, весь напрягшись. Иногда он украдкой посматривал на часы, видимо, у него были неотложные дела. Но вот Шадр закончил выступление и покинул трибуну.

Предоставили слово Николаю Ильичу. Подвойский порывисто встал с места, поднял две огромные связки книг и направился к трибуне.

— Вот, товарищи художники, чтобы рассказывать о Ленине народу, нужно прочитать этот минимум книг — Собрание сочинений Владимира Ильича.

После такого неожиданного вступления Николай Ильич перешел к своим воспоминаниям о встречах с Лениным, о совместной с ним работе в октябрьские дни 1917 года. Говорил он ярко, образно, захватывающе.

Семь лет спустя мы снова встретились с Николаем Ильичом — это было 14 июля 1946 года. В Музее В. И. Ленина состоялся вечер воспоминаний об Ильиче. В конференц-зале выступал Н. И. Подвойский. Когда он кончил говорить, я попросил его осмотреть мои работы в залах музея. Мы остановились перед картинами и рисунками, и я объяснял свои замыслы, сюжеты. Подошли к рисунку «Есть такая партия!».

— На эту тему была картина у Юона,— сказал Николай Ильич.— Большой художник. У него хорошие пейзажи. Но эта картина ему не очень удалась. Вам она тоже не совсем удалась. Весьма условная композиция.

Подвойский призадумался и продолжил:

— Конечно, чтобы создать такой сложный рисунок, надо было увидеть, почувствовать людскую массу того времени,— и посоветовал чаще обращаться к документам.

— У нас написано много картин о Ленине, но не все меня удовлетворяют. Знаю ваш рисунок «Ленин в вагоне». По настроению он мне нравится, но есть неточности: на Ленине была шляпа и синий галстук. Весь он собранный, глаза зоркие. Советую изобразить Ленина, когда он вышел из вагона и как его встретили бурей оваций. Я вам помогу восстановить этот эпизод. Речь его была замечательная. Еще советую воспроизвести напряженную работу Ильича в дни Октября.

Я рассказал Подвойскому о встречах с Крупской, о ее принципиальной критике.

— То, что советовала вам Надежда Константиновна, надо всегда помнить. Она права.

Потом неожиданно сказал:

— Хорошо бы написать, как Ленин выступал с броневика, как вдохновенно, страстно говорил Ильич...

Записал Роберт МИНАСОВ.

ВОССТАВШИЙ НАД

...Погиб при исполнении служебных обязанностей. Испытывая самолет новой конструкции, он до последней секунды передавал в эфир ценные сведения о прохождении испытаний, которые в будущем, при усовершенствовании машины, помогут исключить человеческие жертвы...

Память о вашем муже, коммунисте, замечательном летчике-испытателе, будет вечно жить в наших сердцах.

Из письма командования к жене

Глава первая

Не из космических глубин
Исходит Родины понятье.
Она созвездия рябин
И, если ты не отлюбил,
Любимой жаркие объятья.

Понятны Родины черты
В размахе песни соловьиной.
От малой тропки муравьиной
До лебединой высоты
Все — Родина:
Следы подков,
В оврагах хрупкая крушина,
И голос заводских гудков,
И ранний выкрик петушиный,
И храм,
Построенный в честь той
Или иной российской славы,
И алый флаг моей державы
Над покоренной высотой.

Вот гаснет розовая высь.
Звезда полей над взгорьем светит.
И в малом Родину заметишь,
Ты только пристальней всмотрись.
Все — Родина:
От мокрой ветки
До грома вышек буровых,
От образов великих предков
До современников моих...

В какой далекой стороне
Она впервые зазвучала?
Ей нет конца,
Как нет начала,
Она в тебе,
Она во мне.

Мы часть ее.
И потому
В ее бессмертии
Бессмертны.
И караул ее бессменный
Мы не доверим никому!

Глава вторая

Есть нам к чему
В этой жизни стремиться.
Только обидно,
Что в трудном пути
Люди подчас исповедуют принцип:
«После меня хоть трава не расти!»

Есть и другие,
Что с видом усталым,
Не отрицая полезность идей,
Жить в этом мире решительно стали
Не для себя,
А для детей.

Мы, мол, помаялись,
Поголодали,
Повоевали с лихвою свое,
Жизни, мол, собственно, не видали,
Пусть хоть ребята увидят ее.

Детям не жизнь, а небесная манна,
Зря их покой не тревожь:
Без промедления
Деньги карманные,
Как говорится, вынь да положь.

Папа сынку настоящее строил.
Но, к удивленью,
В четырнадцать лет
Под зарубежных киногероев
Мальчик стараньями мамы одет.

Разве откажешь чаду родному?
Боже тебя упаси!
Время такое, нельзя по-иному:
Модный транзистор,
Кафе
И такси.
Папы и мамы лезут из кожи,
Их защищая с пеной у рта,
Не понимая,
Что детям дороже
Встанет родительская доброта.
Не понимая,
Что времени ветер
Дует в лицо настоящих ребят...

Папы и мамы,
Когда-нибудь дети
Ваши потачки вам не простят!
Гляньте,
Как в робах рыбачьих ребята
В море уходят под грохот винтов..
Это романтики
Шестидесятых,
Наших, не очень-то мирных годов.
Гляньте на девушек
В грубых спецовках,
В грубых, рабочих, земных сапогах.

Глядя на них, понимаю,
Неловко
Вам вспоминать о беспечных сынках.

Да, мы прославили время трудом!
Но понимаете,
Милые люди,
Нам не давали гарантии в том,
Что не придется
Стрелять из орудий,
Что не придется стоять, как стена,
Вашим ребятам
Рядом с отцами...

О, как врагам ненавистна страна,
Где не запятнано
Алое знамя!

Наши святыни —
В вечных боях,
В зареве домен Магнитостроя.
Родина знает:
Ее сыновья
Стали достойными славы героев.
Их — миллионы, честных парней,
Гордость сегодняшнего поколенья,
Что бескорыстно
Преданы ей,
Правде ее и ее повеленью.
Родина знает:
В трудные дни
Не подведут ни словом, ни делом.
Взглядом Гагарина
Смотрят они
В дали земные
И за пределы.

Нету для них в этом мире
Родней
Родины нашей, суровой и милой...
Да! Поколение нынешних дней
Выдержкой, мужеством
Мир удивило.
В Чехословакии
Жалкая слизь
К нашим ребятам ползла с кулаками.
Только ребята
И под плевками
На провокации не поддались.

Молча стояли солдаты в шинелях,
Верные слову нашей земли.
К ним подсылали
Девчонок с панели,
Только ни с чем эти крали ушли.

Враг удивленно ахал и охал,
Мол, не успели их разложить...
Эти ребята — наша эпоха,
Этим ребятам в будущем жить.

Их с озлоблением поносили,
Наших доверчивых, славных ребят.
Их не сломаешь,
Их не осилишь;
Ведь за плечами их
Память России,
Память живых
И павших солдат.

В страшных боях сорок пятого года
Русские, чехи, словаки легли
За бесконечно святую свободу
Русской,
Словацкой
И чешской земли!..

Мы не устанем к миру стремиться.
И не забудем,
Как в тяжком бою
На потрясенной недавно границе
Пали ребята за землю свою.

Мы никогда не забудем об этом,
Ибо за святость границ
Полегли
Верные дети Отчизны Советов,
Может быть,
Лучшие парни земли!..
Нашим ребятам
Доверен покой,
Кровью добытый покой на границах.
Стены Смоленска над древней рекой
Могут величием вечным гордиться.
Здравствуй, энергии нашей накал,
Что неподвластен
Смéрчам и бурям!
Здравствуй, Москва
И священный Байкал!
Здравствуй века,
Комсомольск-на-Амуре!..

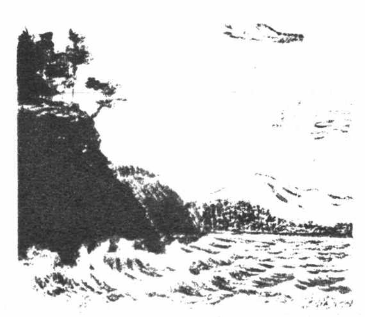
ГРОМОМ

Владимир ФИРСОВ

Поэма

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Родина...
Чайка над Волгой парит.
Мчатся олени по тундре холодной.
В снежных Саянах ручей говорит.
Хлопок цветет на земле плодородной.
Реки.
Плоты, как дороги, бегут.
Слышится голос разбуженных пашен...
Мирную поступь земли
Берегут
Славные парни
Родины нашей.

Правда, читаем мы с грустью порой
В литературно-критической прессе:
Если лишен недостатков герой,
Он для читателя неинтересен.

Ждет меня критики строгой хула.
Только вот что мне поделать с собою,
Если герой мой
Не бил зеркала,
Если доволен был трудной судьбою,
Если он верил в дело отца,
В залпе «Авроры»
Не сомневался,
Если он сыном земли оставался,
Перед неправдой
Не прятал лица.

Глава третья

Мы были из одной деревни.
Она Древлянкою звалась.
У нас с ее названьем древним
Была особенная связь.

Мы потому нашли, быть может,
Ее в те горькие года,
Что нам была она
Дороже,
Чем все на свете города.

Мы не нашли родных и близких,
Мы только родину нашли,
Где на фанерных обелисках,
Как искры,
Звездочки взошли.

Нам дали кров и хлеба дали,
И жизнь иная началась.
Нас приютила тетя Дарья,
Что сыновей не дождалась.

Она героями взрастила
Погибших в битвах сыновей.
И нам дала
Любовь к России
И научила
Верить ей...

Нам довелось
Пахать и сеять,
Косить и у костров мечтать...

Была мечтою Алексея
Мечта особая — летать!

Бывало, самолет, как небыль,
Над лесом гулко просвистит,
И Алексей глядит на небо,
Да так, как будто сам летит,
Как будто — ни межи, ни поля,
Ни леса, ни самой земли —
Летит,
Познав простор и волю
От всех забот и бед вдали.

О, как он нехотя
Прощался
С той самой волей в небесах
И вновь на землю возвращался
С грустинкой неземной в глазах!
Его душа была крылата...
Потом расстались мы.

И вдруг
Предстал в погонах лейтенанта
Мой побратим,
Мой верный друг.
Глаза такие молодые,
Такие синие глаза!
А на виски, уже седые,
Легла подзвездная роса.
В глазах смешинки то растают,
То вспыхнут с прежним озорством.
— Летаю,—выдохнул,— летаю!
Дружу с небесным божеством.
Лечу!
И двери неба настежь,
Толкую со вселенной всей.
Лечу!
И выше нету счастья.
— А в чем же счастье, Алексей?..
— В чем счастье, говоришь?
Отвечу.
Представь:
Земля еще во мгле,
А ты уже летишь навстречу
Заре, что близится к земле.
Летишь, не удивляясь даже...

Штурвал к себе!
И всей спиной,
Всем телом ощущаешь тяжесть
И легкость тяжести земной.
Ты как бы слит с железной птицей.
Ты сердце птицы той.
Она
В своих движеньях не вольна,
Вольна
Вперед и ввысь стремиться.
Да что там!
Проще говоря,
Летишь, приборы замечая.
Летишь.
И вот она, заря!
Ты раньше всех ее встречаешь.

Земля в наушниках звучит,
И ты ее дыханье слышишь,
И ты земным озоном дышишь,
И с ней ничто не разлучит.
С тобою неземная тишь,
Ты ловишь все земные звуки.
Нет ощущения разлуки,
Столь радостно,
Что ты летишь,
Что под тобой лесов прибой,
Что самолет тебе послушен,
Что Туполев
Или Ильюшин
Следят, волнуясь, за тобой.
И ты для них не тот, что прежде.
Не просто летчик, ты творец,
Ты их мечта,
Ты их надежда,
Ты их соавтор, наконец!..
Ты выполнишь земли заданье.
В трудах минует много дней.
Пройдет машина испытанья,
Придет пора
Расстаться с ней.
Как по чему-то дорогому
Взгрустнешь
Украдкой от ребят...
Турбины над аэродромом
Тебе,
Восставшему над громом,
Земную славу протрубят!

Глава четвертая

Жизнь!
В это слово вмещаются очи
Самой любимой и самой родной.
Жизнь!
Это то, что тебе напророчит
Первый подснежник
Ранней весной.
Это тропинка к заводи лунной
Или дорога
К новым мирам.
Это тоска балалайки трехструнной,
Голос гармони по вечерам.

Это спокойствие отчего дома,
Это ладоней людских теплота.
Жизнь —

Это родина в звоне черемух,
А для Алеши она — высота!

Там он бывал и зимою и летом,
Ввысь поднимался из света и тьмы.
Сколько он встретил
В небе рассветов
Раньше, чем мы!

Сколько он видел чистых закатов
Дольше других!..
Да, высота
Поднимает крылатых,
Сильных и молодых.

Плыли под крыльями дальние дали
С темной грядою русских лесов,
Стлались равнины,
Горы взлетали,
Реки
Плескали солнце в лицо.

Как муравьиные тропы —
Шоссе.
И как игрушечные —
Составы.
Плыл самолет в голубой полосе,
Плыл, облака, как страницы, листая.

В этом пути не объявишь стоянку,
Даже когда по приборам
Поймешь,
Что под тобою
Речка Древлянка...

Речка Древлянка,
Как ты живешь?
Так ли, как прежде,
Рыбой богата,
Так ли шумлива в вешний разлив?
Трудно мне стало,
Названого брата,
Друга крылатого похоронив.

Помнишь,
Три года назад мы с Алешей
Ночь провели на твоем берегу
В свете черемух, в лунной пороше...
Я эту ночь
Позабыть не могу.

Глава пятая

Цвела черемуха в низинах.
Плыла над омутом луна.
Восторженно-неотразима
Была в тот вечер тишина.
Она спала в ярах покатых,
В дремучих чащах ивняка,
И лишь на лунных перекатах
Катала камешки
Река.

Да колокольчики на донках
Пересекали тишину,
И монотонно,
Долго,
Звонко
Комар настраивал струну.

Неслышно
Звездочки дрожали,
И были соловьи тихи,
И мы у костерка лежали
И ждали сказочной ухи.

Да, тишина!..
Она над нами
Плыла, как звездная река.
В безветрии звучало пламя
Того скупого костерка.

Звучали
Звезды, травы, росы,
Светло звучали в тишине.
В той тишине звонкоголосой
Мы говорили
О войне.

— Ты знаешь,— Алексей упрюмо
Привстал
И жадно закурил,—
— Ты знаешь, я о ком подумал?..
О тех, кто жизнь нам подарил.
Нам помнить мужество солдата —
Отца иль брата на войне...
Мы чистой памятью богаты,
А этим жить тебе и мне.
Ну, что б мы ныне людям дали
И чем бы насладились всласть,
Когда б не наша тетя Дарья
И наша правильная власть!
Мы с ней живем во всем согласно,
Она как истинная мать.
А власть
На то и власть,
Чтоб властно
Судьбой сынов повелевать...
Он приумолкнул как-то сразу
И от окурка
Прикурил.

— А знаешь,
Я тебе ни разу
О Венгрии не говорил.
То как-то времени нехваток,
То думал, расскажу потом.
Ведь я входил в нее
Солдатом
В том самом пятьдесят шестом.

Бывает так:
Проснешься ночью,
А память сердце опалит.
И не сомкнешь до света очи,
Душа встревоженно болит.

Представь себе:
В тумане мглистом
Холодный город потонул.
Шли, как во сне.
Но первый выстрел
Нас всех к реальности вернул.
Да, мы вели себя как надо,
Как долг в тот час повелевал.
Но скольких,
Кто со мной был рядом,
Сразили пули наповал!..

Мы в Будапешт вошли с рассветом,
Вошли
В предчувствии беды...
Я помню сквер у горсовета
И трупы,
Что свисали с веток,
Как черной осени плоды.

Да, это были коммунисты,
Что отбивались как могли,
Что для себя
Последний выстрел
На крайний случай
Берегли.

Они сдаваться не хотели,
Ведь каждый понял в эти дни,
Что проморгали,
Проглядели
Колонну пятую они,

Что под личиной «демократов»
Не разглядели вражьих лиц
И вот пришла,
Пришла расплата
За пагубный либерализм.

Их в петли
Мертвыми вдевали.
Им больше нечего терять.
Но мертвые,
Они взывали
Ошибок их не повторять.

А небо опускалось низко
И сквозь тяжелый смертный дым
Оплакивало коммунистов
И смерть
Сочувствующих им.

Земля, земля,
Ты стольких за день
Недосчиталась сыновей!..
Был враг в безумстве беспощаден.
В огне тех самых черных дней
Я видел женщин овдовевших,
Я видел,
Видел их в лицо —
Юнцов,
От крови опьяневших,
Стрелявших в братьев и отцов.

Я видел девочек тщедушных,
«Надежду будущих веков».
Они стреляли равнодушно
В седых, как совесть, стариков.

Стонали камень и железо,
Заслыша человечий стон.
Отпетые головорезы
Через открытый шли кордон.
Казалось,
Навсегда распята
Свобода вражеской рукой...

Но мы, советские солдаты,
Как и в далеком сорок пятом,
Вернули Венгрии покой.

А враг готовился упорно
К тем страшным, горьким дням земли.
Врагом посеянные зерна
Не сразу
Пулями взошли.

Рассчитывая на беспечность,
Над чувством Родины глумясь,
Таилась
Подлинная мразь,
Рядилась в общечеловечность.

Враг — торопиться не хотел он,
Поскольку
Выдержка важней.
Он делал ставку на незрелых
И оступившихся парней.

Учитывал их поименно
И знал их жалкие дела.
Не сразу
Пятая колонна
Петлю, как знамя, подняла.
Вот так!..

И Алексей устало
Пошел к обрыву над рекой.

В лесу спокойно рассветало,
А в сердце, в сердце.—
Непокой.

Уха нетронутою стыла.
Росинки плавились в горсти,
Как цвет черемухи,
Светила
Спадали с Млечного Пути.

И где-то там
Туманной глыбой
Вставало солнце тяжело.
И с чавканьем плескалась рыба,
Дробя туманное стекло.

Мы молча речку покидали
В раздумье —
Каждый о своем.

Мы на могилу тети Дарьи
Пришли с Алешею вдвоем.

Теперь я понял,
Как похож он,
Простой погост в краю родном,
На тот,
Где ныне спит Алеша
Вовеки непробудным сном.

Глава шестая

О кладбищ светлое забвенье,
Где запах мяты, резеды...
Чьих рук вы горькие творенья,
Крестов нестройные ряды?

Их тени незамысловато
Передвигает высота.
И солнца запах сладковатый
Стекает
С каждого креста.

Ни бронзы,
Ни иных надгробий
Не знает вековой погост.
Лишь небосвод
Над ним
Огромен
И, как бессмертье мира,
Прост.

Лишь сосен отсвет розоватый,
Да снег березовых стволов,
Да тишь рассветов и закатов
Над самым
Горьким из миров...

Здесь тра́ву сроду не косили
И не сводили дерева́.
(Не так уж мало мест в России,
Где в полной мере,
В полной силе
Природа-матушка жива,

Где ни кострищ,
Ни банок ржавых,
Ни блесток битого стекла.)
Жила природа,
Как дышала,
И так же дышит,
Как жила...

Под небом, что не знает края,
Застыл клочок родной земли,
Где тетя Даша спит,
Не зная,
Что мы на встречу с ней
Пришли.

Вот все короче тень резная
От уходящей ввысь сосны...
Как спится, милая, родная,
Какие нынче снятся сны?

Мы помним,
Как перед разлукой
Ты с горечью произнесла,
Что доучить нас не могла,
Что не смогла дожить
До внуков.

Как жаль, что ты не дожила́!
А то бы радовалась с нами:
Ведь нас судьба не обошла
Ни грамотой,
Ни сыновьями.

Все, что могла,
Ты нам дала,
Тепла, любви не пожалела,
Жила —
Как на ветру горела,
Чтоб наша жизнь была светла.

Горел огонь.
И вдруг погас.
Но мир
Предельно совершенен:
Как свет угасших звезд,
До нас
Дошел тот свет
И стал священен.

Я славлю матерей земли,
Чьим бескорыстно нежным светом
В веках озарена планета,
Откуда к звездам подошли.

Мы этим светом озарим,
Как славой, будущее наше!
За все,
Родная тетя Даша,
За все тебя благодарим...

Покой на кладбище такой,
Что кажется, весь мир в покое.
Травинку трогаешь рукой —
Травинка
Дышит под рукою.
Безоблачна, спокойна высь,
И только бубен солнца звонок...

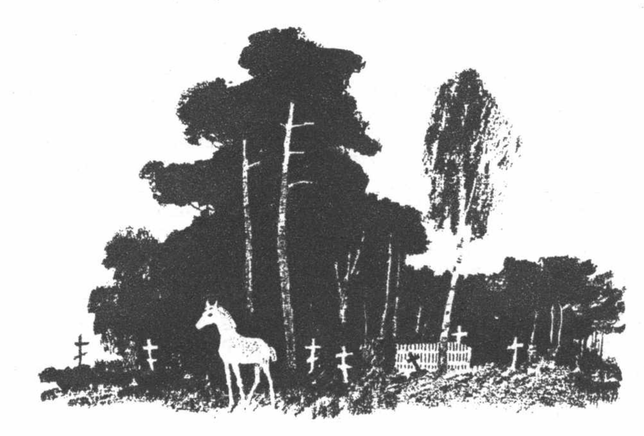
И вдруг,
Откуда ни возьмись,
Глупышка,
Рыжий жеребенок!

Он вышел к нам
Из-за кустов.
В траве, как снег, белы копыта.
Он был нелеп
Среди крестов,
Среди холмов могил забытых.

Он видел нас.
Он к нам шагал.
И, молча поравнявшись с нами,
Глазами карими моргал
И глупо шевелил ушами.
Он был до озаренья рыж
И не вязался с тем пейзажем.
Мальчишка,
Сосунок,
Малыш,
Куда ж ты, глупенький,
Куда же?
Ты только-только начал жить.
И, суть явлений постигая,
Сюда не следует спешить:
Тут, братец, жизнь совсем другая.

Иная жизнь.
Людей живых
Тут встретишь редко, очень редко.
Тут спят хозяева твоих
Далеких
И недальних предков.

Они жалели лошадей,
И кони верно им служили,

И хоть недолго, трудно жили,
Но жили
Верою в людей.

И ты доверчив неспроста.
Мордашкой тычешься в ладони.
Ты знаешь,
Мы ведь тоже кони,
Хотя живем без хомута.
И мы порой едва идем
Под непосильной ношей века,
Мы тоже верим
В человека
И от него
Того же ждем.

Тебе-то что!
От всяких бед
Тебя под брюхом спрячет мама.
А нам — опять идти упрямо
Путем утрат, путем побед,
Нам жить бедой любой беды,
Любой трагедии народной.
Вот почему мы несвободны,
Как в этот час свободен ты.

Но мы горды судьбой своей,
На гордость выстрадано право!
И в трудной славе
Этих дней
Есть наша с Алексеем слава.

Она под звездной высотой
Дойдет в намеченные дали.
И главное —
Что в славе той
Есть слава нашей тети Дарьи...

Тень от сосны была мала.
И безмятежный, ясный полдень
Был весь раздумьями наполнен
И словно
Не жалел тепла.
Его мы брали про запас,
Сгодится в пасмурной дороге...

И жеребенок тонконогий
Глядел доверчиво на нас.
Он брел за нами до села...

А за селом
У речки звонкой
Его родная мать ждала,
Звала тоскливо жеребенка.

О, как он резво к ней бежал
Широким лугом,
Без дороги,
Как ржал, как забубенно ржал,
Смешно отбрасывая ноги!..

Мы уезжали в тот же день,
Неся с собою
Запах пашен,
Покой российских деревень,
И от сосны резную тень,
И веру
В будущее наше.

Глава седьмая

Может, и мне не придется состариться...
Но и дожив до прощального дня,
Буду я верить,
Что после меня
Что-то останется.

После меня
Останутся горы,
Реки
И травы, полные жажды,
Ястреб останется,
По которому
Я промахнулся однажды.
Книга останется,
Что полистается
Да и забудется — выпадет срок.
Родина сыну в наследство останется,
Будет счастливей, чем батька, сынок.

Зори останутся, тихие зори,
Лунные заводи, звезды в колодцах —
Это всегда после нас остается,
Как остаются радость и горе...
Жил человек. Горевал. Веселился.
Умер...

А в мире все те же ручьи,
Тот же скворец на дворе поселился,
Звезды все те ж,
Но уже не твои.
Как это грустно!..

Рождаются травы,
Солнце гуляет в цветенье ольхи,
И величаво поют петухи.

Вот он поет, голенастый, горластый,
Отсвет зари на лихом гребешке.
— Ку-ка-ре-ку!
Это, видимо, «Здравствуй!»
На петушином его языке.

Жизнь — это песня, обычное дело.
— Здравствуй, горластый! —
Ответствую я.
Сонно калитка в тиши проскрипела,
Глухо в колодце плеснулась бадья.

— Здравствуйте, голуби!
Как вам летается?..
Солнце разбито гусиным крылом...
Все это было, было в былом.
Это и после меня
Останется.

Щебет овсянки,
Под елями снег,
Нежный подснежник на скосе оврага —
Все это радость,
И все это благо,
Если, конечно, жив человек.

Жив человек небесами,
Лесами,
Трудной дорогой, где легче вдвоем,
Радостным словом,
Даже слезами,
Песней о чем-то далеком своем.

Жив человек материнскою лаской
И неприметною
Лаской отца...
Жизнь познается с обыденной сказки,
Надо дослушать ее до конца.

Глава восьмая

Жизнь — это небо,
Где вечная смена
Ночи на полдень
И вёдра на дождь,
Неутешительный траур Шопена
Рядом с «Камаринской» Глинки найдешь.

Невыносимо,
Горько,
Несносно
Видеть веселье рядом с бедой:
Радость грачей
На кладбищенских соснах
И причитанья вдовы молодой!

Помнится: вырыта темная яма,
Мерзлая глина на солнце блестит,
Дуб величавый
Все так же упрямо
Той, прошлогодней, листвой шелестит.

Голос оркестра военного
Горечью тронут.
И любопытные
Молча в сторонке стоят.
— Летчика,— говорят,— офицера хоронят.
Ишь ты, сколько солдат...

Я провожаю ровесника, друга.
Что-то о жизни его говорю.
Гвозди запели!
Кто-то упруго
Бьет по весеннему календарю.

В воздухе слово и плач повисают.
Кажется,
Плачу не будет конца.
Я не стираю слезы с лица,
Вязкую глину в могилу бросаю.
Все.
Совершилось.
Гроб потонул...

После салюта
Тишь наступила...

Важно
Могильщик табличку воткнул
С номером этой последней могилы.

А пятилетний сынишка понять
Так и не мог всей жестокой утраты:
Он обнимает
Испуганно мать
И прижимается к старшему брату.

Мальчик озяб на весеннем ветру,
Пусть на весеннем, а все же морозном.
Помню, как ранил он тело березы,
Старым гвоздем
Поцарапав кору.

Сок на березе
Молодо брызнул!
Мальчик губами к ране прильнул.
Таинство смерти
И таинство жизни
Как бы случайно он подчеркнул.

Были поминки.
День был заполнен.
Память — ушедшим.
Здоровье — живым...

Это не все,
Что сумел я запомнить
В день расставанья с другом своим.

Глава девятая

Вот и не стало ровесника, друга.
Только могила.
И та далеко.
Лето минует.
Вызреет вьюга,
Будут сугробы лежать высоко.

И, возвышаясь над синью сугроба,
На небогатом кладбище том
К этому времени
Встанет надгробье
С традиционным разбитым винтом.

И с фотографии
Взглядом провидца
Будет Алеша
Мимо крестов
Молча глядеть
На огни и зарницы,
Что далеки от больших городов.

Все далеко.
Далеки автострады.
Узкоколейки поблизости нет.
Лишь августовские звездопады,
Лунная рожь
Да туманный рассвет.
Все впереди. Вологодское лето,
Длинная осень, зима и весна...

В эти края
К нему за советом
Будет наведываться жена.

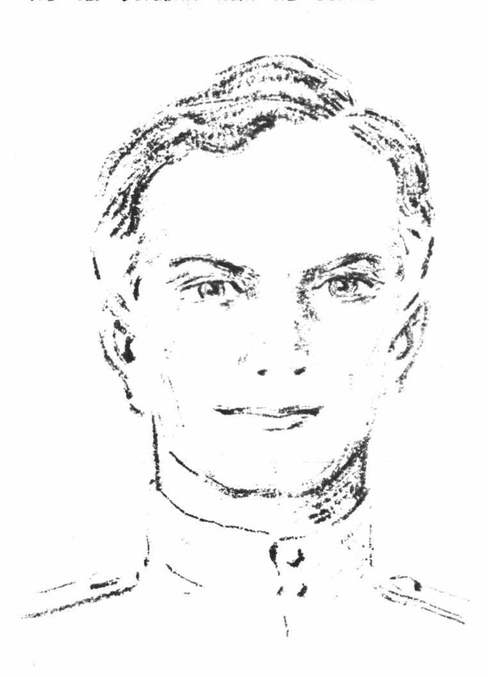
Будет рассказывать,
Как ей живется,
Как сыновьям без него тяжело.
Мало ребятам вечного солнца,
Если отцовское гаснет тепло.

Малую жизнь они прожили вместе.
Что ж он оставил
Ей и семье?..
Мир не узнал из последних известий,
Как мой ровесник
Жил на земле.

Помнится,
Радио как-то парадно,
Весело даже вещало в те дни
О зарубежных артистах эстрады,
Что воробьям безголосым сродни,
О хоккеистах и шахматистах
И о гитарах, что в рюкзаках.
Русские песни
В ритмике твиста
Плыли в эфир
На чужих языках...

Нет тебя больше, друг и ровесник!
Отблеск зари
На разбитом крыле...

Мир не узнал из дальнейших известий,
Что ты оставил нам на земле.

Глава десятая

Судьба Алеши...
Всяко было.
Скользили годы под крылом.
И сердце в вечность торопило,
Не забывая о былом.

Он мерил жизнь одною мерой —
Великой мерой наших дней.
А жизнь трудна у офицера
Советской Армии моей.

Как ни крути,
С каким вопросом
Ты к жизни той ни подходи,
Она обычно на колесах.
Велят — и ты опять в пути.

Опять казенная квартира,
Казенный хлеб, казенный стол
И память от былого мира,
Откуда некогда ушел.

Здесь новый день похож на старый.
Подъем. Полеты. И отбой.
По вечерам
Звучит гитара,
Шумит за окнами прибой.
Гитара — спутник неизменный
У летчиков и моряков...

Я был в том городке военном,
В одном из многих городков...

Алеша мастерил сынишке
Бумажных самолетов строй.

— Здорово, брат!
— Здоров, братишка!
И — пир по случаю горой.

Наташа стол накрыла ловко,
Под стать столичному столу.
Под звон казенной сервировки
Звучало радио в углу.

Мне даже рта раскрыть не дали.
И Алексей одно твердил:
— Ну, молодец!
В такие дали,
В такие дали прикатил!
Вот, брат, не думал,
Что осилишь,
И в мыслях даже не держал.

Ведь к нам,
На самый край России,
Никто гостить не приезжал.
Что гости!
Жены не ко многим
Приехали.
И от тоски
На танцах убивают ноги
Женатые холостяки...
А мы живем,
На жизнь не плачась.
Бывают трудности.
Так что ж?
Ведь я бы жить не смог иначе,
Мне ровно жить — под сердце нож.

Признаться, слышал я от многих:
Мол, жизнь сложна,
Мол, путь тяжел,
Мол, день прошел, и слава богу...
А мне-то важно, как прошел.
Что за день я оставил людям,
Что дал работою своей?
Нет, у меня вовек не будет
Таких абы прошедших дней...

Ты помнишь,
Нас учили в школе
Жить для народа, для страны.
Мы постигали в комсомоле,
Какими Родине нужны.

Нам жизнь дала любовь к России
И веру в Ленина дала,
Она нас бережно растила
На настоящие дела.

Мы верили мечте высокой,
Копили веру про запас.
И Чкалов — легендарный сокол —
С киноэкрана видел нас.

Да, это время вспомнить любо,
Оно принадлежит
Векам!
Покрышкину и Кожедубу
Мы поклонялись, как богам.

Мы знали:
Нам придется строить,
Судьбу Отечества решать.
И, зная всех своих героев,
Мы им старались подражать.

Когда б не Чкалов,
Молвить кстати,
И вся геройская родня,
Какой бы летчик-испытатель
Сегодня вышел из меня?

Мы научились жить и строить.
Но я грущу порой не зря:
Бывает, слышишь о героях
По красным дням календаря.

И, слов высоких не жалея,
Мы говорим —
Черт побери! —
О Чкалове — на юбилеях,
А что ни день — Экзюпери.
Хороший летчик был, не спорю.
Но громче надо говорить
О тех,
Кто нас с тобой от горя
Сумел всем сердцем заслонить...

Да, Алексей был прав, не скрою.
Он каждой клеткой ощущал
Дыханье всех своих героев,
Чью память жизнью защищал...

Дремал сынишка на кровати.
Спала Наташа за стеной...
В ту ночь грустил передо мной
Прекрасный летчик-испытатель.

Он говорил,
Что мы не знаем,
Какой геройской смертью жил,
Каким был летчиком Гарнаев,
Что людям до конца служил;
Какою жил он светлой верой,
В дни мира жил, как на войне...
А он бы мог служить примером
Служения своей стране.

Был Алексей знаком с ним лично...
Ну, нет, Гарнаев, ты живешь!
Что смерть? Она, как жизнь, обычна,
А против жизни не попрешь.
Да, смерти нет!
А есть работа...
Не ради длинного рубля
Здесь покоряют
Самолеты,
Что в муках создает земля.
В бессмертье веру не роняя,
Здесь
Не дрожат за жизнь свою.
И самолеты здесь меняют,
Как некогда
Коней в бою!..

Я думал:
Сколько же Алеше
Еще придется испытать
Во имя тех парней хороших,
Которым предстоит летать,
Которым жить во имя мира,
Что завоеван на войне,
Дарить цветы родным и милым,
На верность присягнув стране!
Им беспокойное наследство
Вручает
Родина моя...

А в памяти всплывало детство,
Родные отчие края...
Под песни сердцу дорогие,
Которых нынче не слыхать,
За окнами
Валы морские
Устало
Начали стихать.

Звучали как-то приглушенно
Те песни в утренней тиши,
Что мы когда-то
По вагонам
С Алешей пели от души.

О голос песен довоенных,
Военных песен громкий глас!
Те песни в памяти нетленны,
Что в люди выводили нас.
Мы с ними постигали время
И мирных лет
И грозных лет,
«Не то, что нынешнее племя»,
Как некогда сказал поэт.

Все больше песенки, не песни.
То громкий вой, то шепоток.
Но что поделать!
Всем известно:
Платок не кинешь на роток.

Поют,
Поют принципиально,
Лжеромантично, например,
В манере вненациональной,
На худший западный манер.

А век двадцатый — век бурлящий!
И горько знать,
Что в наши дни
Свиданье с песней настоящей
Большому празднику сродни...
В окно глядел рассвет погожий.
Рев реактивный нарастал...
Я знал о том, кем был Алеша
И кем он в этой жизни стал.
Я знал, чем жил и дорожил он.
И можно ли забыть о нем?..

Пока такие люди живы,
Бессмертны
Звезды над Кремлем!

Глава одиннадцатая

Он к жизни равнодушным не был.
И, дорожа пришедшим днем,
Благословлял
Дорогу в небо,
Что по ночам грустит о нем
И ждет его крылатой птицы,
Чтоб одиночество забыть,
Чтоб с ней
В одном полете слиться
И в звездный путь поторопить!

О небо над аэродромом!
Заря,
Как розовый гранит,
Над грозным реактивным громом
Свое спокойствие хранит.

Огней сигнальное движенье.
Команды четкие слова.
В зенит до головокруженья
Восходит неба синева.

Все это видел я когда-то.
Мне скажут: «Невидаль!»
Ну что ж!
Аэродром в тех самых Штатах
На наш, наверное, похож.

И там, я думаю, все то же.
И там уходят в звездный путь.
Вот только
Люди не похожи.
И в этом
Вся земная суть.
Там
Смерть моей земле пророчат,
Внушая ненависти пыл.
Там жив, наверное,
Тот летчик,
Что Хиросиму ослепил.

И на испытанных машинах
Земле Вьетнама смерть несут
Те самые,
Что нынче живы,
А завтра ждет их страшный суд...

О небо над аэродромом!
Я полюбил тебя давно,
Ведь ты одно
Над каждым домом,
Над каждым городом одно.

И день и ночь в твоих просторах
Летят Отечества сыны,
Чтоб просыпался каждый город
Под мирный гимн моей страны,
Чтоб мог народ спокойно сеять,
Не зная посвиста свинца,
И чтобы дети Алексея
Гордились родиной отца,
Чтоб знали,
Что она крылата,
Что в той крылатости
Светла
И та трагическая дата,
Что жизнь его оборвала.

Садам — цвести.
Расти — заводам.
И самолетам — ввысь лететь...
А людям — жить земной заботой
И в небо звездное глядеть.

Им жить в немеркнущем движенье...
А детям помнить,
Что они
Собой являют продолженье
Дорог, пришедших в наши дни.

Им жить теплом родимых пашен
И, веря в жизнь иных планет,
Им верить,
Что дороже нашей
Планеты не было и нет,
Что в славе новых поколений
Та не состарится земля,
Где вечен
И бессмертен Ленин,
Как стены древнего Кремля.

А. ТАРАСОВ,
министр автомобильной промышленности СССР

ЧЕРЕЗ ПОЛМИНУТЫ — МАШИНА

Корреспондент. Как известно, три года назад, в июле 1966 года, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление о сооружении в городе Тольятти автомобильного завода. Что он будет собой представлять?

Министр. Самое крупное в СССР предприятие по производству легковых автомобилей. Проектная мощность — 660 тысяч машин в год. Строится завод на левом берегу Куйбышевского водохранилища, гигантским прямоугольником площадью 509 гектаров. Особенность его планировки — очень крупные, сблокированные корпуса. В самом большом из них — Главном — сосредоточиваются механосборочные и сборочно-кузовные производства с тремя конвейерами сборки. Каждые 25—30 секунд на склад будет поступать готовый автомобиль. Завод произведет все основные узлы сам, в том числе и мотор. Другие заводы Советского Союза и страны СЭВ поставят аккумуляторы, часть электрооборудования, топливной аппаратуры и материалы...

Новый завод создается как первоклассное, высокомеханизированное производство. В его цехах будет установлено более 10 тысяч единиц современного отечественного и импортного оборудования с высокой степенью автоматизации. Сборка узлов и изготовление основных деталей будут производиться на автоматических и поточных линиях. Для их транспортировки внутри цехов предполагается смонтировать около двухсот километров конвейеров. Все это позволит обеспечить непрерывность производственного процесса и создать условия для централизованного управления.

Все бытовые помещения — гардеробы и душевые — максимально приближены к рабочим местам. Столовые рассчитаны на то, чтобы сразу обслужить и посадить за столы всех рабочих. Причем во всех цехах обед наступит в одно и то же время.

Синхронность для такого высокоорганизованного предприятия очень важна. Это единственный способ обеспечить высокий и четкий темп его работы. В этих же целях задуманы системы проходных, подземные переходы и подземные галереи. Идя со смены и на смену, не придется пересекать внутризаводские автомобильные и железнодорожные магистрали.

Корреспондент. Кто строит завод?

Министр. Десятки тысяч советских людей, а вернее, вся страна, потому что на стройке можно найти представителей всех республик и всех областей. Руководство строительством возложено на «Куйбышевгидрострой» Министерства энергетики и электрификации СССР. Участвуют также другие министерства — Минмонтажспецстрой, Минтрансстрой, Мингазпром... Масштаб работ, осуществляемых строителями, огромен. Земляные работы — около тридцати пяти миллионов кубических метров грунта. Полтора миллиона кубических метров монолитного бетона и железобетона, свыше ста пятидесяти тысяч тонн металлоконструкций. Одна только кровля составляет свыше миллиона шестисот тысяч квадратных метров. Для сравнения можно сказать, что объемы сооружений Волжского автозавода почти в пять раз превышают Волжскую (Куйбышевскую) ГЭС и в семьдесят раз такое монументальное, всем известное сооружение прошлого, как Исаакиевский собор в Ленинграде.

Корреспондент. Кто авторы проекта этого уникального гиганта?

Министр. Проектирование завода осуществляется советскими специалистами в сотрудничестве с итальянской фирмой «Фиат». Генеральный проектировщик — московский институт «Гипроавтопром». Он координирует работу сорока советских проектных организаций. К ним в первую очередь относятся «Промстройпроект», «Электропроект», «Промтрансниипроект».

Совместные усилия огромных творческих коллективов уже претворяются в жизнь.

Корреспондент. Когда будет пущена первая очередь завода?

Министр. Строители и монтажники прилагают все усилия к тому, чтобы к столетию со дня рождения Ленина начать пуско-наладочные работы и в том же году приступить к выпуску автомобилей.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

РОЖДАЕТСЯ ВОЛЖСКИЙ, АВТОМОБИЛЬНЫЙ

В ровной, как аэропортовское поле, степи вознесся Главный корпус автозавода. Точнее — это несколько корпусов, соединенных в виде буквы «Ш». Левое ослепительно белое крыло постепенно наполняется жизнью, которая для него уготована, правое — еще в коричнево-красном стальном кружеве ферм, не одетых панелями. А поверху, от края до края кровли, проносятся на мотороллерах, будто по земной двухкилометровой автостраде, рабочие и прорабы.

Внизу, под столь необычным по величине «потолком», под переплетением труб кондиционеров и водоотводов, тоже оживленное движение. Однако ,транспорт тут посолиднее — грузовики и самосвалы с плитами и бетоном, микроавтобусы с аппаратурой, тягачи, волокущие громоздкие, как дома, короба с оборудованием, и краны, осторожно сгружающие на фундамент тяжелые ящики. Эксплуатационники не ждут, они буквально наступают на пятки строителям, и в первой трети Главного корпуса им уже открыта зеленая улица.

Три балки, схваченные подковообразными ребрами, повисли на стальных тягах под фермами. Монтажники, завершив столь сложную операцию, отошли к стене и смотрели теперь, как их работа выглядит со стороны.

— Вы присутствуете при рождении первых тридцати метров главного конвейера сборки автомобилей,— торжественно объявил ученого вида человек.— По сравнению с тысячью восемьюстами метрами это, конечно, не много. Но ведь всегда очень важно сделать первый шаг.

Этот день для Руслана Константиновича Солина долгожданный. Он — начальник цеха главного конвейера — с увлечением рассказывает о том, как будет проходить сборка автомобилей.

— Обратите внимание на этот конвейер толкающего типа. Поставляет его итальянская фирма «Pianelli — Traversa». Конвейер удобен тем, что в любой момент можно снять с цепи тот или иной кузов.

Чем больше посвящает нас Солин в таинства процесса сборки, тем чаще повторяется слово «впервые».

— Программу сборки задаст вычислительный центр завода. Он скомандует, в какой цвет нужно окрасить автомобиль и в каком варианте он будет исполнен: с левым или правым рулем, с приемником или без него. Для тропического климата или, наоборот, среднеконтинентального. Команду получит не только главный конвейер, но и все цеха, имеющие отношение к сборке. Таким образом, вся система управления заводом будет работать по единому алго-

Комсомолец Александр Шкурин, монтажник-верхолаз тольяттинского управления «Стальмонтаж».

Фото Г. Копосова.

Счастливый день отделочников — знамя за первое место.

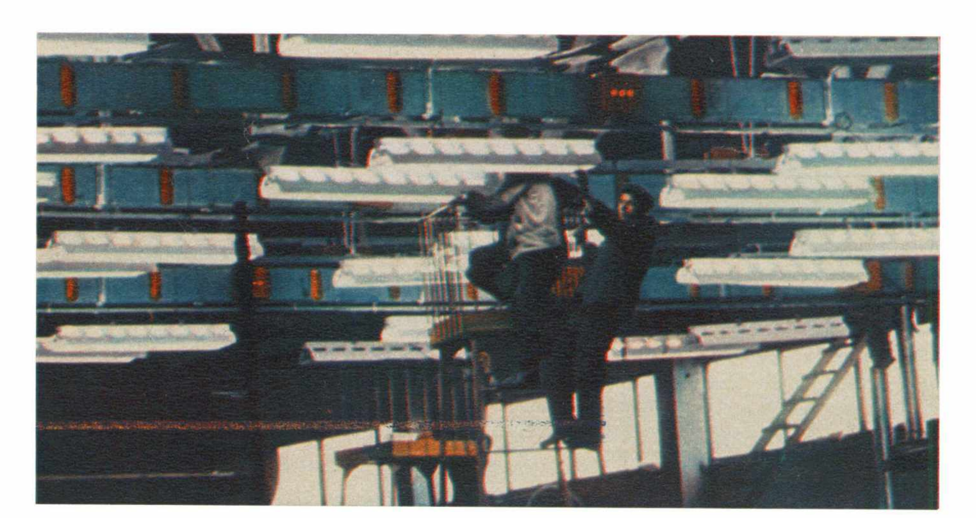
КСМ
ной бри-
ского
м ВЛКСМ
СТОЛЕТИЮ

Верхолазов из бригады Александра Верина высотой не удивишь.

Гонки... на крыше цеха.

Да будет свет в инструментальном!

А пока машины проходят испытания...

Прихорашиваются перед обедом.

ритму, заданному вычислительным центром. Применяется такая система организации впервые в СССР.

— С чего начинается сборка? Вот здесь на первых тридцати метрах Главного конвейера, возле которых мы стоим, кузов получит электроприборы и пучки проводов, панели дверей, различные детали обивки и внутренней отделки: ручки, замки, устройства для опускания стекол. В отличие от итальянской системы все рабочие конвейера будут владеть несколькими смежными операциями сборки, одного человека легко заменит другой. Сейчас начался монтаж первой нитки конвейера. Всего их будет, как известно, три. Для их обслуживания понадобится 2 700 рабочих. Наш цех будет самым многочисленным на заводе.

Поблагодарив Солина, мы, перепрыгивая через балки, петляя меж ящиков и гор торцовой шашки, которой будет устлан пол, направились в противоположный конец корпуса, туда, где сквозь рощу ферм просвечивает летнее небо. Там, в цехе гальванопокрытий, работают верхолазы Минмонтажспецстроя, бригада Александра Верина. Два с половиной года назад бригада поставила в привольной волжской степи первые колонны. Сейчас на ее счету семьсот колонн — поистине стальной лес! Шесть тысяч тонн металлоконструкций подняла и соединила она. А в бригаде всего двенадцать человек и самый младший из них Александр Шкурин, которого видим на первой странице цветной вкладки «Огонька».

Шкурин сидел сейчас на самом верху колонны и приваривал так называемые «стульчики» — опоры для стеновых панелей. А бригадир и еще несколько человек в касках и зеленых спецовках возились у фермовоза.

Саше всего девятнадцать. Бригадиру — за сорок. Завод в Тольятти — первая в жизни Шкурина стройка, на которую он попал прямо из училища. А у Верина было строек не счесть. Где он только не работал! В Рустави, Череповце и Енакиеве ставил домны; в Баку и Алчевске — стены. На Орско-Халиловском комбинате — мартены, на заводе «Уралэлектромотор» — аппаратный цех. В Москве — павильон машиностроения, что на ВДНХ. Сюда приехал прямо со стройки знаменитого здания СЭВа, которое возвышается на Калининском проспекте. Подвесные потолки в Северном крыле — это его, Александра Петровича Верина, работа.

— Много поездил,— рассказывает он и смотрит при этом на Сашу Шкурина, потом на его ровесников — Валю Калинина и Сашу Емельянова, точно обращается только к ним.

...За широкой спиной Главного корпуса могучими шеренгами из стали, бетона и стекла, также сверкающими на солнце белоснежными монолитами, встали другие корпуса. Меж ними, контрастируя в цвете, вздыбились желто-рыжие и серо-черные осыпи — нагромождения грунта, вынутого из глубин земли. Сооружается одновременно все — подземные коммуникации и трассы теплоцентрали, идущие от собственной ТЭЦ, тоннели и дороги. Все здесь начиналось с земли, и, когда речь заходит о людях, перевороШивших ее пласты, в первую очередь называют имена Героя Социалистического Труда Петра Алексеевича Досаева и Ивана Викторовича Ремигайло.

Досаев светлорус, говорит окая — словом, типичный волжанин. Ремигайло черноволос и смуглолиц.

Досаев двигает, срезает «ножом» — отвалом бульдозера пласты земли. Дело Ремигайло — развозить их. Какое-то время они даже работали рядом в одном забое, на сооружении котлована Главного корпуса.

— Досаев все может,— рассказывал мне заместитель главного инженера «Куйбышевгидростроя» Анатолий Васильевич Нератов,— сровнять гору с землей и сотворить горы. Захочет — исчезнет озеро и потечет вспять реки. Плотину Волжской ГЭС насыпал? Насыпал. Шлюзы строил? Строил. Героя Социалистического Труда дали ему за это. А недавно на шламонакопителе такое свершил... В июне нужно было срочно пересыпать озеро, то есть перекинуть дамбу, по которой уложили трубу. Иначе говоря, передвинуть семь тысяч кубов — целую гору. За сколько недель, вы думаете, звено Досаева это сделало? За сутки! За одни только сутки. А в звене всего три бульдозера «ДЭТ-250». Но в звене такой закон: пока не слезет со своего «ДЭТа» Досаев, никто не спустится на землю. А он не слезет до тех пор, пока не сделает положенное.

Ремигайло — прирожденный организатор, вожак, как говорят на стройке. Это по его инициативе возникли здесь комплексные механизированные бригады по разработке грунта. Семнадцать бригад! Когда наиболее острый момент проблемы «земля» миновал, в Доме культуры выступил начальник «Куйбышевгидростроя» Николай Федорович Семизоров:

— Большое спасибо нашим механизированным комплексным бригадам,— сказал он.

Сегодня отчетливо видно, что было сделано: переработаны десятки миллионов кубометров грунта. Чтобы перевезти его, понадобилось бы пятнадцать тысяч железнодорожных составов. И этот горный кряж потихоньку «растащили» в пыльный зной и осеннюю грязь, в пургу и весенние ростепели обыкновенные люди, сидящие за рулем,— шоферы. Один из них, шофер Ремигайло, по-своему воспринял слова Семизорова: «Пора, значит, переходить на другое узкое место». Такое место долго искать не пришлось: новый город, город автозаводцев, протянется к юго-востоку от завода до самого моря — вот где он начнет работать!

Город пока больше в проектах, на ватмане и синьках. В натуре — несколько девятиэтажных московских домов, составленных гармошкой. Московских потому, что монтируют их из готовых панелей, которые присылает Москва, по московским проектам. Вот и все. А люди едут на стройку ВАЗа, на самый ВАЗ днем и ночью, по комсомольским путевкам и без них, приезжают солдаты, отслужившие в армии, приезжают кадровые рабочие. Круглые сутки дежурят у диспетчеров машины, чтобы встретить и развезти по домам и общежитиям вновь прибывших. К сожалению, домов и даже общежитий не хватает.

Коммунист Иван Ремигайло не раздумывал. Сдал заму свою крепко сколоченную бригаду, в которой уверен был, «все пойдет хорошо и без меня!» — и пересел с самосвала на панелевоз, потеряв при этом солидную долю своего заработка. Выдали ему новенький «МАЗ». Ярко-голубой, со стеклянным обзором на все четыре стороны и мягкими высокими диванами на поролоне. Не машина — загляденье! А когда подсоединяли к ней прицеп и укрепляли на нем сразу четыре готовых стены, облицованных белыми в голубую крапинку глазурованными плитками, можно было подумать, что вовсе это не тягач с двадцатью тоннами плывет по шоссе, а яхта с голубым форштевнем.

Однако Ремигайло недолго «почивал на лаврах»... Он быстро сориентировался в новой обстановке, увидел своим острым взглядом изъяны в организации работ и пришел к выводу, что и здесь необходимо создать комплекс. Идея комплекса основывалась на конкретном расчете, который произвел Ремигайло, но затрагивала интересы работников многих организаций — снабженцев, транспортников, механизаторов, строителей. На Ремигайло ополчились начальники управлений. И тогда Иван Викторович пришел в партком «Куйбышевгидростроя».

10 февраля этого года комплексная бригада, состоящая из водителей, такелажников и машинистов кранов, была создана. В первый же месяц она доказала свою жизнестойкость, московские дома были обеспечены панелями с запасом... Сейчас уже никто не сомневается в целесообразности комплекса.

* * *

В конце июня государственная комиссия с оценкой «отлично» подписала акт о сдаче в эксплуатацию РКЦ — ремонтно-кузнечного цеха. Он первенец ВАЗа.

При одном только слове «кузница» вспоминаются прокопченные, продымленные, наполненные чадом и грохотом цеха. Тут белые потолки — потом они встретятся нам и в других «горячих цехах»,— стены, одетые светлой плиткой, веселый рисунок разноцветной эмали на трубопроводах. Все это вполне оправдано: молоты приводятся в действие не паром, а электричеством, нагревательные печи «питаются» не углем, а природным газом. Даже воздух эта удивительная кузница получит зимой очищенным и подогретым.

Заработал РКЦ, а на подходе уже другие. Вот корпус вспомогательных цехов — КВЦ. Светло-салатными бесконечными шеренгами выстроились тут новенькие станки. КВЦ велик, мощными и разносторонними должны стать его цеха, размещенные под одной крышей. Слово «вспомогательные» нисколько не умаляет ни их значения, ни их возможностей. В другой ситуации корпус можно было бы назвать огромным. Но когда напротив стоит такой исполин, как Главный, то с эпитетами надо обращаться осторожно. КВЦ станет первоклассной фабрикой инструмента для всего завода. Здесь будут ремонтировать и оборудование.

Вдоль Главного корпуса раскинулся еще один великан — прессовый корпус. В громадный проем въезжают тракторы и краны. Пронзительно сигналя, обгоняют их девушки на мотороллерах. Вспыхивают кое-где огни сварки. В отдалении, в голубоватой дымке,— ярко-желтый домик управляющего корпусом: еще не ушли строители, а хозяева уже вселились.

У ворот стоит девушка с красной повязкой на руке, в пилотке, лихо надвинутой на кудри. Это Надя Луценко, дежурная бригады Бочкарева, той самой бригады, которая как раз нам нужна сейчас. Не успели мы разговориться с Надей, как окружили нас работницы: кончался обед.

— Кривенцова Люба... Зайченко Людмила... Никулина Галя... Надя Симонова... Люба Комарова, Данера Асынбаева...

— Постойте девушки, сколько же вас?

— Пятьдесят пять, нет, уже пятьдесят девять. Вчера четверо приехали из Тбилиси,— уточнила Женя Вдовина, худенькая москвичка с двумя косичками в разные стороны. Женя — комсорг бригады.

— А ребята есть в вашей бригаде?

— Как же. Две деревни, три села, тридцать девок, один я,— раскатисто рассмеялся бригадир Леонид Бочкарев.— Второй мужчина у нас маляр Валера Мателионис. По нашей бригаде можно географию изучать: Пенза, Каунас, Саратов, Петропавловск, Харьков, Элиста, Могилев. Есть даже Усть-Илим. Средний возраст — двадцать и четыре месяца. Четыре месяца набрали уже здесь, на стройке. Ровно столько существует наша бригада.

— А грамоты и вымпелы когда собрать успели?

В вагончике бригады, что напротив ворот, светло и ярко. Самый большой вымпел — штаба ЦК ВЛКСМ. За второе место в соревновании. А в апреле было и первое место. Со знаменем, тем самым знаменем, которое держит в руках на центральной фотографии нашей вкладки Надя Симонова. Только в мае отобрали это знамя монтажники. Разве можно отделочникам с ними состязаться? У тех 262 процента плана, а у маляров и штукатуров — 179. Для отделочников это рекорд. Но выше подняться трудно.

— Предлагаем корреспонденту облачиться вот в этот комбинезон и подняться к нам, на «небеса»,— прерывает дальнейший разговор Аркадий Злотников, главный инженер СУ № 17.

Обед кончился. Надя Луценко привязывает к канату лебедки бачок с краской, включает мотор. Бачок медленно ползет наверх, к крошечному окошку в небе...

«Небеса» тут — сплошные металлические помосты, на которых работают отделочники. До помостов метров двадцать. Двадцать метров самых неудобных на свете подвешенных металлических стремянок. Но вот мы и на месте. Монтажники обеспечили девушкам надежную почву под ногами. Только, чур, не собираться больше четырех!

Теперь можно взглянуть и на настоящий потолок — снежной чистоты, поддержанный молочно-лимонными фермами. Вот каков он! В широкие, во всю стену фонари вливается море солнца. Где это мы? В студии художника? В спортивном зале? Или на молокозаводе? На минуту забываешь, что внизу уже монтируются прессы.

— Потолок мы покрываем не

известью, а особой синтетической, практически вечной краской,— поясняет Злотников.— Его легко можно протирать и мыть. Такие же потолки мы делаем в корпусе вспомогательных цехов. Сейчас там работают наши штукатуры. Бросили их туда на прорыв. Знают, что бочкаревцы не подведут. Если бригадир скажет, что будет сделано, то девчата придут в семь часов утра. Однажды приехали даже в пять, но к сроку все было готово.

Знакомство с будущим заводом и людьми, которые его возводят, мы завершили в дирекции завода. Нас интересует «виновник» всего того, что здесь происходит,— новый автомобиль.

— Малолитражный автомобиль «ВАЗ-2 101» станет самой массовой машиной индивидуального пользования,— говорит заместитель главного конструктора завода Георгий Константинович Шнейдер.— Поэтому его отличает простота конструкции, отсутствие каких-либо излишеств в оформлении, легкость в обслуживании и уходе. Достаточно сказать, что в автомобиле полностью отсутствуют точки шприцевой смазки. Смазку в двигателе надо менять через десять тысяч километров. А в агрегатах трансмиссий — через тридцать тысяч километров. Специальная жидкость в системе охлаждения не выкипает и не замерзает до минус сорока градусов. И ее нужно менять раз в два года. Расход бензина — восемь-девять литров на сто километров. Максимальная скорость — сто сорок километров в час. На разгон с места до скорости сто километров в час требуется не более двадцати одной секунды. Срок службы до капитального ремонта — не менее ста тысяч километров.

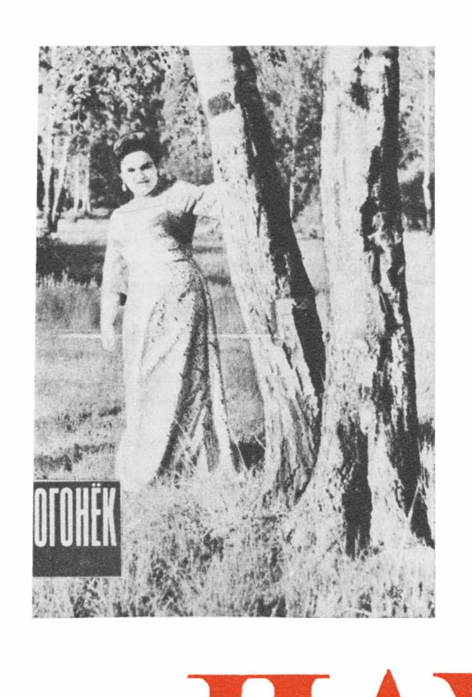
Машина рассчитана на пять человек. В багажнике можно перевозить до пятидесяти килограммов груза. Хорошая подвеска автомобиля, низкий уровень шумов в кузове, большая поверхность остекления, вентиляция и отопление зимой — все это позволяет использовать его для воскресных загородных прогулок и туристских поездок. Таковы эксплуатационные данные новой машины.

Базовой моделью для нашего автозавода избран автомобиль «Фиат-124», как наиболее подходящий к нашим требованиям.

В ходе испытаний в автомобиль были внесены некоторые изменения, вызванные специфическими дорожными и климатическими условиями нашей страны. Все они предварительно обрабатывались и проверялись фирмой «Фиат». Доводка отдельных узлов и агрегатов благодаря техническим возможностям и опыту фирмы была произведена в сравнительно короткие сроки.

В общей сложности в Советском Союзе было испытано около тридцати пяти машин, которые «накатали» до двух миллионов километров. В настоящее время доводочные работы по автомобилю успешно завершены,— сказал в заключение заместитель главного конструктора.

Итак, машина испытана и доработана. Словом, к выходу в свет готова. Строители и автозаводцы в эти горячие дни бок о бок трудятся в пусковых цехах, стремясь приблизить торжественный день рождения своего ВАЗа.

Как пахнет лен...

Юрий ГРИБОВ

Погасла большая люстра, открылся занавес, и Людмила Зыкина вышла на сцену. Улыбаясь, прикладывая руку к груди, она уже дважды поклонилась, а переполненный зал все еще гремел, благодаря певицу. Благодаря за радость прошлую и предстоящую...

Сегодня у Людмилы Зыкиной новая программа. Старинные русские народные песни. Слегка вскинув голову и как бы всматриваясь вдаль, поет она: «Посею лебеду», «Ах, утушка», «Что во поле пыльно?», «Вечор поздно из лесочка...». Когда-то эти песни звучали на деревенских околицах, на девичьих посиделках, в черных избах, освещенных лучиной, на лугах и в поле... Жали бабы серпами рожь или отдыхали, умаявшись, они пели, жалуясь на горькую судьбу, изливали душу в любви к милому, с которым не суждено было повенчаться... Века прошли с тех пор, а простые и грустные истории, вобравшие в себя человеческие судьбы, жизнь народа, и по сей день волнуют нас, если их «оживляет» такой мастер, как Людмила Зыкина.

Пойте, гу-у-сли-и, гу-у-сли-и
зво-о-онкие
Про пе-ечаль, то-о-ску-у
мою-ю-у,
Как го-о-ло-о-ву-у-шку-у я
бу-уйну-у-ю-у
Пред бе-е-до-ой, гро-озо-ой
скло-о-о-ню-у...

В длинном прямом платье, задумчивая, Людмила Георгиевна не делает жестов, нет у нее никаких «эффектных» движений. А слушателю все и так ясно видится: и хитрая сваха-разлучница, и заплаканная девушка с тяжелой русой косой, и тройка, мчащаяся по еловой просеке, алые ленты в гривах коней; и колокольчик слышен, и балалайка, и топот пляшущих ног; чувствуется запах снега, свежей браги, застольного вина... И кажется уже, что не Зыкина перед нами на сцене, а одна из тех женщин с серпом на узкой хлебной полоске — деревенская голосистая молодушка...

Вот пошли песни более известные: «Вниз по Волге-реке», «Калинка», «Вот мчится тройка удалая», «Что стоишь, качаясь»... Но впечатление не меняется: свежо, волнующе, ново, как будто впервые слышишь эти знакомые с детства мелодии.

Как бы мне-е, ря-би-ине,
К ду-убу-у пере-е-ебра-аться,
Я б тогда-а-а не ста-ала
Гну-уть-ся и кача-а-аться.

Сегодня Зыкиной аккомпанируют не постоянные ее спутники, баянисты Крылов и Шалаев, а Государственный русский народный оркестр имени Осипова под управлением дирижера Виктора Дубровского. Тихо струится из глубины сцены музыка, сливается с зыкинским чистым голосом, и радостно от этого на сердце, легко, возвышенно. Впереди меня сидят студенты, и когда Зыкина поет без слов, в такт струнным переливам, я вижу, как девушка теснее прижимается к своему парню, берет его за руку, а парень влюбленно смотрит на подружку.

Давно я знаю Зыкину, был на многих ее концертах, и каждый раз, видя, как трогает она людские души, думаю невольно: а в чем все-таки сила ее и колдовство, откуда берется такое проникновенное обаяние? Ну, главное, конечно,— талант; глубокий, родниково-чистый голос. Но есть и еще что-то, еще какая-то «изюминка». Зыкина поет только по-русски, а понимают ее в Америке и во Франции, в Индии и Японии...

Разъяснение тайны зыкинской «изюминки» услышал я однажды на далеком лесном хуторе, застряв в дороге и устроившись ночевать в избе у бригадира. Вечером смотрели мы телевизор; передавали концерт Людмилы Зыкиной. Пела она «Ивушку», «Рязанские мадонны», «Растет в Волгограде березка», «Что было, то было», «На побывку едет молодой моряк», на слова Виктора Бокова, «Лен», «Оренбургский пуховый платок». Помню, долго сидели мы молча, не хотелось расходиться, хотя и телевизор уже выключили и самовар остыл... У каждого на душе разгорался тот огонек счастья, вдохновения и радости, подожженный волшебством искусства, которому, кажется, и нет объяснения, но от которого людям легче жить.

Старая доярка, убирая посуду, сказала:

— Сколько разов слушаю Зыкину, и вроде давно знакомы мы с ней! Будто в одной избе десять лет прожили. И все-то она знает про меня, вот-вот по имени назовет. Не поет, а рассказывает...

Вот это «не поет, а рассказывает» и есть одна из главных «изюминок» зыкинского таланта. Да, она не однообразно, не заученно поет, а как бы доверительно рассказывает, лепит образ, находя ключ к сердцам людским.

Она и к своим концертам готовится необычно. Подобно писателю, артисту, раздумывает над образами, которые создает; над жизнью своих героев; старается понять их глубже, узнать побольше.

Однажды в Риге, в дни декады

русской культуры, Людмила Георгиевна вдруг спросила меня:

— Как пахнет лен?

— Никак... Лен красиво цветет, а запаха не имеет.

— А в чем ходил Стенька Разин?.. Как при Пушкине в солдаты провожали?..

Я теперь уже не удивлялся ее вопросам. Не удивлялся и разнообразию книг, которые стопками лежали на столе. Рядом с нотами в квартире певицы всегда можно увидеть литературу по фольклору, словарь Даля, сборник былин, стихи, различные энциклопедии, журналы... Великая труженица, Зыкина не выйдет на сцену до тех пор, пока не изучит песню «изнутри», не докопается до сути. Поэтому ее песни не стареют, они всегда свежи. Более того, от концерта к концерту они обогащаются, обрастают новыми интонациями, новыми красками. Выступая, например, в Индии и почувствовав своеобразие музыкальной культуры народа, Зыкина несколько изменила концовку песни «Восемнадцать лет», исполнив ее в замедленном темпе, и успех был прямо-таки громовой. Новый ритмический рисунок концовки подчеркнул лиризм песни. Так она звучит и теперь, а, возможно, через какое-то время пополнится еще и другими оттенками.

Перед концертами Зыкина всегда волнуется, всегда переживает. Вот уже и стаж сценический, слава богу, двадцать лет, и народная она теперь... А когда ей на подмостки выходить — «словно с парашютом прыгать»!.. Стоит перед микрофоном — вроде само спокойствие. А посмотришь в бинокль и заметишь, как вздрагивают ресницы, как серьезны и озабоченны темно-карие глаза...

* * *

Покоряющую силу песни Людмила Георгиевна узнала от своей бабки Василисы. Рязанская родом, деревенская бабка носила широкий сарафан, была по-русски весела, разговорчива, добра. За это звали ее ласково: Васюта. Водилось за Васютой чудачество: очень петь любила. Все, бывало, напевает, то протяжно, то шаловливо, с озорством, с притопыванием, со взмахами платочком. Когда умер дед, бабка Васюта тоже вместо того, чтобы плакать у гроба, вдруг скорбно и жалобно запела. Люда не выдержала, дернула бабку за сарафан:

— Как тебе не стыдно, бабуня!..

А когда деда похоронили, Васюта посадила внучку на колени и сказала:

— Песней, лапушка, любую тоску-печаль перескажешь, любой радостью нарадуешься. Вот послушай-ка...

И снова запела, подперев щеку ладонью.

Екатерина Васильевна, мать Людмилы, тоже любила петь. Выйдут с бабкой на крыльцо, затянут: «Во поле березонька стояла»,— смотришь, вскоре целый хор вокруг них соберется. Сидят, распевают, а перед домом липы шелестят на ветерке, в траве пчелы гудят. Жили тогда Зыкины на окраине Москвы, в старых Черемушках: деревня была там тогда, совхоз.

Много песен переняла Людмила от бабки Васюты: про чистое поле и про дороженьку, про милого и про судьбину горькую... Пела их украдкой. Пела, когда ей было весело и когда грустно, тяжело... А тяжелого да печального в ту пору хватало: началась война. Отец Людмилы, рабочий, ушел на фронт. Бабка Васюта умерла. Остались вдвоем с матерью. Ждали писем, слушали радио, стояли в очередях... По ночам над Москвой вспыхивали прожекторы, где-то страшно бухало, горело. Проснувшись, Людмила в такие минуты бежала к соседям: мать работала санитаркой в больнице, дежурила сутками, и Люде жутко было одной в маленьком деревянном доме.

С фронта однажды не было писем месяца три. Мать осунулась, почернела, ослабла. Люда решила работать и пошла наниматься на станкозавод имени Орджоникидзе. Сначала ей наотрез отказали: уж очень мала. Потом, видя упорство, взяли учеником токаря. Взяли — и не пожалели. Смышленая оказалась девчонка, выносливая, боевая. И в школе рабочей молодежи успевала учиться и станок быстро освоила.

— Быть тебе, девка, инженером,— сказал Людмиле старый мастер, когда она успешно сдала на четвертый разряд да еще обучила токарному делу пятерых мальчишек.— Талант у тебя.

Возможно, Зыкина и стала бы инженером, если бы не любовь к песне. Забываясь, она напевала и у станка и в обеденный перерыв в ожидании тарелки супа, пела в трамвае, в метро... Иногда сама не замечала, что поет, но другие заметили; и пошла по цехам гулять слава: Люда Зыкина — прямо артистка!..

Определили ее в самодеятельность. Стала она выступать на сцене, в госпиталях... На гитаре играть научилась, чечетку отбивать, цыганочку, танец с шалями исполняла, частушки пела военные. Но самый большой успех приносили ей старинные песни бабки Васюты. Как запоет, все разом затихают, муха пролетит — слышно, потом повторить просят... После концерта в госпитале подошел к Зыкиной однажды командир на костылях, положил руку на голову, сказал по-отцовски:

— Тебе, дочка, надо о себе как следует подумать... Голос у тебя не простой. Не разбрасывай его на частушки. Учиться бы тебе, свой природный дар шлифовать...

Людмила и сама уже догадывалась, что песня — дело серьезное, нельзя подходить к ней легко, с шуточкой, наспех. Песня учебы требует. И знаний и большого труда. Но не до учебы пока было: рабочие по две смены из цехов не выходили.

Уже после войны Зыкина как-то пошла с подружками в кино. Перед театром девушки увидели большую афишу, извещавшую о начале певческого конкурса, объявленного хором имени Пятницкого.

— Пойди, Люська, пусть тебя знаменитости послушают,— уговаривали подруги.— Боишься? Слабо?.. Иди, трусиха, шесть порций мороженого от нас получишь!..

И пошла: что будет, то будет! Открыла дверь, поздоровалась робко, сказала, что, вот, мол, так и так, спеть хочет, зовут Людой, восемнадцать скоро...

— Ну, что ж, Люда, пой.

— А чего?

— Что хочешь.

Она вздохнула, убрала за рукав платочек и запела. «Уж ты сад, ты мой сад». Эту песню ее попросили повторить в разных тональностях, а когда она все выполнила, сказали, чтобы далеко не уходила. После Люда узнала: прошла на следующий тур. Ела мороженое, купленное подружками, и думала: сказать матери или нет? Обрадовала она мать только в день последнего конкурса, когда из четырех тысяч претендентов в хор взяли четверых, ее в том числе.

— Мама, я теперь артистка!— закричала она, не успев переступить порог.

— Знаю, что ты у меня артистка. Вон каблуки-то! Как пилой спилила...

— Да точно, мама! Меня в хор приняли! В хор имени Пятницкого!..

Новая жизнь началась для Зыкиной: репетиции, музыка, огни концертных залов, взоры зрителей. Никто ее тогда, правда, еще не знал, стояла она где-то в пятом ряду, тоненькая, быстрая, жадная до всего нового, но тем не менее уже артистка, певица...

В первый же год Людмила вспомнила бабку Васюту, вспомнила и раненого командира с костылем, которые говорили ей о серьезном отношении к песне. Такими же примерно словами встретили ее и «отцы» хора Казьмин с Захаровым. Они то и дело напоминали: талант, «божий дар» — это хорошо, но на одном «божьем даре» далеко не уедешь! Одаренность — это всего-навсего тоненький лучик, который надо разжечь в яркое пламя. А Зыкина пока ничего своего не имела: то Прокошину в ней узнаешь, то Подлатову — слепые подражания... А настоящие мастера не только голосом поют, но и головой, сердцем... Песню надо выстрадать, в муках родить, тогда она польется свободно и легко.

Внимательно слушала Зыкина своих учителей, думала иной раз, когда плохо получалось: «Вот тебе и артистка! Ничего из меня не выйдет!..» Захаров и Казьмин, а потом Кутузов, руководитель хора русской народной песни Всесоюзного радио и телевидения, куда поступила Зыкина, понимая ее состояние, подбадривали, помогали. Разгадав возможности Людмилы, Николай Васильевич Кутузов стал следить за ее манерой. Он не разрешал ей петь громко, давал песни протяжные, лирические, заставлял исполнять их без сопровождения.

Вначале Людмила протестовала, ссылаясь, что руководитель, мол, суживает ее диапазон, но потом с благодарностью поняла, насколько же он был прав. Запрещение петь громко определило тембровую окраску голоса; песни без сопровождения помогли отрабатывать чистоту звучания.

Очень много работала Зыкина, занималась вечерами. Рано утром. Готовит завтрак на кухне и поет, вытягивая ноту, «шлифует» голос. Соседи барабанят в стенку: «Надоело, помолчи!» По воскресеньям, взяв с собой бутылку молока и бутерброды, уезжала на электричке в лес, к реке, и уж там пела от души, опять вспоминая бабку Васюту, свою добрую голосистую мать, которой тоже не было теперь в живых... Сидит на пеньке, поет, а у самой слезы...

И дело пошло. Стали Зыкину замечать. Но тут случилось несчастье: пропал голос. Заболела Люда, понервничала,— а причины были для этого: жизнь ведь не гладкое поле... Казалось, никогда не вернется голос. Оставили ее на административной должности, а она, махнув рукой, уехала в Подольск, устроилась токарем. И в рабочей среде сразу лучше себя почувствовала. Много читала, слушала знаменитых певцов, думала об их судьбе и творчестве, вела занятия в кружке художественной самодеятельности. Опять поверила в себя, стала надеяться... И что же, через год вновь ожил ее голос, зазвучал, как прежде. Кутузов вернул Зыкину в хор, поручил ей сольные запевы, радовался ее успехам. На радио Зыкина познакомилась с композиторами Пахмутовой, Туликовым, Мурадели, Аверкиным, Пономаренко, Новиковым, Фельцманом, Фрадкиным, Левашовым... Участвовала в конкурсах, занимала почетные места, выступала в клубах и по телевидению. Появились афиши с ее именем. Стали узнавать Зыкину на улицах, в магазинах. Улыбались ей, повторяли слова только что пропетых песен...

* * *

На днях включил радио, слышу, поет Зыкина про разлуки и встречи, про любовь, которая не стареет. Захотелось позвонить ей, поздравить. Набираю номер, слышу знакомый голос, узнаю типичное приглашение без раздумий:

— Приезжай! Прямо сейчас! А то мне скоро в аэропорт уезжать...

Всегда ей куда-то надо уезжать: на вокзал, в аэропорт, в студию, в райисполком, в завком... Всегда Зыкина кому-то помогает, о ком-то заботится артистка, и как депутат, и просто как добрый, и как отзывчивый человек.

В прошлом году были мы вместе на молодежном фестивале в Болгарии, так она и там, занятая по горло работой в жюри, помогала молодым певцам подготовиться к концерту, советовала, как одеться, как держаться на сцене. Повсюду у нее знакомые и друзья. Иногда перебирает многочисленную почту и сразу узнает:

— Это с Камчатки, это из Таллина, это из Америки. Вот из Индии. А это от Ивана Ивановича...

— А кто Иван Иванович? Композитор?..

— Сталевар из Сибири. В гости приглашает. В заводском клубе поет. Я его слушала — способный! Двадцать три года парню. Учиться будет, похлопотала о нем...

Охапку писем увидел я и на этот раз. А на диване заметил морскую бескозырку. Кивнул на нее: откуда, мол, зачем?.. Людмила Георгиевна подошла к зеркалу, надела бескозырку, вытянулась:

— Разрешите доложить! Почетный матрос Тихоокеанского флота Зыкина готова к несению службы!

Любит она выступать перед моряками, солдатами, рабочими. В Челябинске на трубопрокатном пела, в пятом цехе подарили ей на память кусок уральского самоцвета с надписью.

Сувениров у Зыкиной сотни. И сотни памятных встреч. В Австралии, например, после концерта подошел к певице высокий худой человек, снял шляпу и сказал:

— Я русский, сударыня. Благодарю вас, что вы мне еще раз напомнили об этом. Я горжусь родиной. И хотя никогда не видел ее, сегодня, слушая ваши песни, еще больше узнал красоту и благородство России...

Валерия ГЕРАСИМОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Земное притяжение

10

Ларису потряс грохот разрыва. Грохнуло где-то рядом с ее головой. Сейчас запылают волосы. Ладонями прикрыть глаза. Скорее — глаза! Она что было силы рванулась и увидела склонившееся к ней лицо.

— Со сна испугалась, милая,— улыбалась женщина.— Это я ведерышко поставила. Принесла с колодца водички... Чистая, свеженькая. Чаек сейчас спроворю...

Лариса дико озиралась, не понимая, почему эта женщина, почему бревенчатые стены, почему она здесь. Увидела на некрашеном табурете ведро воды, от него тянуло свежестью, холодком. А на стене яркая открытка с улыбающимся Гагариным. Значит, уже не снится...

Пожилая женщина в потертом ватнике улыбаясь смотрела на нее.

— От переживаний нерьвность такая. От нерьвов это...

— Где Рая? — спросила Лариса.

Лицо женщины померкло.

— Раюшка-то как привела вас — сразу обратно. К нему-то ее тоже не пускают — так луй, даже красивую женщину. Хороший костюм, прическа... Разве похожа на ту, в белоснежном, отложном воротничке, что представляла... привыкла представлять.

«Мне и то не разрешают Василия Андреевича тревожить. А уж посторонним... Сами понимаете...»

Не предложила сесть. Не спросила, будет ли ночевать. А если будет, то где?

Спокойно сидела в малиновом плюшевом кресле. Такой и застыла в памяти.

Молча, непоколебимо выжидала, когда посторонняя выйдет. И она вышла.

Снова очутилась среди аллеек и транспарантов. А весенний вечер умирал. Небо бледно пожелтело, стало холоднее.

Только далеко на горизонте ярко кровавилась полоса, словно хватили ножом.

Пошла по уже знакомой, не один раз хоженной дорожке. Все туда же, к серому кубу изолятора. Потом подумала: а вдруг этот злобный доктор или сама заведующая найдут ее здесь и снова прогонят? Прогонят, как никому не нужную, приблудную собаку.

Едкая слеза поползла по щеке.

Неожиданно против воли шевельнулось недоброе чувство к тому, кто был причиной всех ее унижений, всех страданий...

Как же ей можно было забыть свой дом, Мусю?

Завтра же чуть свет любым путем добраться до станции и домой! Скорей домой!

И все же, ожидая чуда, еще раз подошла к изолятору.

И еще раз произошло то же, что раньше. Все тот же помятый человечек в белом халате мгновенно возник перед ней.

Изредка перебрасывались словами. Человечек, что гнал Ларису от изолятора, по словам Раи, был местный врач Зайцомский.

— Он ничего себе, даже смешной, забавный такой человечек, но уж очень боится Антонину Степановну.

— Боится?

— За место свое очень держится. Нельзя сказать, чтобы трудолюбивый, а место у него спокойное, и удобства большие ему Антонина Степановна предоставила. Он говорит, что жизнь должна быть у него красивая. У него тут и домик приличный — с душем, с телевизором. Сам шутит: «Жизнь у меня непыльная».

Сообщила Рая и о том, что к вечеру приехал сам секретарь обкома Климов.

— Раз такие люди взялись, должны спасти,— не то спросила, не то утвердила Рая.— Верно ведь, Лариса Викентьевна?

Лариса промолчала. Ей больше всего хотелось упасть где-нибудь и забыться. Только бы забыться!..

Она и забылась в доме Синицыных на широкой расшатанной кровати, на залосненном одеяле.

Очнулась от того, что показалось ей взрывом, и вспомнила все, от чего невозможно было ни уйти, ни спрятаться.

Когда хозяйка позвала к столу, удивляясь самой себе, съела несколько ложек каши.

Что же должна она, посторонняя, делать дальше?

— Должны спасти,— зазвучали в памяти слова Раи.

Ну, а если не спасут, что же тогда? На это она не смогла ответить.

она, ровно ласточка, вокруг так и вьется, так и вьется... Грудку свою наскрозь бьет!

Краем платка женщина вытерла глаза.

— Кашку геркулесовую сейчас разогрею...

— Не надо, Глафира...

— Никаноровна,— подсказала хозяйка.— Только меня все больше — «тетя Глаша». А теперь и «баба Глаша» стали кликать.

В домишке Синицыных Ларисе отвели лучшее место — на двухспальной расшатанной кровати.

Не потревожив простыни с подзором, Лариса не раздеваясь легла на стеганое, залосненное одеяло.

Сейчас, утром, еще недавно радовавший ее серый костюм показался чужим, поношенным, даже нечистым. Себя она тоже чувствовала смятой, несвежей, поношенной. Вспомнилась сказанная о ком-то фразочка Изы: «Она из уцененных товаров».

Наверно, и с людьми время от времени происходит уценение. Уцененные! Вот и с ней. Это потому, что ее унизили. Унизили — обыденно и просто. А главное — умно.

Она вспомнила спокойную, крепкую, пожа-

— Я уже предупреждал... Прошу удалиться.

Куда же удалиться?

На небе проступила зеленая звездочка.

Холод, спокойный и равнодушный, сжал тело.

Только весной после яркого, солнечного дня приходит вот такой резкий, нерассуждающий холод. Сняв жакет, попыталась прикрыть им голову, шею. Нет, так еще хуже!

Неожиданно, как спасение, возникла Рая.

— Обыскалась я вас... Знала, что вам откажут. Думала только, что раз уж такой случай, дозволит. Характер у нее слишком твердый... Только вам, Лариса Викентьевна, не здесь же ночевать! К маме пойдем. Здесь недалече: Зуевка километра три отсюда, не боле.

Потом озабоченно оглядела ее.

— Нельзя вам так... Вот возьмите полушалочек...

— Как же вы сами?

Рая всплеснула ладошками, рассмеялась.

— Да мы с детства привыкшие... А и весна ведь! На ходу еще как разогреюсь!

У Ларисы не хватило сил отказаться, хотя видела, что на Рае все то же легкое платьишко.

По дороге разговаривали мало. Слишком уж устали, измучились.

— Тетенька, а у министров зарплата большая? — спросила ее девочка, которую Глафира Никаноровна называла Полинкой.

Лариса улыбнулась.

— Не знаю.

— А вы каких-нибудь киноартистов знаете?

Лариса, подумав, назвала теперь очень известную фамилию, того самого красавца, что когда-то так умело говорил ей о своем чувстве.

— Ух, ты! А из женщин кого?

— Любовь Орлову.

— Ух, ты!

— Полинка, не приставай к тете! Курей поди покорми,— приказала Глафира Никаноровна.

Девочка неохотно, несколько раз оглянувшись на гостью, вышла.

— Вот взяли... Мужа покойника племянница. Когда траншеи под Зосимовом рыли, ее мать насмерть доской по виску, а меня оглушило. Мы с Раей порешили: сироту не оставим, пусть заместо Толика моего...

— Это кто?

— Сын. На фронте его... тоже.

Синицына вытерла глаза, потом лицо ее посветлело.

— Зато у нашей Полинки способности

Продолжение. См. «Огонек» №№ 31—34.

огромные, задачки так и щелкает. В самодеятельности, в кружке у Василия Андреевича чуть не первая. И стихи, он говорил, складные сочиняет. Сейчас, конечно, артисткой мечтает, а думаю, в учительницы пойдет или доктором...

— Скажите, а сама-то Рая как же?

— А что Рая? Жизнь у ее, можно сказать, сломанная.

— Почему же сломанная?

— В меня, видно, пошла. Как один к сердцу прикипел — так и навеки.

— Что вы... Молодая она, красивая.

— Я и говорю — красивая. За нее и зававтобазой сватался, и учитель один все ей книжки дарит, и, верьте слову, один из кино опела... опе...

— Оператор.

— Да, такое. Здесь природу, кусты все сымал... От всех она воротится. Только один для нее — Василий Андреевич. Я говорю: Рая, ведь он закрепленный! Да еще за такой-то женой! И немолодой он для тебя и не всегда по вину себя соблюдает... Твердит: он лучший всех, кого на свете видала. И еще, что он одинодинешенек...

— Как же один, Глафира Никаноровна? У него и жена и сын? — нетвердым голосом спросила Лариса.

— Этого она не объясняла. Началось с того, что он не только барышевских ребят, а и зуевских к культуре привлек. Раисе хорошие рольки: то барышню, то партизанку. Полинку, сироту, и ту не обошел... Способности, говорит, у нее огромные... Все было чисто, порядочно. Наши зуевские вместе с ребятами и клуб-то ему помогали отстроить! Видали, какая красота-то? Столичный! У наших зуевских еще какие столяры из стариков-то на его призыв откликнулись!

Увядшее лицо Глафиры Никаноровны снова озарилось затаенным, мягким светом. Потом вздохнула.

— Только с того клуба все и началось.

— Что же началось?

— Клуб-то перед самым открытием чуть не спалили. Василий Андреевич в подвальчике, где хлам разный складен, Мазилова да еще кого-то из таких же укрыл. Мазилов Мишка чего-то такое намазал. Шибануть их начальство порешило. Рая передавала, что Зырянов под честное комсомольское их туда пустил, а они напились, пожар сделали...

— Так не сгорел же клуб?

— Верно, вовремя схватились. Василий Андреевич прямо в огонь лез... Волосы спалил. Только после такого факта словно больной стал. Да Спарташка еще...

Глафира Никаноровна покачала головой.

— Говорят, матери он на всех донес, кто там был... Знаете, что еще скажу: Василий-то Андреевич вздумал, что сын-то ему взрывчатку-то эту нарошно подсунул.

— Не может быть!

— Вот и «не может быть»! Рая в то самое утро мимо их военных занятий проходила... Бледный такой, глаза запали. «Смотри,— говорит,— какую мне игрушку сынок подарил!» И показал — она передавала — чего-то такое вроде перечницы, железное. И так грохнуло — она слышала... Подбежала — а он... Чего и рассказывать!

Скованные одним чувством, женщины помолчали.

— Неужто сын?

— Нет. Быть того не может! — покачала головой Глафира Никаноровна.— И Рая говорит: не может!

— А если... Василий Андреевич... ну, слабость его?..

— Не было этого! Рая моя никогда не покривит. Тем утром ведь близехонько стояла, когда с ним говорила, ни в едином глазу не было! Дыхание чистое такое...

Синицына боязливо зашептала:

— Можете погубить — другое скажу. Спарташка-то, конечно, супротивный. Да еще и мать-то его на свой лад кроила. Только не он Василия Андреевича загрыз, не он! Других хватало. Дашка-то из прачечной сама мне сказывала: Яков Жолудев потихоньку ребятам тогда в клуб-то беленькой бутылку подсунул.

— Зачем же? — спросила Лариса.

— Рассчитал, что плохое будет. Так и случилось... Он да его Катерина большой зуб имели на Василия Андреевича. На собрании Василий Андреевич вопрос поднял, что и с тарой у Якова дело нечисто и с яблоками тоже. Он в открытую, а они по-змеиному. И его они подпаивали. Верьте слову — подпаивали! Знаете, как Василий Андреевич их прозывал? «Оборотни» — как еще моя бабушка говаривала,— горько усмехнулась Глафира Никаноровна.

— Почему же эта... заведующая их не увольняла?

— Это как сказать... Они-то хитрые. Да и не без пользы ей для дела. Раз Яков-то за полуторатонку яблок головные уборы на всех барышевцев вне очереди достал. А уж зима подходила, зябко... Сама-то она, говорят, ничего не берет. Премии больше любит. Конечно, если ее интерес кто затронет,— убить может. Райку мою только по подозрению в грязь втоптала. Ничего на деле-то у нее с Василием Андреевичем не было: на икону перекрещусь! Пальцем ее он не коснулся. В газету Лакрина, Гусаков да еще Жолудев ложь пустили! И пошло дело! Я Рае говорю: ты чего пнем сидишь — пусть тебя доктор исследует! Только не этот ваш подневольный-то, а ты в Зосимов поезжай! Бумажку дадут, что ты честная.

— Зачем это? — содрогнулась Лариса.

— Тут так повелось. Антонина Степановна Битюгову-то Машку велела насчет чести-то проверить... Так та ее чайником... ноги обварила. Только с Машкой-то дело совсем другое было. А Раюша-то моя, как слезинка, чистая. Всем бы доказала!

— Так почему же она...— с невольной личной заинтересованностью спросила Лариса Викентьевна.

— Говорю, пнем уперлась. «Это — унижение. Главное, мама, чтобы самой про себя правду знать». Вот и знает — про себя-то... А вокруг пальцами тычут! Полину, и ту стали подкалывать. Обнялись они с Райкой — и ревут! Жолудев особо старался — уж полвека отстукало, а молоденькую ему подавай! Раюшка-то его, старого черта, как отбрила! Он ей много чего сулил! И что в техникум устроит... Она-то у меня несмелая, а на плохое не пойдет!

В дверь просунулась голова Полинки — рот ее был в чем-то зеленом.

— Тетенька, а с Райкиным вы знакомы?

Глафира Никаноровна, как видно, полагая, что серьезный разговор с гостьей далеко не окончен, сердито махнула на нее рукой.

— Иди себе! И щавеля ты на щи собирай, а не в рот.

Светлая голова Полинки исчезла.

Женщины помолчали. Лариса Викентьевна

невольно посмотрела на ясную улыбку Гагарина.

— Вы не обидитесь моего слова, Лариса Вик...

— Просто Лариса.

— Верно. Так полегше. Вот, Ларисочка, что скажу: он вас часто поминал. Мне и Раюшка про это говорила, хоть ей, может, и обидно было, а того не скрывала. Вот и послал он за вами. Смотрю, вы интересная такая. Вроде артистки... Моложавая.

Лариса рукой пригладила свои спутанные и, как ей казалось, тоже нечистые волосы.

— Ну что вы...

— Простите, если спрошу: только почему у вас-то с им не получилось?

— Что не получилось? — тревожно спросила Лариса.

— Жизни почему не получилось? — так же ясно повторила Глафира Никаноровна.

Наверно, потому, что вопрос был уж очень прям и прост, Лариса растерялась.

— Не знаю...

Синицына покачала головой, и в блеклых ее глазах можно было прочесть нечто схожее с осуждением. Ларисе захотелось вот здесь, с этими неряшливыми волосами, в помятом костюме и тайной тревогой о том, что может ждать ее дома, объяснить этой простой женщине, как несправедливо, как жестоко поступил с ней он!

И сейчас она снова из-за него унижена и, может быть, уже навсегда бесприютна!

— Василий Андреевич по-своему хороший человек,— начала она тихо, стараясь унять дрожь голоса.

Глафира Никаноровна кивнула.

— Поддержал меня в самую трудную минуту.

Синицына снова сочувственно кивнула.

— И все-таки... Он... в общем, не я... я уже хотела к нему ехать, а он...

— Перебил кто, значит? — вздохнула Глафира Никаноровна.

Ларису поразила ее проницательность.

— Да, можно сказать, что перебил...

— Лакрина?

— Да.

— Расписался он с ней?

— Нет, того не было. Признался в письме, что... что... сорвался... что меня...

— Любит?! — торжествующе подсказала Глафира Никаноровна.— А ты бы и простила!

— Не знаю... может быть. Но тогда мне иное... не смогла. Ответила ему... такое...

Ларисе вспомнилось, как с похолодевшими руками, с нервно и злобно бьющимся сердцем придумывала она равнодушно-иронические, царственно-небрежные слова: вежливо предложила совершенствоваться уже не одному, а, как видно, с достойным его объектом. Пусть они вместе поднимаются к сияющим вершинам... Попросила лишь одного — предоставить прочему серенькому человечеству копошиться на обыденных своих низинах. В том числе и ей — простой смертной...

До боли стиснув зубы, раздумывала, как бы получше подписаться. Черкнула: «Одна из несовершенных».

Всего этого она, конечно, не могла рассказать. Замолкла. На лице у Глафиры Никаноровны проступило явное сострадание. И снова она метко спросила:

— Отрезала, значит?

— Да... вроде. Только потом...

— Что потом? Одумалась?

— Может, и так. Он все писал, чтобы... простила, что я... что только... меня...

Глафира, снова посветлев, кивнула:

— Любит?

— Потом вдруг писать... перестал. Я узнавала где могла. Потом, потом... поняла, что все неважно...

— Я и говорю — стерпеть надо!

— Что я его тоже... что приеду... выезжаю...

— Вот, вот... по правде-то! — сияла Глафира Никаноровна.

— Вещей даже не собирала. Торопилась...

— И чего же?

— Побежала за билетом. С билетами трудно тогда было... Наконец, достала. Тут телеграмма: не приезжай, должен быть ребенок.

Глафира Никаноровна горестно покачала головой.

— Такая-то прицепится — не оторвешь!

— Нет. Он сам. «Иначе не могу»,— такими словами закончил.

— Вовремя бы ты. Без гордости-то твоей! Все бы и обошлось...

Незаметно Глафира Никаноровна перешла на «ты».

Лариса наткнулась на что-то для себя важное.

— Без гордости?

— А как же? И замуж, видно, с того?..

Лариса не сразу сказала, что ее муж — хороший человек, и даже добавила, что она хуже его, гораздо хуже!

Ей вспомнилось румяное лицо Гриши Дьяченко, его спокойная непритязательность, даже наивный подарок — горланчик с медом,— все простое, человеческое, зато надежное, прочное, что казалось ей спасением!

И тетя Вера и вернувшийся отец одобрили ее выбор. Через неделю после ее замужества старую квартиру было не узнать. В короткий срок Дьяченко (она долго про себя называла его только по фамилии) организовал генеральный ремонт. Что-то перестроив, сумел даже выкроить комнатку для тети Веры, и та умело и бодро повела их общее хозяйство.

Появились такие же прочные, надежные его товарищи, побывал и отец из Чугуева с розовым гусем и трогательным письмом от матери. Сразу все завязалось семьей. Без всяких высоких фраз, без надрывов...

В общем, все оказалось не так уж плохо.

Папа, хотя и был уже слаб, а помогал как мог — особенно это, с аспирантурой Григория.

Она старалась как можно прочнее забыть и, казалось, забыла... Потом загремела и все смела война. Пожалуй, первое живое чувство к мужу Лариса испытала, увидев его в шинели, сапогах — таким, как все, кто уходил на фронт...

И только раз — в эвакуации — прожгло странное видение. В кадрах кинохроники, где чествовали летчиков, она узнала его лицо. Зырянов сдержанно и — что ей, возможно, показалось — горделиво улыбался. Сверкали ордена. Играл духовой оркестр. Наверно, это и называется славой. То, что несравнимо ни с аспирантурами, ни с доцентурами, ни с ее собственными, по правде говоря, не слишком уж большими творческими успехами... После рождения Муси она оставила консерваторию и целиком ушла в семейные дела. Тем прочнее нужно было замуровать, притушить все то, что еще тлело в памяти!

Ведь и Гриша был там же, ведь и он подвергался опасности!

Но в тот день, когда до нее дошел слух, что Зырянов погиб в одном из воздушных боев, она, сославшись на болезнь, молча пролежала весь день... И другой день был таким же! Потом жизнь замела и это...

Как же поразилась она после войны, совершенно случайно узнав, что Зырянов жив и — как это ни странно — работает чуть ли не воспитателем в детдоме, а главное — где-то совсем близко...

Лариса Викентьевна так задумалась, что не сразу расслышала вопрос Глафиры Никаноровны. Может, и не хотела расслышать?

Вопрос был составлен столь деликатно, что при желании его можно было и не понять. Смысл сводился к тому, почему же она при таком хорошем муже... Особо когда, по правде-то говоря, Василий Андреевич «вид прежний потерял»? Неужто сам стал набиваться?

Трудно было доступно объяснить, что она позволила себе найти его именно потому, что «вид» был им теперь потерян: ни славы, ни блеска! Говорило уже не былое чувство, а любопытство, что ли... И еще—была уверенность в прочности своей, так хорошо сложившейся жизни и в своем устоявшемся отношении к мужу, к дому...

Почему же весь как-то посеревший человек, в кургузеньком пиджаке, с неприятным подергиванием шеи снова стал ей нужнее всех на свете? Вот этого объяснить она не могла ни этой простой женщине, ни самой себе!

Лицо Глафиры Никаноровны также отразило нечто сложное и снова — сострадальное.

— Прижалела, значит?

Это, казалось, приближалось к истине, и за этим удобнее всего было укрыться.

— Да, наверно,— кивнула Лариса.

— Вот и моя Раюша... Слабые мы, женщины.— Глафира Никаноровна вытерла глаза краешком косынки.— Так чего ж тебе сидеть-то тут?! Сейчас с Барышевки к нам на ферму на полуторке за молоком приедут... Если Жолудиха — ты не жалей, рупь ей в ладошку — и посадят! Да вот еще: хлебца прихвати. Степановна такая, что там тебе и корочки не дадут!

Да, как же она, когда даже Раюшка?!. Перетерпеть все: и этого сального человечка в мятом халате, что не пускает ее к н е м у, и эту плотную, словно литую женщину с приветливой улыбкой и беспощадными глазами, и настороженные взгляды окружающих, и эти свои лохмы на голове...

Подбежав с Полинкой к ферме, Лариса сунула измятый рубль в ладошку какой-то женщине в каменном перманенте и поехала меж подрагивающих бидонов.

11

То, что Климов испытывал, когда к нему пришло известие о несчастном случае с Зыряновым, смутно напоминало ему некогда уже пережитое. Не то это было, когда он «прошляпил», по внутреннему своему признанию, с уборкой и хлеба засыпал небывало ранний снег, не то что-то из военных лет, скажем, когда его часть — и это опять-таки приписывал собственной ошибке — попала в окружение...

Правда, удалось вырваться. И все же были жертвы. Ненужные жертвы...

Конечно, в катастрофе с Зыряновым ни косвенной, ни прямой его вины не было. Больше того, с пристрастием спрашивая себя, Климов припоминал, что, отрываясь от всепоглощающей работы, делал для Зырянова все, что мог. Хотя бы с той пакостной статейкой в зосимовской райгазете.

Дело тут было не только в Зырянове — Георгия Николаевича почти физически мутило от подобного сорта «постельных», как он выражался, разоблачений. Намылил тогда голову редактору, не дал грязи расползтись. Вырвал время и побывал в Барышевке на открытии нового клуба. При всех дружески поговорил с Василием.

Сейчас Георгию Николаевичу вспоминалось, что лицо Зырянова в ту последнюю встречу было каким-то необычным, изжелта-бледным, больным, а глубоко запавшие глаза избегали его взгляда.

Надо было бы увезти его с собой, дать встряхнуться в иной обстановке, подальше от всех этих разлиненных дорожек и аккуратных транспарантиков.

Ведь еще не так давно воевали они в составе одной и той же дивизии на 2-м Белорусском фронте.

Нетрудно было представить себе, что значило для такого человека, каким он знавал на войне «аса» Василия Зырянова, получив инвалидность, навсегда оставить летное дело!

Жена Зырянова хорошая, деловая. Все так говорят. И верно, в Барышевке при ней сделали немало: и построили кое-что, и хорошо озеленили древнее монастырское место, и персонал при ней подтянулся. Только в этом ли одном дело?

Климов вспомнил крепкую фигуру Лакриной, ее сошедшиеся над переносьем черные брови и еще раз спросил себя: в этом ли одном дело?

У них семья, говорят, хорошая, способный сынишка... А если и были в этой семье неполадки, что ж он, Климов, мог сделать?

Поговаривали, что к той статейке Лакрина имела какое-то касательство.

Ну, разозлилась... Бабья ревность чего не сделает! И Василий, наверно, не ангел непорочный? Выпивал... Только такую-то беду, как у него, еще как потянет заглушить!

Георгий Николаевич вздохнул, потянулся за папиросами, что наготове лежали на тумбочке у кровати.

Да, ничего не скажешь, энергичная, деловая женщина эта Антонина Степановна. В короткий срок сумела превратить учебный кабинет в удобную и даже уютную спальню. И кровать с пружинным матрацем под пушистым одеялом поставили, и лампа под голубым шелковым абажуром, и стакан молока, и пирожки на тарелке, и пачка «Беломора» тут же, на тумбочке. Чтобы ничто не нарушало домашней обстановки; учебная карта с изображением человека без кожного покрова была заботли-

во прикрыта марлевой беленькой занавеской, и лишь у пола высовывались сургучного цвета ступни.

Подобная заботливость совершенно не трогала Климова. Скорее напротив: он знал, что чаще всего за подобным скрывается нечто своекорыстное, какое-нибудь «не то»...

И как ни заботила его судьба Зырянова, ночевать здесь он едва ли останется, тем более что завтра назначено совещание по плану перестройки трех городов области, в том числе и Зосимова. Будут ведущие архитекторы, строители, инженеры, а из Москвы приедет крупный консультант Госстроя.

Сорвался он в Барышевку оттого, что просто не мог иначе. Никак не мог!

Какая-то сила, о существовании которой он сам едва ли и подозревал, прямо бросила его сюда. Не успел даже заехать домой, предупредить жену...

Как узнал о беде, тотчас же послал в Барышевку лучшего в области профессора.

Одно сердило: почему из Барышевки известили с запозданием? Разве не знали, что Зырянов не чужой ему человек? Растерялись, что ли? Непонятно! Да и все ли понятно в этом деле? Не чужой человек... Когда почти вбежал в изолятор и впервые увидел закинутую на подушку бескровную голову с закрытыми глазами в глубоких провалах, на него так и повеяло непоправимо чуждым. Чуждым всему живому...

Профессор подал некоторую надежду. Но так они делают почти всегда.

Нельзя ли в больницу? И как можно скорее, на его машине?

— Трогать сейчас не рекомендуется,— покачал головой профессор.

А ему невозможно уйти от этой кровати.

Он еще и еще наклонялся к отсутствующему лицу. Хотелось о чем-то спросить, что-то сказать...

Сказать хотя бы о том, что помнит многое... Очень многое... Помнит, как Зырянов подтянул свой загоревшийся «Дуглас» с ранеными до места посадки — самого его вытащили с обожженными руками, простреленной шеей.

Помнит, как Зырянов первым шагнул из строя и заявил генералу, что совесть не позволяет ему лететь с новой группой десантников вторым рейсом. Прямо сказал, что, возможно, из-за шпионской умелой работы первая группа сброшенных сразу же попала в кольцо неприятеля.

Генерал понял так, что это его обвиняют чуть ли не в шпионаже, а главное, не исполняют приказ.

Хорошо, что он, Климов, тогда комиссар дивизии, снесся со Ставкой. Спасли людей, а Василия — от штрафного батальона.

Напомнить бы ему все это. Крикнуть, что все, потом засорившее его жизнь,— пустяки, дрянь, мелочь! Что он и здесь сумел сделать немало хорошего!

Лицо с плотно прикрытыми веками бесстрастно желтело на подушке.

Климов схватил папиросу, поглубже затянулся. Стало немного легче.

Что же ему-то делать? Сидеть здесь, покуривать, а может, попивать молочко с пирожком и ждать, когда этого не чужого ему человека не станет?

Немыслимо! Особенно если ты привык действенно относиться к жизни.

Еще раз — по знакомой уже аллейке — к серому кубу. Спросить профессора, предложить, если что надо... Только что же надо?! Возможно, теперь уже ничего.

Георгий Николаевич распахнул окно. Запахло березовым листом, черемухой, ивняком, рекой, травой, дымком, влажной землей — всем тем, чем пахнет прохладный весенний вечер. Где-то в кустах, как бы усиливая влажность трав, листвы, земли, то поднимался, то замирал голос соловья. Потухала заря.

Сразу же у окна возникла округлая фигурка — не требуется ли чего товарищу Климову?

Георгий Николаевич узнал кого-то из местных работников.

— Нет, ничего. Как там?

Жолудев любил выражаться научно:

— Диагностика тяжелая, при осложненности кровопотери, сердечные функции с перебоями...

— В себя не приходил?

— До вашего приезда, товарищ Климов, незначительный отрезок времени, затем прострация...

Климов вышел. Заметил, что на почтительном расстоянии за ним следует все та же округлая фигурка.

Приостановившись, посоветовал пойти отдохнуть. День, наверное, был и у него тяжелым. Завхоз исчез, хотя, возможно, снова затаился где-нибудь за кустами.

А вокруг, даже в сумерках почти зримо, зацветало, распускалось, поднималось... Неужто в такое-то время человеку пришел конец?!

В клубе было по-прежнему. Бесстрастная голова еще глубже ушла в подушку, и лишь в горле иногда как бы клокотало.

Зажгли электричество, прикрыв предварительно лампу чем-то синим.

— Профессор ушел немного передохнуть,— пояснила медсестра.

Климов вышел, и потаенная весенняя жизнь снова охватила его.

В сумерках он прямо шарахнулся от какой-то затейливо безобразной клумбы. Из битого кирпича она, что ли? И стекло какое-то поблескивает?..

Вернулся к изолятору. Надо подождать профессора. Чтобы... Что?

Забрался поглубже, где кусты, лишь бы не нашли ни служители, ни эта... энергичная...

Обнаружил скамеечку — хотел сесть и вдруг увидел: поджав ноги, лежит на ней чья-то маленькая, детская, что ли, фигурка. Всмотрелся — и на него глянули большие испуганные глаза.

— Товарищ Климов, простите... я не буду! Что не буду? И почему эта девочка его знает? Он спросил об этом.

— Вы же, товарищ Климов, у нас на открытии клуба были.

Пугливо одергивая платье, села и оказалась красивой и совсем не малорослой девушкой.

— Вам же холодно? Не знаю, как вас звать?

— Раисой.

Смутно вспомнилось что-то... Спросил, почему она здесь.

Хотел было набросить ей на плечи свой пиджак, но испуганные протесты его остановили. Не без труда выяснил, что отсюда она не уйдет, что хочет находиться поблизости (Климов не уточнил), к тому же комнатка у нее вместе с Губановой, а той приказано ее не пускать.

— Какая Губанова?

— Завпрачечной. Мы с ней вместе живем.

— Вы тоже в прачечной работаете?

— Нет. Я помповара... У Жолудевой Катерины Семеновны.

— Не понимаю. Как же вас могли «не пустить» на ночевку?!

Георгий Николаевич неожиданно почувствовал, что его задела за живое покорная бесприютность этой девушки.

Возможно, еще потому, что весь ее детский облик напомнил ему дочь Лену.

— Меня сняли с должности.

Климов про себя улыбнулся: «должности».

— Как это сняли? Местком-то у вас имеется? Разве можно так...

Рая опустила голову. Видно, ей было нелегко.

— Я прогул сделала...

— Разобраться надо было: как, почему прогул? Простите, может, лезу не в свое дело? У вас была уважительная причина?

Девушка ниже опустила голову.

— Захворали? Или что-нибудь другое?

Климов допытывался, уже немного сердясь,— подобная безропотность всегда огорчала его в людях.

Наконец, еле слышно Рая как бы выдохнула:

— Другое...

— Что же?

— Самовольно отлучилась.

— Куда же?

— В Москву.

— В рабочий день?

Рая кивнула.

— И часто вы так делали?

Ладошки как бы оттолкнули тяжкое обвинение.

— Разве это можно?! Я в первый раз, товарищ Климов... по случаю.

— По какому случаю?

Ответ сбивчивый, торопливый неожиданно привел Климова к тому, что его глубоко волновало. Рая сказала, что выполнила волю — может, и последнюю! — «товарища Зырянова»...

— Какую волю?

— Захотел проститься с одной...— Было заметно, как мучительно Рая подыскивала слова: — ...гражданкой.

— Разве нельзя было заранее отпроситься у этой... Жолудевой, а еще лучше у самой заведующей?..— начал было Климов и оборвал.

Сложная картина во всех ее потаенных взаимосвязях, со всей ее путаницей и, конечно, мукой внезапно предстала перед ним. Он уже знал, что по этой светленькой девочке проехались тяжелым фельетонным катком, и, кто знает, все ли было там ложно?

Понял и ненависть к ней Лакриной. Яснее стало, в какой же Василий попал переплет!

Климов про себя употребил именно это пошловатое словцо — его простота, расхожесть, казалось, слегка притупили и внутреннюю тревогу и боль.

Хорошо. Допустим, главные слагаемые найдены. Подобный переплет мог, конечно, привести Зырянова в состояние... растерянности, что ли? Душевной несобранности. Вот отсюда и...

Девушка, как видно, по-своему истолковала его молчание. Снова умоляюще взметнулись ладошки.

Стала говорить, что ничего плохого у нее с Василием Андреевичем не было, просто он поручал ей роли хорошие — Луизу или Катю-партизанку, так это... он во многих талант искал, и в Мазилове, Мишке, и в Полинке, и еще в...

Не договорив, Рая заплакала.

Георгию Николаевичу захотелось погладить ее по голове, но он приучил себя к сдержанности. Подавлял излишнюю, как ему казалось, чувствительность.

— Хватит, Рая! Плюньте вы с высокого дерева на всех сплетников и шептунов!

Простая мысль, что он может предоставить девушке ночлег в отведенной ему комнате с пушистым одеялом, озарила его.

К его предложению Рая отнеслась с ужасом, всплеснула ладошками.

— Господи! Да что же тогда-то про меня говорить начнут! Да еще и вас-то, товарищ Климов, приплетут!

Георгий Николаевич было возмутился. Но тут же с какой-то усталой трезвостью понял, что девушка права.

Да, права, несмотря на все его спокойные и вразумительные наставления.

— Ну хорошо. Давайте я тогда вас к этой Гу...

— Губановой.

— ...к Губановой ночевать отведу.

Климов выжидал, когда девушка поднимется со скамейки, пойдет за ним. Она не двинулась.

— Что же вы, Рая? — всмотрелся он в ее в сумерках уже едва различимое лицо. И ему показалось, что ответила не эта заплаканная девочка с наивными своими, обороняющими что-то ладошками, а кто-то другой. Совсем другой.

— Ночь-то сейчас короткая. А мне, как я поняла, здесь даже ближе будет. Может, в чем пособить понадоблюсь. Вы-то пойдите, отдохните, товарищ Климов! У вас ведь какая нагрузка! — Последнее звучало крепким мужественным ободрением.

Он удивленно всмотрелся еще: да, такая не уйдет.

— А где же та... гражданка, что вы привезли?

В голосе Раи он не уловил ни злобы, ни неприязни.

— У мамы в Зуевке заночевала. Измучилась, бедная.

Климов медленно пошел по аллейке. Рая теперь не казалась ему бедной.

И тут же в нем родилось твердое решение и самому переждать здесь столько, сколько это будет нужно.

Продолжение следует.

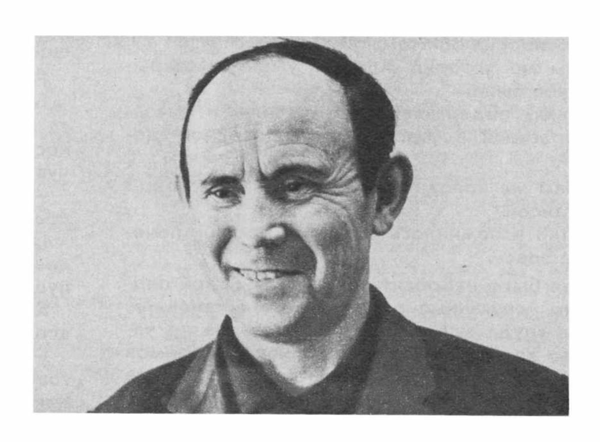
В эти дни торжественно отмечается знаменательная дата в истории монгольского и советского народов — 30-летие разгрома японских империалистов на реке Халхин-Гол летом 1939 года.

Для участия в празднике в Улан-Батор из Советского Союза прибыли военная делегация и делегация писателей, журналистов. Среди гостей — ветераны боев.

ХАЛХИНГОЛЬСКИЙ СОЛДАТ

Петр Ерошкин. 1939 год.

Петр Ерошкин. 1969 год.

Часы неумолимо отсчитывают время — тридцать лет прошло с тех пор, шутка сказать, тридцать лет отделяют нас от событий на реке Халхин-Гол! Младенцы 1939 года рождения стали за это время отцами семейств, молодые люди — пожилыми, взрослые — стариками. Кто теперь вспоминает имена воинственных японских генералов, таких, как Араки, Мацумура, Камацубара, стремившихся ворваться в социалистическую Монголию, а оттуда начать марш к Чите и Байкалу?! Кто теперь знает о существовании государства Маньчжоу-Го, «свободного и счастливого», как его аттестовали японцы? Вряд ли кто помнит такую личность, как «император» Маньчжоу-Го господин Пу-И, отпрыск богдыханской фамилии, ныне, впрочем, нашедший покровительство «самого, самого красного солнышка великого кормчего» Мао...

Но мы, советские люди, не имеем права забывать о Халхин-Голе. На фронте, от озера Буир-Нур почти до границ пустыни Гоби, четыре месяца бушевали жестокие бои. Здесь обильно лилась кровь советских и монгольских воинов, днем и ночью вспыхивали яростные рукопашные схватки, ревели тысячи орудий, танки и броневики вздымали песчаные вихри, в воздухе сражались сотни самолетов, сталкиваясь и расходясь, донося до земли рокот пулеметов и лай пушек.

К 30 августа 6-я японская армия генерала Камацубары была полностью разгромлена. Солдаты из маньчжурской бригады сдались, неся плакат: «Мы не японские собаки». Поле заключительного боя представляло собой разительную картину, вызывавшую желание крикнуть: вот она, воинская победа! Искореженные орудия, сгоревшие грузовые и легковые машины, груды брошенных винтовок, осколки снарядов и бомб, покрывавшие все вокруг, растерзанное обмундирование, несметное количество бумаги: штабные документы, дневники солдат, ведомости, рапорты. Захваченного исправного оружия было столько, что им можно было вооружить целый корпус.

Весь мир узнал, что́ сто́ит Красная Армия, какая это грозная сила! На Халхин-Голе советский солдат проявил свой характер, те качества, которые так ярко сказались в годы Великой Отечественной войны.

Хоть и прошло много лет, но из памяти моей не ушли великолепные люди, бойцы и командиры — халхингольцы, с которыми мне приходилось встречаться, дружить, рассказывать о них в газетах.

* * *

Среди этих славных ребят мне почему-то особенно приятен был красноармеец Петр Ерошкин, боец воздушнодесантной бригады. Было в нем в ту пору нечто совершенно мальчишеское, детское и озорное, какое бывает у деревенских ребятишек, любящих подраться, залезть в соседский сад, надерзить тетке или бабке. Обмундирование сидело на нем неуклюже, каска надвигалась на самые уши, был он мал ростом, казался неловким, нерасторопным. Словом, был он из тех солдат, которых бравые старшины прямым ходом определяют на хозяйственные работы или уж в крайнем случае во взвод боепитания, подальше от начальства, любящего выправку. Вот и Ерошкин оказался во взводе боепитания; подноси, браток, патроны, гранаты, консервы, галеты, воду, шевелись быстрей!

Но Ерошкин только с виду был неуклюжим: неброская внешность скрывала врожденную ловкость, находчивость, умение примениться к местности и ту сноровистость, которая вырабатывается в крестьянском парнишке, умеющем все делать в хозяйстве.

И случилось же так, что Ерошкин и его товарищи из взвода боепитания оказались в гуще боя: японцы короткими перебежками неожиданно подобрались с тыла, имея намерение окружить штаб батальона.

Ерошкин рассказывал: «Мы уже видели их лица, вот японцы — совсем рядом. Переглянулись мы — мало нас: взвод боепитания с командиром Сахно, да еще писарь батальона Топыркин, да трое связных от рот, четыре телефониста, замполитрука Данилов, инструктор политотдела Жижин, вот и все. Тут наш Сахно громко скомандовал: «В атаку, ур-а-а-а!»

Мы все разом крикнули «За Родину, за Сталина!» — поднялись и рванулись в бой с гранатами и винтовками наперевес... Японцы замялись, стали топтаться на месте. Только один офицер с тремя звездочками продолжал кричать «банзай». И размахивал руками — звал за собой. Наше «ура» заглушало все вокруг. Я не слыхал ни выстрелов, ни свиста пуль. Было одно желание — скорее добраться до врага».

В этом бою маленький Ерошкин поднял на штык японского офицера, того самого, что с тремя звездочками, отбил удар, предназначавшийся политруку Жижину, заколол нескольких японских солдат — вертелся, как вьюн, ловко уклоняясь от вражеских наскоков. Штык его винтовки погнулся, приклад дал трещину.

Японцы — солдаты храбрые, хорошо обученные — не выдержали рукопашной схватки, попятились, показали спины. Ерошкин под градом пуль побежал за патронами, принес их, приволок на плащ-палатке целый ящик гранат, перевязал нескольких раненых товарищей...

Тут грянуло «ура» с левого фланга, бегом подошло подкрепление, и японцы быстро очистили поле боя.

На Петра Ерошкина все смотрели с удивлением...

— Ай да малыш! Ай да Ерошкин-Крошкин! Да ты, брат, лихой! Кто бы мог подумать?!

За храбрость и мужество Петр Ерошкин был награжден орденом Красного Знамени.

Как же это произошло? Откуда у него взялась такая сила? Можно, конечно, искать корни в исконной русской удали, которая запечатлена в старой солдатской поговорке «или грудь в крестах, или голова в кустах». Можно, и это будет справедливо.

Петр Ерошкин был комсомолец, воспитанный коммунистами; его, деревенского паренька, сироту из самарского села Убейкино, Советская власть обучила грамоте, поставила на ноги, открыла глаза на жизнь, и жизнь, которую он защищал, была для него светлой и ясной. Отправляясь на фронт, он положил в карман своей гимнастерки записку: «Ежели меня убьют, прошу меня считать кандидатом партии, так как я коммунистом был, есть и остаюсь навсегда».

Вот здесь и видишь истоки той храбрости, смелости, отваги, настойчивости, упорства, какие проявил красноармеец Петр Ерошкин в бою. Он защищал себя, Родину, жизнь, Советскую власть.

В ту пору было Ерошкину двадцать один год от роду. После боя его приняли в кандидаты партии.

...Видел я Ерошкина на Халхин-Голе, беседовал с ним, сидя в каком-то вырытом бомбой котловане, очень он мне запомнился — сообразительный, толковый парень, но кампания окончилась, и я совершенно потерял его из виду.

Надвинулись события еще более грозные, прогремела финская война, началась Отечественная, и Халхин-Гол отступил назад и с каждым годом отступал все больше, удаляясь в туманную дымку. Многих из халхингольцев я встречал на фронтах Отечественной войны, но о Петре Ерошкине мне никто не мог сказать ни слова,— затерялся солдат, и я думал, что уж навсегда.

Несколько месяцев тому назад мне довелось написать в «Огоньке», в номере, посвященном Монгольской республике, воспоминание о Халхин-Голе. В этой корреспонденции я не мог не упомянуть Петра Ерошкина. О нем было сказано всего несколько строк, припоминался мне он уже смутно — скорее как некий собирательный образ, чем живой человек. И в дни Отечественной войны я не раз вспоминал Петра Ерошкина, жив ли он?..

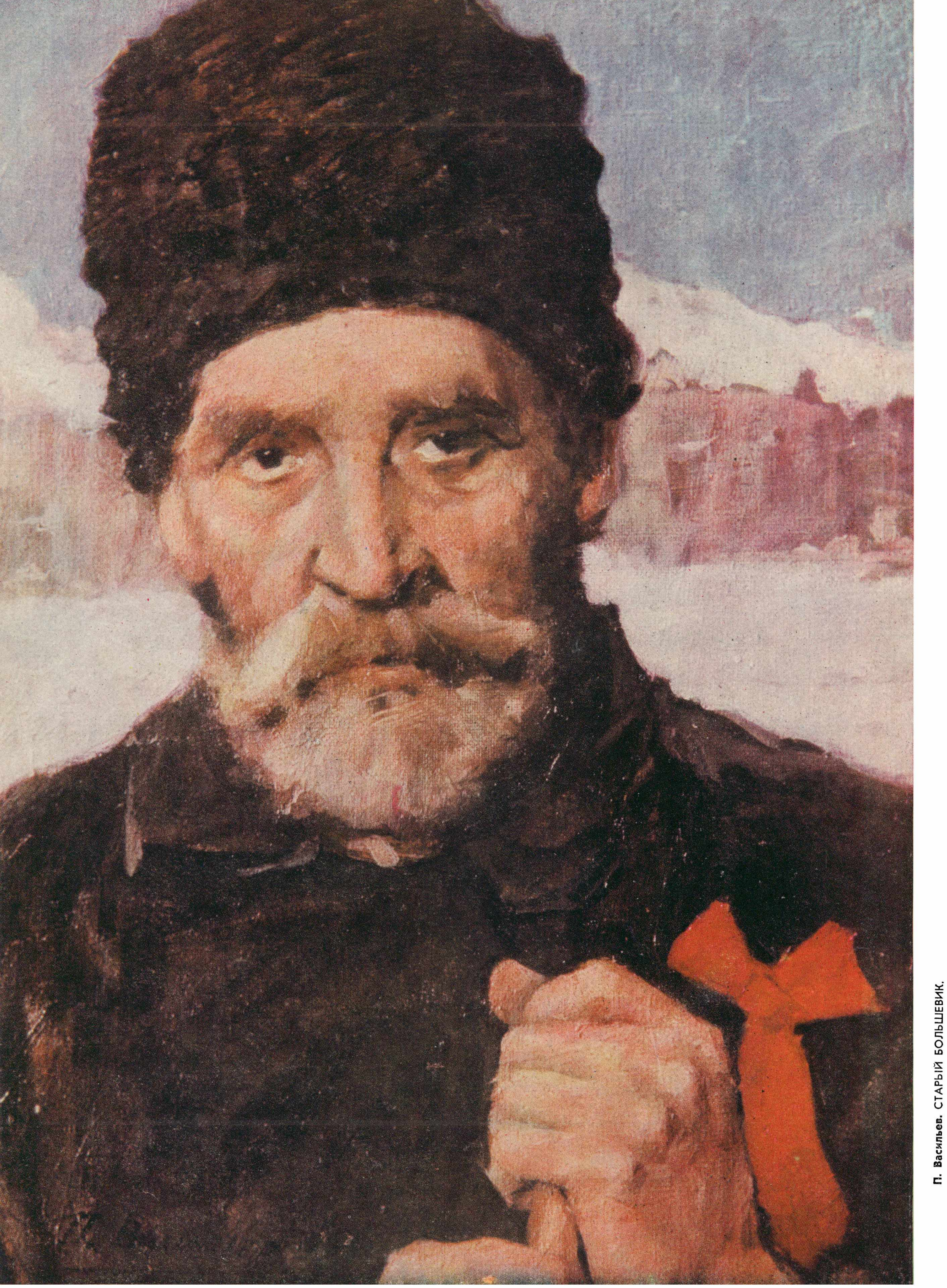
* * *

Но отыскался Ерошкин! Вот его письмо, полученное мною вскоре после опубликования статьи «Халхин-Гол»: «Товарищу Николаю Кружкову от участника на реке Халхин-Голе Ерошкина П. Н. Товарищ Кружков! Я прочитал в журнале «Огонек», в № 43, я очень признателен к вам, вы вспомнили, что прошло почти 30 лет на реке Халхин-Гол. Я живу в городе Москве, улица Яблочкова, дом 29, квартира 47. Длительное время я находился в госпиталях после контузии авиационной бомбой на реке Халхин-Гол, только 28 марта 1941 года выписался из госпиталя. В 1942 году я участвовал в Великой Отечественной войне под Ржевом, село Погорелое Городище, имею медали. Если сможете, то приезжайте ко мне в гости на Новый, 1969-й год. С приветом к вам, участник Халхин-Гола — П. Ерошкин. Работаю в магазине подарков ГУМа, улица Горького, дом 4, часовым мастером».

Мы встретились. Меня беспокоила единственная мысль — узнаю ли

П. Васильев. В. И. ЛЕНИН С КРАСНОГВАРДЕЙЦАМИ.

П. Васильев. СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК.

я его, сохранилось ли в пожилом человеке, которому уже пошел шестой десяток, что-нибудь от прежнего Ерошкина, красноармейца, комсомольца, молодого парня? Иногда мне мерещилось даже, что и не было никакого Ерошкина, что он пригрезился мне, но нет, были передо мной вырезки из газет «Героическая красноармейская», «Тревога», «Правда», в них я в свое время рассказывал о Петре Ерошкине, буквы уже действительно выцвели, текст еле читался, но писал я, точно — я, ошибки быть не может, значит, и Ерошкин был на самом деле.

Разговор вначале не клеился. Мы с любопытством осматривали друг друга со всех сторон. Ведь передо мной стоял не боец Ерошкин, а солидный, почтенный часовой мастер Петр Николаевич Ерошкин. Единственное, что осталось в нем прежним, это бойкий взгляд, хоть глаза и были в кольце морщинок, да расторопный поволжский говорок, ну и, конечно, ростом, как и смолоду, был он невелик.

— И я вас не очень бы узнал,— сказал он,— были вы тогда молодым, худым, а теперь...

— Не вдавайтесь в подробности, Петр Николаевич,— заметил я,— ведь тридцать лет прошло, да каких лет!

— Я уже дедушка!— рассмеялся Петр Ерошкин.— Внук у меня растет, Сашка, замечательный мальчишка.

И рассказал мне Ерошкин, халхингольский солдат, обо всем, что с ним произошло после нашей встречи в далекой Монголии. И о том, как тяжело контузила его вражеская бомба («вот, поди ты, из рукопашного боя вышел живой, а тут такая незадача»), как долго лечили его лучшие военные профессора и врачи, как он наконец поправился, уехал в санаторий, а потом вскорости и женился («жена у меня хорошая, Анной Алексеевной зовут, живем с ней уже почти тридцать лет, душа в душу»), как в 1942 году снова пошел на войну, воевал под Ржевом («нет, до офицера не дослужился, опять там был подносчиком патронов, солдатом, медали, правда, имею»), только долго повоевать не довелось: демобилизовали в 1943 году по чистой («контузия, она сказывалась»). Ну, а потом поселился в Москве, обучили его, демобилизованного солдата, тихому ремеслу, и с тех пор он часовой мастер. Двух дочек вырастил, Татьяну и Валентину, замуж выдал, внука дождался, теперь очередь за внучкой; живет, в общем, в достатке, в новом, хорошем доме, жаль, комната маловата, а то бы совсем все было хорошо...

В 1942 году приняли его из кандидатов в члены партии, теперь уж и стаж немалый — двадцать семь лет! Все пошло с той записки, какую положил в карман перед боями на Халхин-Голе,— если убьют, прошу меня считать коммунистом.

Негромкой жизнью живет халхингольский солдат, честно делает свое мирное дело в сознании, что свой солдатский долг выполнил он тоже честно, как полагается русскому, советскому человеку.

Мы долго, до самого вечера, беседовали с Ерошкиным, вспоминали далекие годы, бескрайние монгольские степи, крутые песчаные барханы, с которых ветер сдувал струи песка, надменных орлов, бродивших по дорогам, подобно никам ворóнам, яростные монгольские грозы, от которых раскалывается черное небо, необыкновенные закаты, полные чудовищных красок. Вспоминали общих знакомых. Петр Николаевич с теплой улыбкой говорил о своих солдатских халхингольских друзьях, о храбром комвзводе Сахно, о политруке Жижине, о писаре Топыркине, где они сейчас, живы, нет ли...

Далекое, давно ушедшее, становилось близким.

* * *

С той поры мы часто встречаемся с Петром Николаевичем Ерошкиным, приятно с ним встречаться, хороший он человек. Теперь он часовой мастер, тонко понимает свое дело и всегда деловито спрашивает, так, между прочим:

— Действуют ли ваши часики? А то, ежели что, я мигом.

Но часы действуют, исправно показывая стремительно бегущее время.

И это Петра Николаевича, кажется, несколько огорчает.

Ник. КРУЖКОВ

РАЗГРОМ НА ВЫСОТЕ «КАМЕННАЯ»

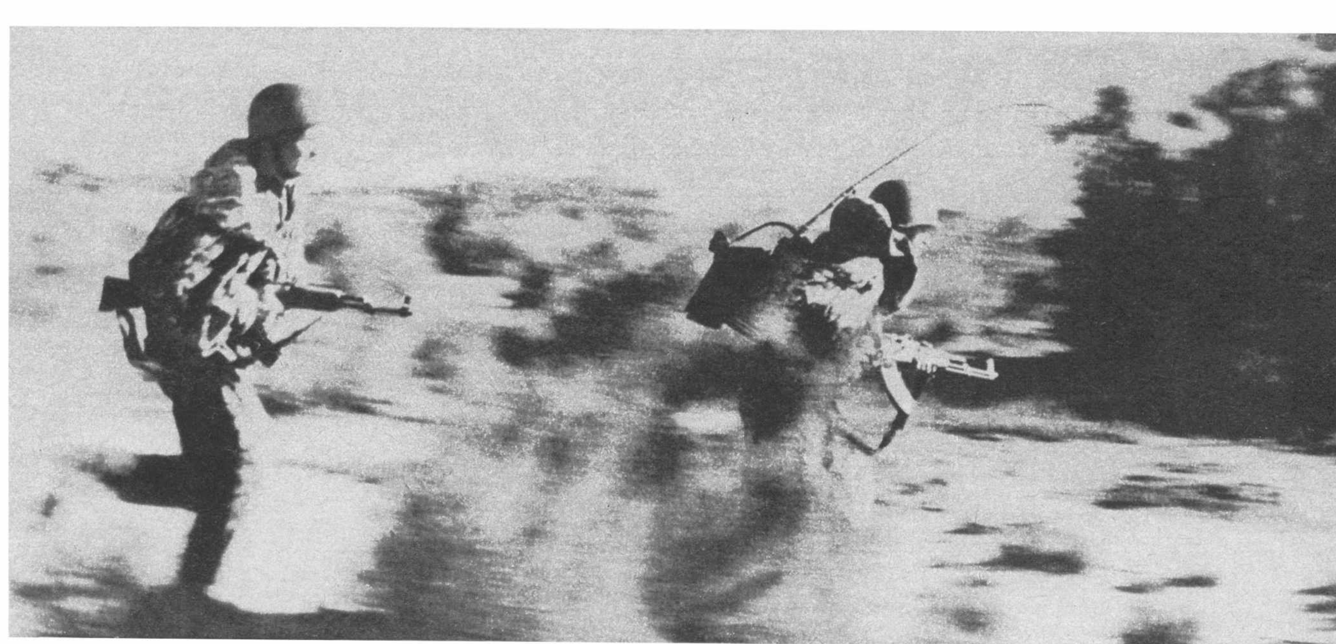

ГЕРОИ БОЯ ЗА ВЫСОТУ «КАМЕННАЯ».

Капитан П. Теребенков, младший лейтенант В. Пучков, подполковник П. Никитенко. Он руководил боем.

В атаку на высоту «Каменная».

Степь, ровная, без бугорка, упирается в пожелтевшие сопки, которые грядой идут вдоль советско-китайской границы. В ясный летний день сопки окутаны голубой дымкой. Тишина и покой. Лишь легкий ветерок играет в саксауле да гнет пожухлую траву. Не верится, что здесь, в этом царстве тишины, совсем недавно шел жаркий бой.

Но так было. Китайская военщина избрала этот дальний участок нашей границы местом для своей очередной провокации против советских пограничников. Накануне маоисты подогнали к так называемым Джунгарским воротам воинские подразделения и на рассвете 13 августа нарушили государственную границу СССР. Они заняли несколько высот, в том числе высоту «Каменная».

Провокаторы, вероятно, рассчитывали взять реванш за поражение, которое они потерпели от советских пограничников на острове Даманском в марте этого года.

Но и на этот раз провокация была сорвана и провокаторы были биты. Советские пограничники, несущие здесь службу, своевременно обнаружили скопление маоистов возле границы. Как только сержант М. Дулепов, находившийся в дозоре, доложил о том, что китайские солдаты появились на высоте «Каменная», была объявлена боевая тревога. К месту нарушения границы поспешили пограничники заставы лейтенанта Е. Говора, бойцы офицера В. Пучкова. Руководство боевыми действиями взял на себя подполковник П. Никитенко.

Советские пограничники пытались избежать кровопролития. Они обратились к китайским солдатам с требованием покинуть советскую территорию. На это предложение провокаторы ответили огнем. Нашим солдатам ничего не оставалось делать, как выбросить маоистов со священной советской земли...

Бой продолжался недолго — один час и пять минут. Но он был трудным и ожесточенным. Дело в том, что нашим солдатам пришлось наступать на высоту по открытой местности. Тем не менее окопавшиеся на «Каменной» маоисты не могли долго продержаться. Боевой порыв советских воинов был неудержим. Они показали себя отважными и мужественными защитниками Родины, для которых безопасность ее границ превыше всего.

Называть героев боя у Джунгарских ворот — значит перечислить всех его участников. Все они достойны друг друга. Но сами герои называют имена капитана П. Теребенкова, младшего лейтенанта В. Пучкова, водителя бронетранспортера В. Пищулева. Во время атаки они были ранены, но не покинули строя, продолжали бить маоистов до их полного изгнания с советской земли. Бронетранспортер, которым командовал Пучков и который вел Пищулев, обошел налетчиков с тыла и своим огнем сковал их действия, обеспечив успех атаки. Группа капитана Теребенкова первой ворвалась в расположение противника. Офицер во время атаки шел впереди, увлекая за собой солдат.

Так же, как и провокация маоистов на Даманском, авантюра у Джунгарских ворот не принесла ее организаторам и вдохновителям из Пекина ни славы, ни политического капитала. Провокаторы получили по заслугам.

Редакция журнала «Пограничник», коллективный корреспондент «Огонька».

Фото В. Смирнова.

Е. СУРКОВ

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

В журнале «Театр» напечатана большая рецензия С. Великовского на постановку мольеровского «Тартюфа» в Театре на Таганке[1].

Рецензия эта примечательна тем, что открыто, под звон торжественных литавр, объявляет принцип «шиворот-навыворот» наиболее плодотворным в обращении с классикой, да и сама тоже построена по тому же самому принципу.

В свое время была очень популярна изящная ироническая песенка о «прекрасной маркизе», у которой всегда все «было хорошо»... «за исключением пустяка». Одна за другой обрушивались на голову «прекрасной маркизы» неудачи и беды, но бодрый рефрен неизменно спешил успокоить нас сообщением, что все по-прежнему остается превосходным, хотя и... «за исключением пустяка».

Совсем так, как это делает автор рецензии на любимовскую постановку «Тартюфа». Если верить этой рецензии, то все, решительно все хорошо и даже блистательно в этом спектакле, правда... за исключением пустяка. Что же это за пустяк? О нем мы узнаем буквально в самом последнем абзаце обширной рецензии С. Великовского: оказывается, не удалась театру самая малость — характеры Тартюфа и Оргона. Так, прочитав пять с половиной страниц текста, который, кажется, весело пританцовывает каждой своей строчкой, подчиняясь напору радостного энтузиазма критика, мы вдруг натыкаемся на лаконичную констатацию: «Из посягательства на замшело-почтенные твердыни привычек мольеровский «Тартюф» все же не вышел, да и вряд ли мог выйти, без потерь. И весьма досадных. Среди них, увы, отчасти сам Тартюф (В. Соболев), в большей мере Оргон, который беспрерывно суетится между ширмочек, так и не найдя своего лица и своего места».

Хороши «досадные потери»! Не находит ли С. Великовский, что, признав утерю в «Тартюфе»... Тартюфа и Оргона, он высказал истину, которая его, как критика, ко многому обязывала? Ведь если бы он руководствовался не логикой, воспетой автором веселой песенки о «пустяках», преследующих «прекрасную маркизу», а той обычной логикой, какой и сам прежде пользовался в своих многочисленных и нередко весьма интересных статьях по современной французской литературе, то ему непременно пришло бы на ум, что восхищаться «Тартюфом» без Тартюфа и Оргона просто **невозможно**. Что это логический нонсенс. Такой же, какой возник бы в статье критика, вздумавшего поднять на щит постановку, предположим, «Ревизора», где все было бы хорошо за исключением... Городничего и Хлестакова, или, если вернуться к Мольеру, спектакль «Дон Жуан» без Дон Жуана и Сганареля.

Ведь если то, что было средоточием главного интереса для самого писателя, осталось за рамками спектакля, то в этом случае серьезный критик просто не мог, произнеся «а», не сказать «б»: невозможно же, констатировав «потерю» в главном, не признать тем самым неудачу всей сценической постановки, всей сценической концепции, как бы ни были хороши в ней те или иные частности, находки, придумки.

Если, конечно, критика не толкали на явное и очевидное пренебрежение логикой какие-либо особые и по-своему весьма веские основания.

Признаем сразу же: такие основания у С. Великовского были. Ему нравится «Тартюф» без Тартюфа потому, что нравится (нравится заранее, так сказать, предпосылочно) мольеровский спектакль... без Мольера. Или, как изящно выражается критик, привлекает то «желание быть неослепленным почтенным классиком», при котором сценический эффект, смех зрителей будут возбуждать «не столько сама, с детства до мелочей памятная история происков ханжи по имени Тартюф, сколько вольное до неучтивости театрализованное иносказание о мольеровском «Тартюфе».

Итак, не «Тартюф», а **иносказание** о «Тартюфе» — вот цель исканий.

Программа, намеченная в этом лаконичном высказывании, столь обширна и столь недвусмысленна, что нам хочется сохранить максимальную учтивость по отношению к С. Великовскому и признать, что его рецензия — это нечто несравненно большее, чем просто отзыв об одном из спектаклей прошедшего московского сезона. Нет, это еще и прокламация определенного подхода к классике вообще, при котором главной целью становится программирование «иносказаний» как **метода** прочтения старых пьес, а результатом, к которому должно стремиться, объявляется... «перебрасывание занятных мостиков через три века».

Какими должны быть эти мостики и во имя чего их следует наводить, мы узнаем немного позже. Пока же отметим, что программная часть статьи С. Великовского «застрахована» целой системой весьма разветвленных рассуждений о стилевой природе драматургии Мольера вообще и «Тартюфа» в частности. Восхищаясь умением Ю. Любимова окунуть зрителей в «мельтешащее озорство», «чудесить и отчебучивать когда и где удобно», С. Великовский не только сам демонстрирует завидное, хотя и несколько «мельтешащее» умение «отчебучивать» когда и что угодно в просторных долинах русского языка, но и, как заметил, наверное, читатель, настойчиво выдвигает концепцию **своего** Мольера.

Согласно этой концепции, «Мольер, точно древний бог Янус, один свой лик доброжелательно (?!) обращал к прошлому, другой — провидчески к будущему». А так как в описанной позиции трудно увидеть какое-то ведущее, определяющее начало, то бедняге Мольеру, как уныло констатирует автор статьи, «при сложившемся положении скорее всего не уготовано другого удела, нежели весьма лихие, с крайностями и перехлестами, приключения на театральном поприще нашего века, перемежаемые, правда, заходами в тихие заводи попросту скучноватой почтительности».

С. Великовский, если не ошибаемся, своей статьей о «Тартюфе» на Таганке, со всеми ее крайностями и перехлестами, впервые «перемежает» привычные для него заходы в тихие заводи академического литературоведения выходом в бурные просторы театральной критики. Его пессимизм относительно удела, уготованного Мольеру на театральном поприще нашего века, объясняется поэтому скорее всего просто недостаточной ориентированностью в фактах сценической истории хотя бы последнего пятидесятилетия. И жаль, что редакция журнала «Театр», которая как раз в этом пункте могла бы помочь своему новому автору, не удосужилась напомнить ему, что кроме «крайностей и перехлестов», с одной стороны, и «тихих заводей скучноватой почтительности» — с другой, летопись мольеровских постановок знает и такие аутентичные примеры постижения диалектической сложности и противоречивости стиля великого комедиографа, как постановки Станиславского, Вилара, Мейера, Планшона, и ряда других менее прославленных режиссеров.

Альтернатива, выдвинутая С. Великовским, выдвинута поэтому им самим, а не живым опытом театра.

Да и самого С. Великовского, думается, эта альтернатива занимает ровно постольку, поскольку она позволяет ему возвести в ранг принципиально важных открытий как раз самые слабые стороны спектакля на Таганке. По С. Великовскому получается так, что Мольера можно ставить либо скучно, следуя всем обветшалым канонам, либо лихо и с перехлестами. Третий же путь — путь серьезного углубления в созданные автором «Мизантропа» и «Тартюфа» характеры, разумеется, при точном и чутком учете художественной природы применявшихся Мольером приемов особой, только его эпохе присущей системы условностей и т. п.,— исключается. Но это, право же, несерьезно. Так же, как несерьезно и последовательно проведенное критиком стирание граней между тем же «Тартюфом» с его гениальными открытиями в области «человековедения» и мольеровскими комедиями — балетами, фарсами, пародиями вроде «Амфитриона» и т. п. С. Великовскому стереть эти границы необходимо, чтобы воспеть творческую независимость режиссера, который, как кажется критику, до того «не скован, не закабален добрым старым комедиографом», что почти «бросает вызов... вот возьму — да и прокручу «Тартюфа» вовсе без слов!»

Что ж, небрежение мольеровским словом, чрезмерная переакцентировка внимания с диалога на жест, движение, пантомиму в спектакле Ю. Любимова действительно заметны. Об этой тенденции, как о серьезном просчете, говорилось и в нашей рецензии на спектакль. Но о том, чтобы Любимов собирался «бросить вызов» и «прокрутить» «Тартюфа» вовсе без слов, не было речи ни у друзей, ни у самых строгих критиков спектакля.

Похвалы критика-доброхота поэтому кажутся нам более чем сомнительными. Пожалуй, это как раз тот случай, когда говорят: «Не поздоровится от этаких похвал». Стоит, очень стоит поэтому заступиться за театр там, где похвалы начинают сыпаться на него, как... напалмовые бомбы. И не только ради справедливости, а во имя заботы о будущем театра. В самом деле, было бы очень грустно, если бы, наслушавшись комплиментов вроде только что процитированного, театр им поддался бы и свою воспетую С. Великовским «решимость не подчиняться навязшему в зубах ритуальному обхождению с классикой» усилил бы до полного пренебрежения словом великого писателя. Хотя бы даже и во имя «перебрасывания занятных мостиков» через века и поколения прямо в кипящую за стенами театра современность.

---

[1] Об этом спектакле см: Е. Сурков «А Тартюф?». «Огонек» № 13.

Вот мы и вернулись к этим мостикам, в инструктировании по наведению коих, пожалуй, и состоит «сверхзадача» статьи С. Великовского.

В одном он прав несомненно: каноны опасно и глупо смешивать с традицией, сила же всякой художественной традиции проверяется прежде всего тем, сколько новых возможностей в ней раскрывает каждое новое поколение, каждое новое прочтение старой пьесы. Вопрос состоит поэтому не в том, надо ли, можно ли вскрывать в классической пьесе какие-то новые аспекты, так как именно для того, чтобы прочесть «Отелло» или «Чайку» в свете сегодняшнего социального опыта, снова и снова обращаются к ним режиссеры и артисты, а в том, каковы те новые аспекты, которые вскрывает театр, **что** близкого своим современникам усмотрел он в еще с детских лет всем нам знакомой пьесе.

Проблема состоит, таким образом, не в том, можно ли по-новому читать старые пьесы, так как читать их по-старому и бессмысленно и часто просто невозможно. А в том, чтобы это новое прочтение действительно корреспондировало бы наиболее передовым, идейно зрелым, перспективным настроениям и интересам, зреющим в обществе. Так, как это было, скажем, при новом прочтении «Горячего сердца» Станиславским, «Доходного места» Мейерхольдом, «Гамлета» Охлопковым, «Маскарада» Завадским.

Тогда что же нового внес в наш художественный опыт «Тартюф» Ю. Любимова? В чем та новизна решений, которой так радуется в своей статье С. Великовский?

Она заключена, оказывается, в двух тенденциях, старательно подчеркнутых и высветленных критиком.

Прежде всего — в разрыве с «мемориальным просветительством», в подчеркивании и целеустремленном выдвижении на первый план приемов «фарсового лицедейства», даже в превращении спектакля в эдакую «заразительную фарсовую катавасию», когда в сатирическую и горькую комедию Мольера безудержно врываются «возня и звонкие оплеухи, ползание на четвереньках и хождение колесом, клоунские выходки и уморительные гримасы, гусиный шаг, шлепки по заднице, раздевание прилюдно».

У С. Великовского есть и теоретическое обоснование для этих пристрастий режиссера к приемам, ведущим свое начало от ярмарочного балагана и карнавальных игр средневековья. Он считает, что театр был прав, выпятив в стилистике Мольера те черты, которые действительно связывали ее с предшествующей сценической традицией. Но забывает при этом отметить, что эта традиция по-разному проявлялась в комедиях Мольера с различной стилевой и жанровой доминантой. А ведь одно дело — «Лекарь поневоле», «Ревность Барбулье» или прелестные по-своему комедии-балеты — и «Тартюф» или «Дон Жуан». В одних случаях тот набор приемов сценической выразительности, который с таким увлечением рекомендует ученый критик, и впрямь может быть признан более или менее достаточным; в других же их, этих приемов, мало, ибо если они в определенной дозировке и входят в стилевую структуру «Скупого» или «Тартюфа», то суть в этих пьесах все же не в них, а в глубоком и целеустремленном **исследовании** социально-этических проблем, типов, вот уже три столетия не потерявших своей магической власти над умами, в скорбном и гневном (хотя и под пестро разрисованной, веселой комической маской!) раздумье о природе зла, олицетворенном в центральных персонажах этих комедий.

Недаром, буквально захлебнувшись от восторга перед умением режиссера (приходится повторить этот стилистический перл автора статьи) «чудесить и отчебучивать когда и где удобно», С. Великовский затем все же припоминает, с какого рода комедией он имеет дело, и, лучше поздно, чем никогда, оговаривается: «Так вот с маху, в лоб «Тартюфа» на балаганный лад не переиграешь», что «есть в нем не очень-то поддающиеся этому фигуры вроде Эльмиры или рассудительного Клеанта, не говоря уже об орешках покрепче — Оргоне, самом Тартюфе».

Совершенно справедливое, хотя, повторяем, в контексте данной статьи и несколько запоздалое наблюдение! Настолько справедливое и бесспорное, что остается непонятным, как это С. Великовский не смог извлечь из него всех само собой напрашивающихся выводов. Ведь если попытке «переиграть на балаганный лад» «Тартюфа» не поддаются такие орешки, как Эльмира, Оргон и сам Тартюф, то это означает только одно: что для «Тартюфа» подобное «переигрывание на балаганный лад» вообще художественно противопоказано. Что здесь надо было пользоваться инструментарием несоизмеримо более тонким и аналитически точным. Иначе... Иначе спектакль о Тартюфе и Оргоне неизбежно должен был превратиться в торжество «мельтешащего озорства», при одной, правда, решающей потере: при потере самих героев комедии. Что, как мы помним, с мужеством, но в полном противоречии со всем внутренним строем и ладом своей статьи признал в последнем ее абзаце и сам С. Великовский.

Впрочем, проявив прилюдно такую разительную беззаботность по части связывания концов с концами, С. Великовский имел про запас еще одну идею, в которой, собственно, и заключен истинный пафос его статьи.

Новизна спектакля Ю. Любимова видится ему не только в опрокидывании «Тартюфа» в стилевую стихию, из которой эта комедия вырывается, тем самым открыв перед французским театром действительно новые, предшествующей эпохе незнакомые художественные возможности, но и в том, что критик лукаво именует «кратеньким уроком занимательного театроведческого ликбеза».

Речь идет, конечно, о том режиссерском переосмыслении комедии, согласно которому «Тартюф» используется как «театрализованное иносказание о «Тартюфе», или, вернее, как иносказание о мытарствах, пережитых автором при попытке поставить комедию. В этих «иносказаниях» — и тут к нему очень стоит прислушаться — С. Великовский видит **основной** резон любимовского спектакля. Недаром он приветствует режиссера за то, что тот догадался воспользоваться «Тартюфом» для критики уже самого Мольера. Напомнив о компромиссном финале пьесы, С. Великовский с пафосом восклицает: «Так, однако, не бывает, точнее, бывает лишь в книжках и на театре, если автор либо порядочный подхалим, либо ловкач, спасающий свое создание толикой лести».

Итак, порядочный подхалим либо ловкач — вот те дефиниции, которые отныне следует ставить в энциклопедических словарях после имени Мольера. И как, главное, грозно и решительно сказано! Честное слово, пожалуй, со времен самого Репетилова мы не встречались с такой «раскованностью» и свободой в обращении с героями былых сражений и битв за духовное освобождение человечества. Прочитав такое, невольно думаешь: а ведь, по-видимому, С. Великовский и самого себя имел в виду, когда взахлеб хвалил режиссера за его «желание быть неослепленным» старым комедиографом, за его экстремистское стремление покруче «переворошить культурный гербарий».

Во имя чего? А во имя того, чтобы «вольное до неучтивости театрализованное иносказание о мольеровском «Тартюфе» лучше, вернее поспособствовало бы «перебрасыванию занятных мостиков через три века». И помогло переключению внимания с самой комедии на историю ее постановки. Ведь тот «кратенький урок занимательного театроведческого ликбеза», в который, согласно цитированному уже определению критика, превратил свой спектакль Ю. Любимов, вместив в него и рассказ о мытарствах Мольера при дворе Людовика XIV, был нужен, как, услужливо ставя все точки над «и», разъясняет С. Великовский, для того, чтобы зрители поняли: «театр имеет дело не с неким озарением творящего по наитию гения, а с результатом утряски и мучительной подгонки к придирчивым пожеланиям опекунов-душителей, которые при «короле-солнце» строжайше покровительствовали бумагомарателям и лицедеям, смеяться же разрешали с оглядкой».

И зрители понимают этот умысел театра. Но только они понимают и другое: что ради этого умысла театр шиворот-навыворот вывернул великую комедию. И потерял ее немеркнущие под пылью веков ценности: великой горечью и болью рожденного лицемера Тартюфа и все еще взывающего к чувству нашей бдительности, трагически беззащитного в своей комической доверчивости Оргона.

Право, Мольер стоил большего, чем те поверхностные «аллюзии», на которых построил свой спектакль Ю. Любимов. Он не открыл в его комедии то вечно живое и сегодня какими-то новыми гранями сверкающее ядро, в котором заключена гневно будоражащая наше сознание мысль Мольера, а просто вульгарно «осовременил» пьесу — и ее замысел и ее стилистику. И именно потому, несмотря на отдельные блестящие удачи, в свое время обозначенные нами и еще ярче оттененные в статье С. Великовского, в главном потерпел неудачу, всю тяжесть которой — неожиданно для себя! — так выразительно подтвердил своими неосторожными похвалами критик из журнала «Театр».

Недаром, начав с громогласной здравицы режиссеру, он неожиданно кончает весьма унылыми, «заупокойными» мотивами. Признав, что в «Тартюфе» Ю. Любимов «потерял» не больше не меньше, как Оргона и самого Тартюфа, критик раздраженно замечает: «У Театра на Таганке это восхождение от дерзости манер к дерзаниям ума несколько затянулось». А затем сетует на «некоторую вялость аналитической мысли», присущую работам театра, вплоть до лучшей из них — до спектакля «Десять дней, которые потрясли мир».

С. Великовский поэтому только верно следует этой своей, увы, несколько запоздалой констатации, когда «под занавес» признает, что и в «Тартюфе» режиссер и актеры «гораздо охотнее скользят по броским частностям, чем зарываются вглубь», и что «их шутовское лицедейство слишком уж часто и резко расходится со словами, которые они (актеры.— **Е. С.**) произносят и которые пробуждают в памяти XX века скорее горечь и гнев».

Все это безупречно верно. И если чем и озадачивает, то только той вопиющей несогласованностью с «одической» настроенностью всей статьи, которая в двух завершающих абзацах так же беспощадно вывертывается «шиворот-навыворот», как это произошло на Таганке с самой комедией Мольера.

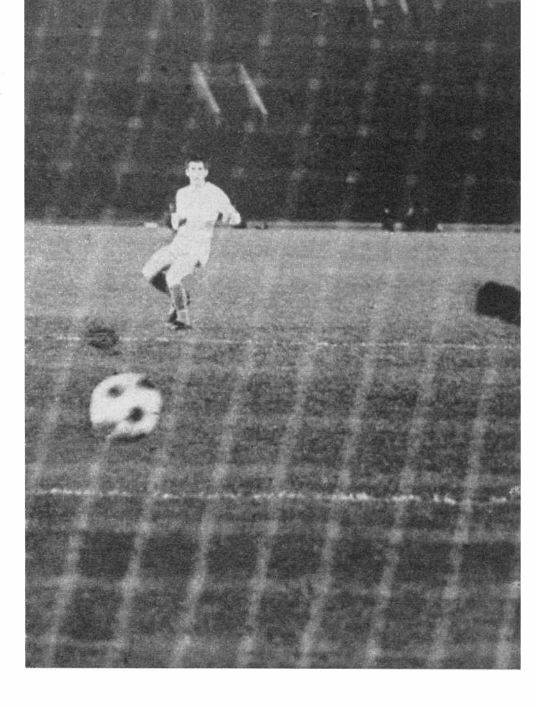
Только если у критика это «шиворот-навыворот» явилось следствием необъяснимых капризов ума и слишком уж прихотливого обращения с законами логики, то у Ю. Любимова (и это единственная поправка, которую мы хотели бы внести в два последних абзаца статьи С. Великовского) оно вовсе не явилось данью некоей затянувшейся инфантильности. И проблема, стоящая перед театром, состоит поэтому отнюдь не в том, чтобы, как думает критик, перейти от «дерзости манер к дерзаниям ума», а в том, чтобы верно определить точку приложения творческих дерзаний, определить их направленность. Ведь беда того же «Тартюфа» отнюдь не в инфантильности подростка, который, «дерзя старшим... на свой лад выражает потребность — на первых порах смутную, но завтра плодотворную — в выходе к очередным духовным рубежам», а в том, что в этом спектакле не те рубежи манили театр, что не туда, вполне сознательно и целеустремленно, была направлена его «дерзающая мысль».

Вот почему в заключение нам хочется взять под защиту Ю. Любимова от его слишком уж резкими скачками продвигающегося в своих рассуждениях апологета. В самом деле, все мы отлично понимаем, что главный режиссер Театра на Таганке — человек талантливый — давно уж не подросток. И что не в «дерзости манер» смысл того, что он делает на театре. И если его зовут на страницах журнала «Театр» смелее переходить от «дерзости манер» к «дерзаниям ума», то мы, со своей стороны, хотим сказать, что к таким призывам следует относиться по-взрослому: осмотрительно и трезво. Ведь, следуя этим путем, можно проиграть не только Мольера, можно проиграть искусство.

Вас зовут дерзать? Дерзайте! Без дерзаний искусства нет. Но только спокойно и трезво разберитесь при этом, какое содержание будет постигнуто и раскрыто в дерзающих спектаклях вашего театра.

Сергей КРУЖКОВ

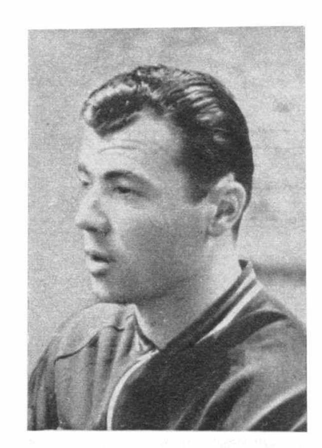
Фото Л. БОРОДУЛИНА.

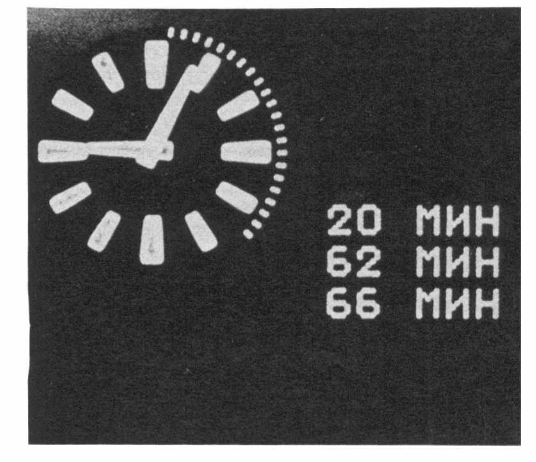
НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ФУТБОЛ

Тренер «Карпат» Эрнест Юст.

Тренер СКА Геннадий Матвеев.

Зачем лукавить? Когда стало известно имя первого финалиста Кубка СССР, многие махнули рукой. «Карпаты»? Ну и ну! До чего докатились! Команда второй лиги претендует на высший приз. Впрочем, какая разница? Что бы изменилось, если бы в финал вышла не львовская команда, а николаевская? Чем «Судостроитель» лучше «Карпат»? Так или иначе, а имя девятого обладателя Кубка угадать нетрудно: или ЦСКА, или СКА. В зависимости от того, кто из этих двух известных команд первой лиги выиграет полуфинальную встречу. И, конечно, у столичных армейцев шансов больше, ведь их ростовские партнеры как-никак еще никогда не выступали в кубковом полуфинале...

Теперь мы знаем, как ошибались футбольные пессимисты. Ростовчане взяли верх над своими знаменитыми партнерами. В финал вышли не одна, а две команды, ни разу не игравшие в матче столь высокого уровня. Но кто мог предполагать, что сюрпризы на этом не кончатся, что львовские футболисты не только завоюют Кубок, но и покажут всем, что значит настоящий, темпераментный, волевой футбол.

Впрочем, могу успокоить тех, кто не смог предвидеть ожидавшей их сенсации. Даже тренеры двух команд-финалистов, с которыми мне удалось побеседовать до матча, многое не смогли предвидеть.

Перед ответственной игрой тренеры предпочитают не встречаться с представителями прессы, но должен отметить, что и Геннадий Матвеев (СКА) и Эрнест Юст («Карпаты») приняли корреспондента «Огонька» и откровенно поделились с ним своими мыслями. Я задавал одному и другому одинаковые вопросы. И после того, как в моем блокноте были записаны ответы, оказалось, что тренеры во многом по-разному представляют себе финальный матч. Впрочем, судите сами.

— Что вы знаете о своем сопернике?

Г. МАТВЕЕВ. С «Карпатами» я познакомился в прошлом году в Сочи и еще тогда считал, что эта команда готова к выступлению в высшей лиге. Мое мнение подтвердилось. «Карпаты», созданные всего шесть лет назад, выиграли соревнование в своей подгруппе и вошли в финальную пульку. Там они считались наиболее вероятными претендентами на выход в первый эшелон. Но... неудачная игра с «Судостроителем», а затем ничья с «Уралмашем», и путевку в высшую лигу получили свердловские футболисты.

Э. ЮСТ. Ростовский СКА — достаточно авторитетная команда. Ведь она добивалась второго места на чемпионате страны, но в нынешнем составе ростовчан мы знаем мало. Ведь большинство линий в команде создано заново. Однако те несколько игр, которые мне удалось наблюдать, говорят о том, что команда крепнет на глазах.

— Какие линии вы считаете сильнейшими у себя и у соперников?

Г. МАТВЕЕВ. У нас и у «Карпат» — нападение.

Э. ЮСТ. У ростовчан — полузащита, у нас — нападение.

— А слабейшими?

Г. МАТВЕЕВ. И у нас и у львовян — защита.

Э. ЮСТ. У армейцев — защита, у нас — полузащита.

— Как, по-вашему, сложится игра?

Г. МАТВЕЕВ. Думаю, что «Карпаты» с первых же минут пойдут в атаку.

Э. ЮСТ. В начале матча нам придется обороняться. Для нас самое главное — устоять первые двадцать минут.

— Как вы считаете, в какой момент решится судьба матча?

Г. МАТВЕЕВ. В последние пятнадцать минут первого тайма.

Э. ЮСТ. Если мы не проиграем все в начале матча, то, может быть, добьемся успеха в начале второго тайма.

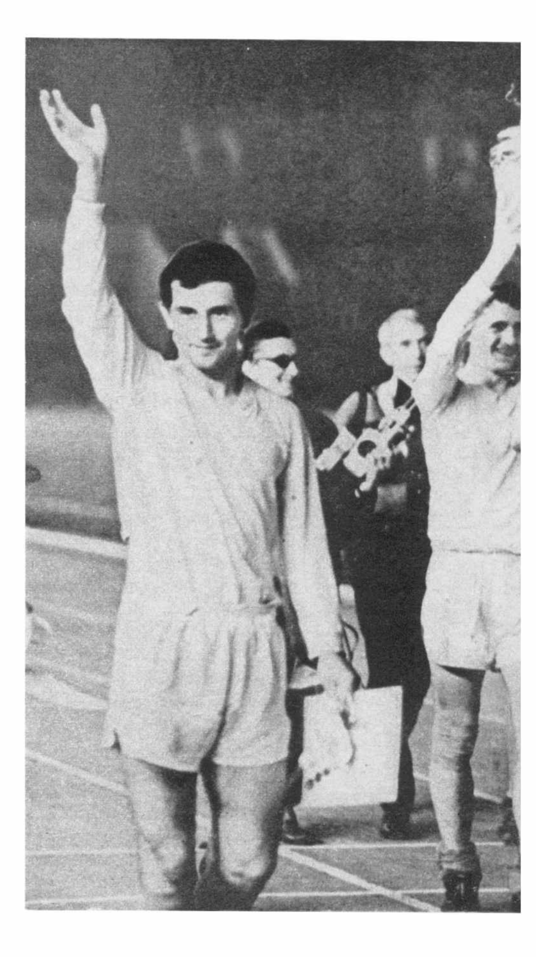
Как видите, тренеры во многом расходились в своих взглядах на предстоящий матч. И когда свисток судьи возвестил о начале финального поединка, когда взволнованно загудели трибуны, я стал не только следить за игрой, но и сравнивать записанные в моем блокноте тренерские прогнозы.

Сперва мне показалось, что оба тренера ошибаются: матч протекал спокойно, и никто из соперников не обострял особенно игры. Но вот на двадцатой минуте ростовский нападающий Анатолий Зинченко забил гол, и я понял, что сбывается худшее опасение Эрнеста Юста. Неужели карпатские футболисты сникнут?

Но, как мы знаем, этого не случилось. Футболисты «Карпат» не дрогнули, преодолели свое волнение и стали забирать бразды правления в свои руки.

Поняли ли, что происходит на поле, ростовчане? По-моему, нет. Во всяком случае, и во втором тайме они не прибавили скорости, а продолжали действовать так, будто Кубок был уже у них в руках. Эту роковую ошибку и использовали футболисты «Карпат». Янош Габовда — центр нападения — показал, как надо играть в центре. Именно с его подачи Геннадий Лихачев и Владимир Булгаков забили два гола в ворота армейцев.

Так осуществились самые невероятные предположения: Кубок СССР уехал во Львов. Победу одержали футболисты второй лиги. Но играли они первоклассно! Девятый обладатель Кубка СССР, команда «Карпаты» доказала, что достойна этого почетного трофея. Теперь мы с неослабевающим интересом будем следить за дальнейшими шагами львовских футболистов. Может быть, мы встретимся с ними в будущем году снова в Москве, на сей раз в матчах на первенство страны? И если это произойдет, никто не удивится. Мы убедились в силе «Карпат», в силе нашего футбольного резерва!

Мяч в воротах ростовских армейцев.

Это уже не прогнозы тренеров, а суровая реальность, зафиксированная на электротабло. Игра сделана.

Кубок СССР по футболу в руках у футболистов «Карпат».

МОСКОВСКИЙ КАМЕРНЫЙ

В музыкальный быт страны давно «вписался» Московский камерный оркестр под управлением Р. Б. Баршая; в этом году он начал отсчет второй тысячи концертов, накопил обширный, многообразный репертуар и без преувеличения завоевал мировое признание. Пресса Франции, Венгрии, Японии, США, Италии, Румынии, Австрии, Бельгии и многих других стран единодушна в своей оценке ансамбля, как одного из лучших в мире.

Диапазон репертуарных интересов оркестра привлекает широкую аудиторию. Постоянное и неизменное внимание, исключительную чуткость проявляет ансамбль к творчеству советских композиторов, а это вызывает к жизни все новые и новые произведения. Многие из них отмечены печатью подлинного новаторства, большой художественной насыщенностью, яркой образностью, необычностью изложения. Они заняли прочное место в числе выдающихся произведений советской музыки. Вот, например, «Музыка для камерного оркестра» Г. Свиридова. Это не симфония в привычном смысле и не концерт, хотя солирующему фортепиано предоставлено весомое слово. Скорее ее можно назвать поэмой, где все подчинено одной цели — рассказать о раздумьях современного человека, его чувствах, переживаниях...

Тщательно и бережно исполненная «Музыка для струнных» Р. Бунина сразу привлекла теплым лиризмом, стремительностью и лаконичностью музыкальных образов, проникнутых солнечными интонациями русской песни.

Впервые прозвучали здесь и 3-я симфония Кара Караева, симфониетты М. Вайнберга, произведения Б. Чайковского, Ю. Левитина, многих других видных советских композиторов. Их музыка нашла в Камерном оркестре подлинных пропагандистов. Сейчас здесь идут репетиции 14-й симфонии Д. Шостаковича.

Немало радостей любителям музыки приносят неустанные поиски оркестра в «глубинах веков». Ансамбль стремится как можно полнее раскрыть творчество редко исполняемых композиторов. Молодая аудитория знакомится с циклами произведений А. Вивальди, Г. Генделя, А. Корелли... Свойственное оркестру широкое дыхание как нельзя более содействует раскрытию глубинной сущности таких произведений.

Все это ансамблю хорошо удается потому, что его художественным интересам чужды манерность, стилевые заблуждения, архаизм, которые часто наблюдаем при исполнении старинной музыки. Правдивость и, если можно так сказать, истинная современность — неотъемлемые и органичные черты творческой сущности коллектива.

Концерт Московского камерного оркестра в Большом зале консерватории.

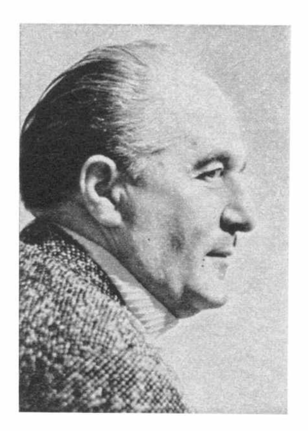
Не удивительно, что В. Моцарт — самый современный из старинных композиторов — занял такое место в репертуаре ансамбля, как ни в одном другом. Оркестр поставил перед собой благородную цель — записать на грампластинки все симфонии Моцарта. В исполнении ансамбля звучат 22 моцартовские симфонии. Пластинки эти получили признание во всем мире.

Интересно, что симфоническое наследие Моцарта постоянно пополняется все новыми и новыми «находками». Уже сейчас насчитывается около шестидесяти «учтенных» симфоний. Недавно оркестр впервые исполнил одно из своих последних «открытий» — симфонию ре мажор.

Совместно с Камерным ансамблем музицируют такие всемирно известные артисты, как Д. Ойстрах, С. Рихтер, Л. Коган, Э. Гилельс, М. Ростропович, Д. Шафран... и каждый концерт становится событием незабываемым!..

В заключение хочется сказать о «заразительности» примера Московского камерного оркестра: в разных городах страны возникают схожие коллективы, становясь настоящими очагами высокой музыкальной культуры.

Б. ВЛАДИМИРСКИЙ

СЛОВО О ДРУГЕ

За мной в землянку пришел дежурный и сказал:

— Тебя вызывает какой-то красивый майор!

Я натянул сапоги и, на ходу затягивая ремень, побежал на КП батареи. Я собрался уже было доложить по форме, но «красивый майор» остановил меня:

— Садитесь: я поэт Цезарь Солодарь, из фронтовой газеты. Прочел ваши стихи. Можно я буду называть вас Юрой?

Я был смущен и обрадован. Смотрел на «красивого майора» и вспоминал стихи, напечатанные в «Правде» в суровые дни октября 41-го года:

Лег тяжелый туман на сады и леса
Подмосковья.
И дорогу укрыл от несмелых осенних
лучей.
Каждый взгляд, каждый дом, каждый куст
провожает с любовью
Батальоны идущих на Западный фронт
москвичей.

И в памяти звучала только что ставшая популярной песенка о грядущей победе с припевом, который и поныне поют бывшие фронтовики: «Или в Омске, или в Томске, или в Туле — все равно».

Старт большинства писателей — газета. И Ц. Солодарь, начав свой путь в газете, до сих пор сохраняет верность ей. Его путь — поэта, драматурга, журналиста, сатирика, сценариста — интересен и значителен. Его фронтовая дорога прошла через две войны, что во все времена было честью для мужчины. Его стихи помогли нам в бою, потому что написаны они были не в тылу, а под огнем. И в партию он вступал во время войны. Сборники стихов «Присяга» и «В наступлении» опалены огнем войны, согреты откровением солдатских сердец. И путь свой военный писатель-коммунист окончил в Берлине, где в День Победы родилась его замечательная песня «Казак в Берлине». А сколько еще песен написано!

Но, пожалуй, самое значительное место в творческой жизни Ц. Солодаря занимает драматургия. Его лучшие пьесы «В сиреневом саду», «Любовь, директор и квартира», «Серебряная свадьба» и многие другие знали настоящий зрительский успех. Они и поныне не сходят со сцены. Мне особенно приятно отметить, что такие интересные пьесы, как «У лесного озера», «Мальчик из Марселя», писатель посвятил юному зрителю.

Сатирическое дарование Ц. Солодаря проявилось и на финской войне, где он был одним из авторов цикла стихотворных рассказов про смекалистого бойца Васю Теркина, и в минувшей войне, когда он в соавторстве с А. Сурковым создавал образ веселого бойца Гриши Танкина. И в наши дни его стихотворные фельетоны не сходят со страниц печати. Следует еще отметить, что Ц. Солодарь относится к тем писателям — болельщикам спорта, которые поддерживают наступательный дух наших спортсменов не только горячими хлопками, но и очерками, рассказами, сценариями.

Цезарю Солодарю исполняется 60 лет, но глаза по-прежнему молоды и над его рабочим столом не смолкает скрип неутомимого пера.

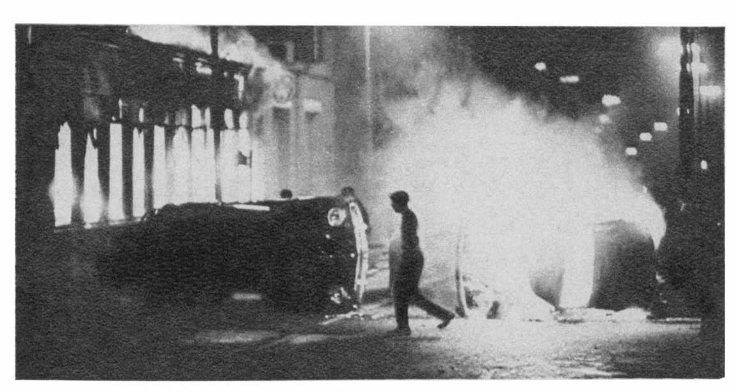
Юрий ЯКОВЛЕВ

ОЛЬСТЕР НА МУШКЕ У АНГЛИЙСКОГО «ТОММИ»

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ ** НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ ТРЕБУЕТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ** УЛИЦЫ БЕЛФАСТА В РУИНАХ ** ПАСТОР ПРИЗЫВАЕТ К НАСИЛИЮ ** ЧТО ТАКОЕ «СИ-ЭС» ** ПОЛОЖЕНИЕ ОСТАЕТСЯ НАПРЯЖЕННЫМ

Полиция против трудящихся.

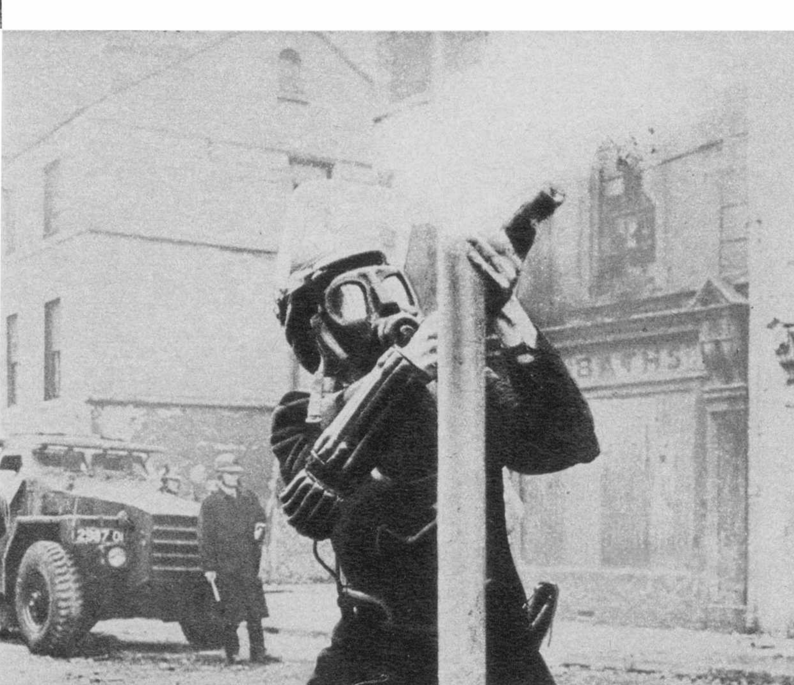

Белфаст в огне.

Английские солдаты в Белфасте.

Фото ЮПИ.

«Си-Эс» применяют и во Вьетнаме.

«Вчера в Белфасте поддерживался образцовый порядок... Считают, что бурные демонстрации теперь закончились и население будет удовлетворено официальным расследованием обстоятельств, при которых на прошлой неделе полиция стреляла в толпу. Джеймс Кайл, машинист, был убит...».

Нет, это не последние известия из Ольстера. Это сообщение было напечатано в газете «Уорчестер эко» 83 года назад, когда в Ирландии была устроена очередная расправа над рабочими. На протяжении десятилетий в Северной Ирландии, этой «внутренней колонии» английского империализма, вспыхивали протесты против системы правления, обрекшей Ольстер на отсталость, на нищету, на дискриминацию части его населения. В августе 1969 года политический кризис поставил Северную Ирландию на грань гражданской войны.

Внешне это выглядит как конфликт между протестантами и католиками Ольстера, причем именно последние оказались там в роли дискриминируемого меньшинства. Но на деле основой августовских событий являются классовые противоречия. Известно, что уровень безработицы в Северной Ирландии в три раза выше, чем в самой Англии, а доходы трудящихся ниже. Известно также, что в этих условиях треть населения — католики — подвергается откровенной дискриминации при приеме на работу, что у католиков неизмеримо худшие жилищные условия.

Противоречия между различными слоями населения Ольстера английский империализм использует в своих целях в духе традиционного принципа «разделяй и властвуй». Свое правление на ирландской земле английские власти основывают на сотрудничестве с крайне правыми силами протестантов. Не случайно до ввода войск полная свобода действий была предоставлена полицейским формированиям «специальные силы — Б», которые вели стрельбу, жгли дома, пытаясь насилием сломить волю ирландцев, борющихся за гражданские права.

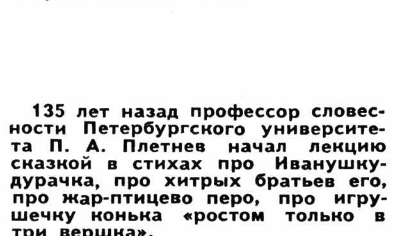
Сейчас многие улицы Белфаста и других городов Северной Ирландии лежат в обгоревших развалинах. По-прежнему стоят баррикады в католических «гетто» городов и около них патрулируют английские солдаты. Положение остается напряженным: политика социальной несправедливости не осуждена и не отменена, и она, как бикфордов шнур, протянута к не излившемуся до конца народному гневу.

Сторонники сохранения прежнего положения надеются, что никаких изменений не произойдет. Фашиствующий священник Ян Пэйсли призывает сохранить «специальные силы — Б». Священнослужитель, возглавивший, как пишет английская левая печать, «вооруженных взломщиков и грабителей», выступает рьяным пропагандистом насилия. Но и этот столп существующего порядка непрочен ныне в бурлящем Ольстере. Вот почему на помощь крайне правым брошено сейчас шесть тысяч английских солдат и продолжается увеличение их численности.

А пока в Северной Ирландии подсчитывают убытки, вызванные августовскими событиями,— говорят, что они превышают два миллиона фунтов стерлингов. Пока в Лондондерри еще дышат остатками ядовитого слезоточивого газа «Си-Эс», которым полиция пыталась разгонять демонстрантов. Этот газ, который используется также американцами во Вьетнаме, скопился в улицах густонаселенных районов, и его концентрация достигла, как сообщают, «угрожающе высокого уровня». И пока полиция и судебные власти Северной Ирландии отказались вести следствие по поводу убийства рабочего Джона Галлахера, павшего от рук головорезов из «специальных сил — Б», как когда-то, 83 года назад, от полицейских пуль погиб Джеймс Кайл.

Александр СЕРБИН

«ПРОТИВ НЕБА — НА ЗЕМЛЕ»

Борис ПРИМЕРОВ

135 лет назад профессор словесности Петербургского университета П. А. Плетнев начал лекцию сказкой в стихах про Иванушку-дурачка, про хитрых братьев его, про жар-птицево перо, про игрушечку конька «ростом только в три вершка».

«Библиотека для чтения» считает долгом встретить с должностными почестями и принять на своих страницах такой превосходный поэтический опыт, как «Конек-Горбунок» г. Ершова, юного сибиряка, который еще доканчивает образование в здешнем университете»,— так было написано в предисловии к первой публикации сказки. Вся тогдашняя Россия, от Пушкина до простого русского крестьянина, приняла ее как что-то свое, бесконечно близкое и родное. Семь прижизненных изданий — не красноречивое ли доказательство этого! И сейчас, уже в другом веке, мы повторяем: «Что за чудо! Что за сказка!» Неоглядное, просторное слово живет здесь, поет во все соловьиное горло и не дает покоя глазам и сердцу твоему. Нет, не погибнут, не иссякнут силы народные, сотворившие подобное. Читаешь — как родниковую воду пьешь. И каждый раз, закрывая книгу, спрашиваешь себя: откуда взялся этот неистощимый свет жизни, способный на такой духовный подвиг? И находишь один только ответ: той силою, какой творился язык народа, образовалась и эта сказка. И та дерзкая, необузданная сила пронесет ее, вечно молодую, сквозь все времена.

...Я буду помнить до последнего часа тот шестой год моей жизни, когда вслед за отцом впервые повторял:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба — на земле
Жил старик в одном селе.

Так я познакомился с «Коньком-Горбунком». Но имя автора я узнал только впоследствии. Я узнал, что Петр Павлович Ершов родился в 1815 году близ г. Ишима, Тобольской губернии, что, помимо «Конька-Горбунка», написал несколько десятков превосходных стихотворений (некоторые из них стали народными песнями). Ему принадлежит оперное либретто «Страшный меч». Он был близок с композитором Алябьевым, встречался с Пушкиным, Жуковским; с отличием окончил Петербургский университет, был директором Тобольской гимназии и дирекции училищ губернии и скончался 30 августа 1869 года. В детстве «Конька-Горбунка» с биографией автора у нас дома не было, да и сейчас, честно говоря, я безуспешно пытаюсь достать такую книгу. Наша критика словно забыла это имя. И составители недавно вышедшего в издательстве «Детская литература» четырехтомника «Русские поэты» — тоже.

Истинно народные творения живут вне хронологических границ и нередко без имени автора. Так было со «Словом о полку Игореве» и с «Задонщиной», так стало и с удивительной сказкой Ершова. Наш русский человек почувствовал здесь не только себя, но и национальные корни — духовную основу всякого народа. Прочитайте еще раз сказку — и по тому, как говорят герои, как живут они, какие песни поют, вы увидите, что перед вами русская песня — «Ходил молодец на Пресню», русская земля — «земля Землянская», а не какая-то далекая, неизвестная страна. И небо-то наше, и «небесная светлица» — хоть высока, но доступна нашему всемогущему Ивану; и терем-то «с теремами, будто город с деревнями, а на тереме из звезд — православный русский крест».

А посмотрите, как здесь, да и вообще во всех русских сказках, чувствует народ свое превосходство, разговаривая с царем или, скажем, попом, боярином, и как в конце концов Иванушка-дурачок становится царевичем. Отчего это происходит? Да ведь за ним, Иванушкой, встает вся природа, все вокруг помогает ему в беде, а главное — он сам честен.

И, может быть, это основное его достоинство перед всеми... За это он получает верного друга — конька-горбунка, неказистого, неприметного рядом с золотогривыми красавцами, но который, как Иванушка, все может, все понимает. И вдвоем они совершают чудеса...

Русский народ, принявший эту сказку, принял в ней все — и слово и ее глубоко национальный русский дух. Вся ткань, вся образная система близка нашему народу. Язык — живой, разговорный, пересыпан частушками, пословицами, прибаутками.

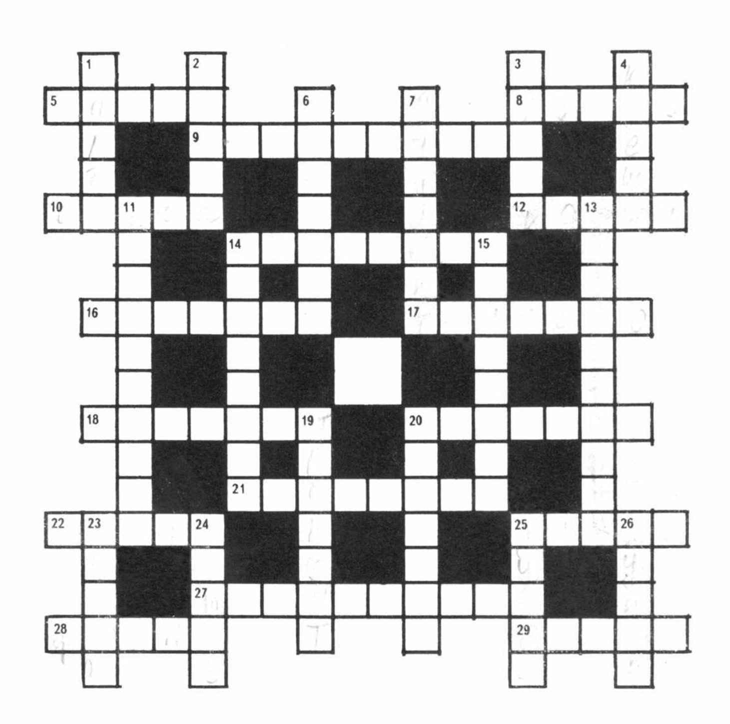
Только с высоты великого художественного реалистического таланта можно было написать:

Эко диво! эко диво!
Наше царство хоть красиво —
Говорит коньку Иван
Средь лазоревых полян,—
А как с небом-то сравнится,
Так под стельку не годится.
Что земля-то!.. ведь она
И черна-то и грязна;
Здесь земля-то голубая,
А уж светлая какая!..

Вот она, вековечная мечта человека, чтобы не было на земле ни «содому, ни давежа, ни погрому и чтобы никой урод не обманывал народ», мечта о светлой, чистой жизни.

Воспитание детей и взрослых словом живым, мыслью живой — вот непреходящее значение этой гениальной книги.

14 июля 1856 года Ершов писал друзьям: «Конек мой снова поскакал по всему русскому царству. Счастливый путь! Заслышав тому уже 22 года похвалу себе от таких людей, как Пушкин, Жуковский и Плетнев и проскакав в это время во всю долготу и широту Русской земли, он очень мало думает о нападках господствующей школы и тешит люд честной, старых и малых, сидней и бывалых, и будет тешить их, пока русское слово будет находить отголосок в русской душе!» Эти слова лучше всего, наверное, и заключат наш сегодняшний разговор еще об одном чуде русского национального гения.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский зодчий XVI века. 8. Музыкальный инструмент. 9. Приморский курорт в Краснодарском крае. 10. Коробка подшипника вагона. 12. Печь с открытой топкой. 14. Порт на тихоокеанском побережье. 16. Народный поэт Дагестана. 17. Овсяная мука. 18. Совокупность оборудования верхней палубы корабля. 20. Областной центр в РСФСР. 21. Самый крупный удав. 22. Момент запуска ракеты. 25. Персонаж рассказа М. Горького «Старуха Изергиль». 27. Советский авиаконструктор. 28. Животный мир. 29. Пионерский лагерь в Крыму.

По вертикали: 1. Город в Эстонской ССР. 2. Порода собак. 3. Денежная единица некоторых стран. 4. Металлические щипцы. 6. Русский флотоводец. 7. Местное наречие, говор. 11. Экс-чемпион мира по шахматам. 13. Аппарат для записи и воспроизведения звуков. 14. Незамкнутая кривая. 15. Французский живописец. 19. Доставка багажа без перегрузок на промежуточных пунктах. 20. Река в Африке. 23. Количество экземпляров печатного издания. 24. Драгоценный камень. 25. Предмет мебельного гарнитура. 26. Автор романа «Последний из могикан».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 4. Лобачевский. 6. Брынза. 7. Ложа. 10. Соло. 11. Ниас. 12. Курск. 13. Брюсов. 15. Кессон. 16. Виньетка. 17. Автограф. 19. Палуба. 21. Компот. 23. Ларек. 25. Киву. 26. Скиф. 27. Репс. 28. Десант. 29. Красноводск.

По вертикали: 1. Парник. 2. Бетатрон. 3. Оселок. 5. Координация. 6. Бокс. 8. Анис. 9. Лаборатория. 14. Вятка. 15. Каток. 18. Аэродром. 20. Учур. 22. Мост. 23. Лосось. 24. «Космос».

На первой странице обложки: Народная артистка РСФСР Людмила Зыкина.

Фото Е. Савалова.

На последней странице обложки: В долине Арарата, над стальными путями станции Масис, свили себе гнезда десятки аистиных семейств.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

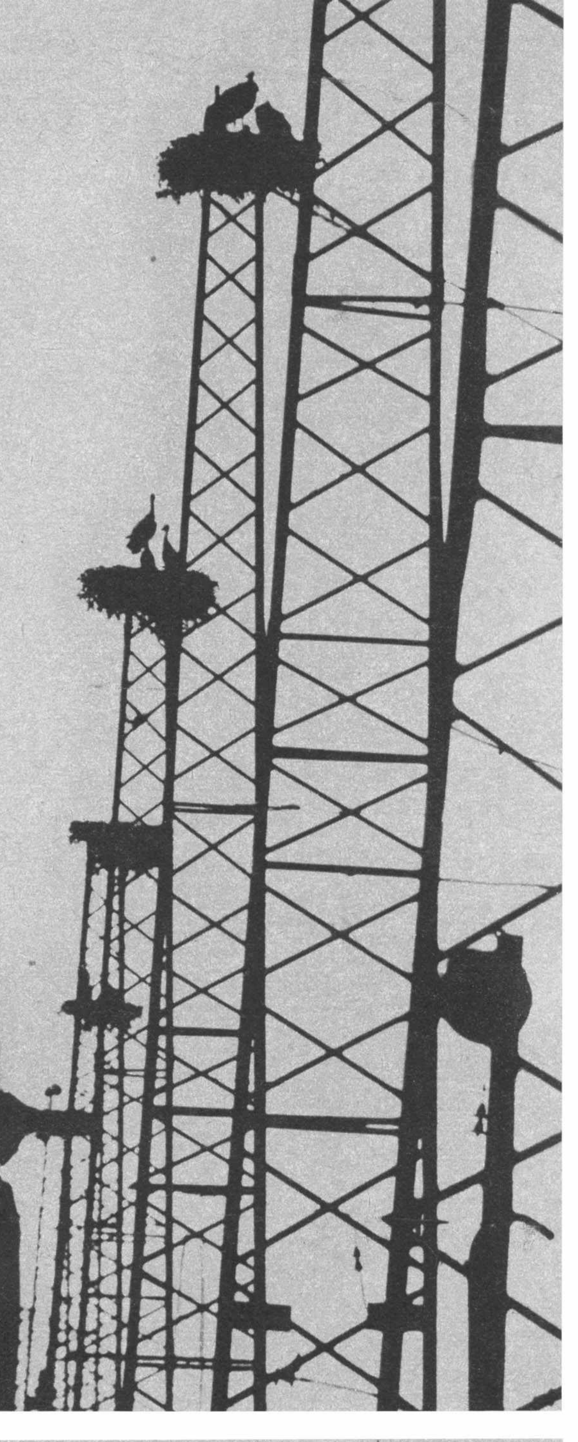
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00387. Сдано в набор 12/VIII 69 г. Подп. к печ. 26/VIII 69 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1666. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2298.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Возвращался молодой аист-холостяк из Африки, с зимовки, парил над Араратской долиной и высматривал себе место для гнезда. И приглянулась ему печная труба на крыше железнодорожной станции Масис. Сел. Понюхал. Не пахнет ли дымом? Нет. Соседние пахнут, а эта — чистая. Значит, сложили люди дымоход, а печь строить раздумали. Аист занял трубу и приступил к строительным работам. Вскоре появилась аистиха.

Было это, как говорят старожилы, лет тридцать пять — сорок назад. Кем пополнялось потом аистиное общество этой станции, трудно сказать. То ли первый приводил с зимовок своих возмужавших детей, а те — своих. То ли пролетали над Масисом такие же «ребята»: «Смотрите, наш сидит!» И подселялись к нему.

Самое первое гнездо на трубе росло и росло. Стены его достигли полутораметровой высоты, бока раздулись неимоверно, так как родители каждый год выстилали заново лоток, а следовательно, и наращивали стены. И однажды, в зимнюю непогоду, гнездо рухнуло на крышу. Что тут было! Со станции вывезли три грузовых машины мусора: сухие сучья, сено, тряпки, перья, обрывки газет и сотни прилепившихся к гиганту воробьиных гнезд.

Сейчас на той трубе — молодое гнездо, молодые родители. И больше на крыше никого. Но на высоких опорах электропередач, на металлических конструкциях, поддерживающих контактные сети электрифицированной трассы, над самыми путями, в лязге железа, стуке, пронзительных свистках и гудках свили себе гнезда десятки аистиных семейств.

Удивительно. Вокруг деревья, и довольно высокие. Есть новые заводские и фабричные корпуса с шикарными крышами — не чета стареньной, станционной. Наконец, памятуя о поверье, что аист приносит счастье, люди идут на всяческие хитрости, только бы привлечь птицу в свой двор: ставят на крышах старые корзины, сломанные колеса — пожалуйста, гнездись! Ни за что! Только железная дорога!

Что ж, если станция Масис не мешает аистам, то и аисты не мешают станции Масис. Это птица полезная (отсюда, наверно, и пошло древнее поверье), поедает грызунов, насекомых, лягушек, змей. Это птица тихая, скромная: не кричит, не поет, только похлопывает половинками клюва, будто аплодирует успешному выполнению плана на станции Масис. Так во всяком случае хочется думать путейцам. Проезжают под аистиным гнездовьем поезда Ереван — Москва, Ереван — Тбилиси, тянутся товарные составы к Севану, к иным местам, отправляются в другие города масисские железобетонные изделия, консервы, продукция картонной фабрики. Все так разрослось, что с этого года появилась необходимость образовать в Масисе районный центр. А когда прилетел первый аист, здесь было глухо, пустынно и болотисто. Казалось бы, снимайся теперь с места, ищи новые кормовые луга. Что тебе в сутолоке людской?

Но аист — птица верная, верная своему однажды облюбованному дому, верная своей паре (потерявший пару — вдовец или вдовица на всю жизнь!), своему родительскому долгу и даже своему графику. Старожилы говорят:

— Восьмое марта — рано. Девятое марта — поздно...

Аисты возвращаются с зимовья в Масис каждый год под занавес Международного женского праздника. Как подарок. Масисские железнодорожные мужчины делают вид, что этот график составлен ими...

И тут же, со следующего дня, начинаются хлопоты вокруг гнезда: ремонт, добыча корма, воды, высиживание яиц и — птенцы.

Дикий июльский солнцепек. Жар нагретых металлических конструкций. Внизу с грохотом проносятся поезда. Аист-отец слетал к водоему, набрал в клюв воды и делает своим младенцам небольшой душ Шарко. Аистиха расправила крылья, загородила птенцов от солнца. Пусть растет здоровое потомство. Им же летать!

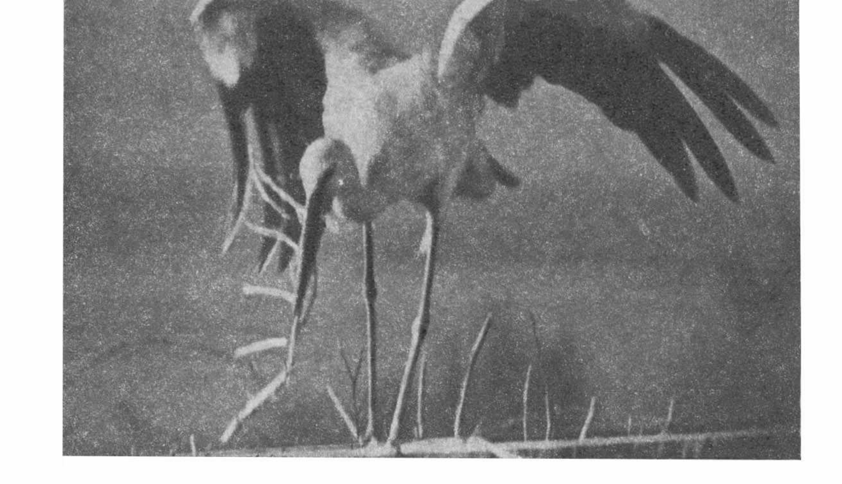

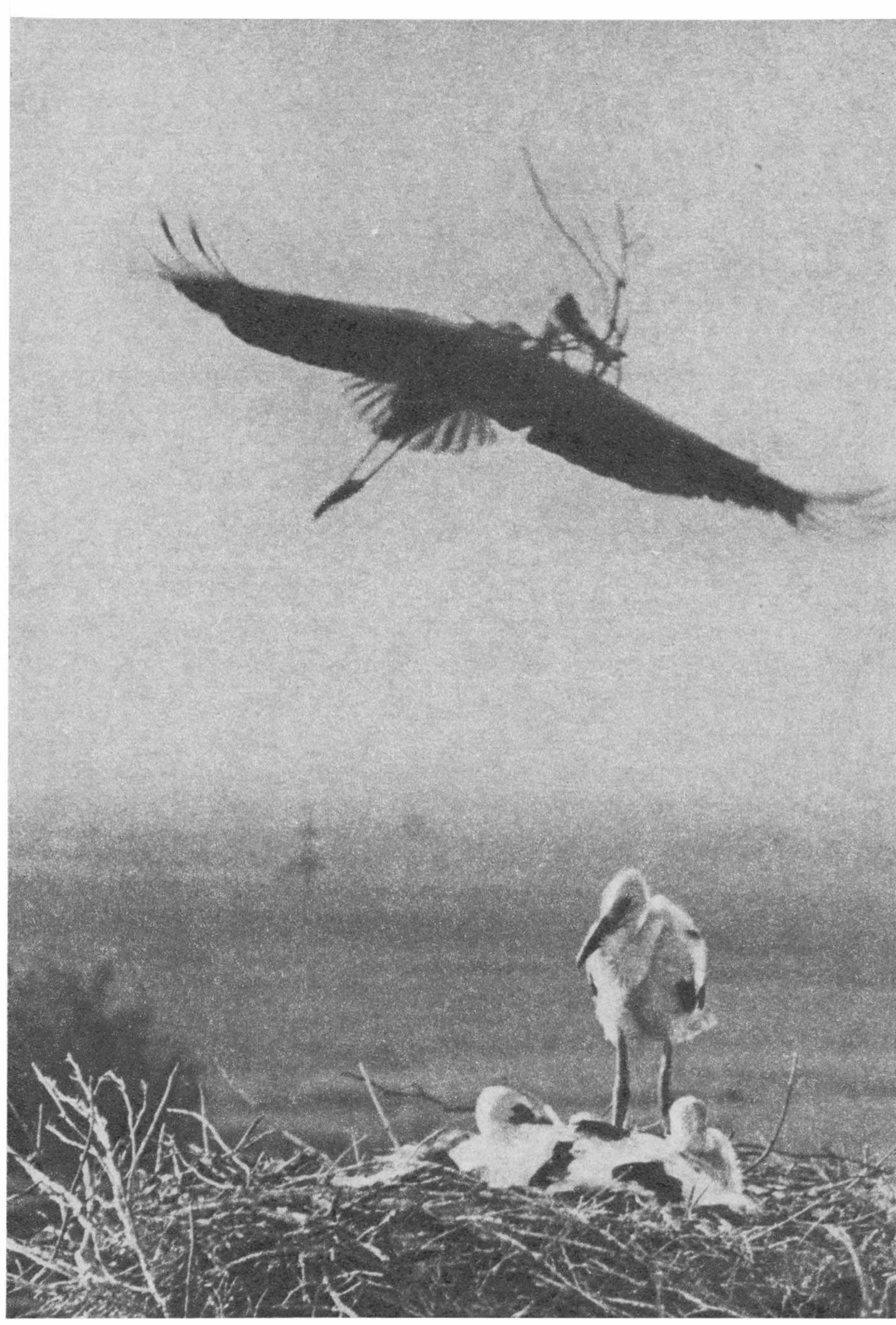
Здравствуй, аист!

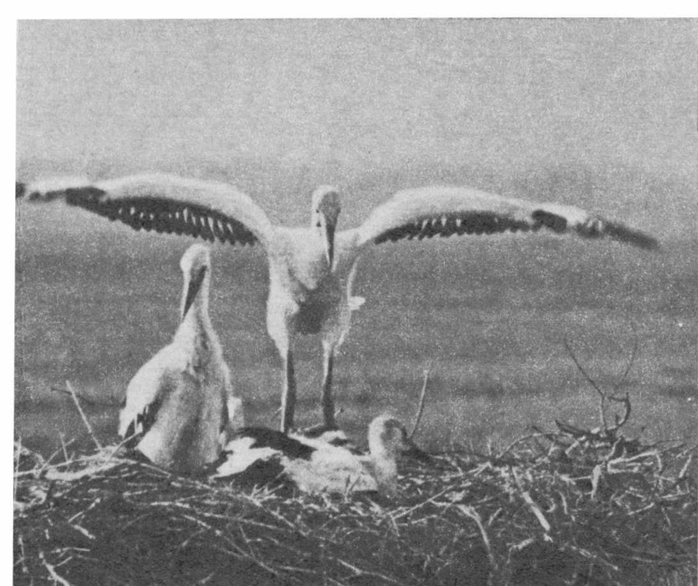
Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.